

№ 359-360. 20 коп.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Джеромъ К. Джеромъ.

Трое въ одной лодкѣ

(КРОМЪ СОБАКИ).

Переводъ съ англійскаго

М. А. Знгельгардта.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПОЛЬЗА“

В. АНТИКЪ и К^о.

МОСКВА.

Универсальная бібліотека. — Цѣна номера

1. Ибсенъ. Кукольный Домъ. (Нора).
2. Ибсенъ. Врагъ народа. (Докторъ Штокманъ).
3. Ибсенъ. Привидѣнія.
4. Ибсенъ. Годда Габлоръ.
5. Ибсенъ. Строитель Сольнесъ.
6. Ибсенъ. Эллида.
7. Бьернсонъ. Свыше силъ, ч. I.
8. Бьернсонъ. Свыше силъ, ч. II.
9. Гауптманъ. Передъ восходъ солнца.
10. Шницлеръ. Зеленый полукап. Парачельзусъ. Подруга.
11. Метерлинкъ. Монна Ванна.
12. Пшибышевскій. Снѣгъ.
13. Ибсенъ. Росмерсхольмъ.
14. Гауптманъ. Роза Берндъ.
15. Гауптманъ. Эрга.
16. Шницлеръ. Сказка.
17. Д'Аннунціо. Дочь юр'о.
18. Жеромскій. Лѣсные отголоски и др.
19. Метерлинкъ. Сестра Беатриса. Смерть Тентажиля.
20. Д'Амичисъ. Учительница рабочихъ.
21. Уайльдъ. Саломея.
22. Гауптманъ. Геншель.
23. Гейрмансъ. Всѣхъ скорбящихъ.
24. Пшибышевскій. Вѣчная сказка.
25. Гауптманъ. Одинокіе люди.
- 26-27. Фибихъ. Баба въ деревнѣ.
28. Гофмансталъ. Свадьба Зибиды.
29. Гофмансталъ. Смерть Тиціана. Вчера.
30. Делла Грауцэ. Катастрофа.
31. Де-Кюрель. Новый кумиръ.
- 32-33. „Изъ одного русла“. Сборникъ съ пред. Э. Ожешко.
34. Ибсенъ. Когда мы, мертвые, проснемся.
35. Гейзе. Марія изъ Магдалы.
36. Лемонье. Пьесы.
37. Гауптманъ. Михаэль Крамеръ.
38. Бетхеръ. Шкваль.
39. Шницлеръ. Суморечныя души.
40. Леконтъ де Лиль. Эриннія.
41. Уайльдъ. Борьба леди Уиндермаиръ.
42. Коппе. Северо Торелли.
- 43-44. Блячфордъ. Страна чудосъ.
45. Пшибышевскій. Ради счастья. Мать.
46. Шницлеръ. Поручикъ Густль.
47. Метерлинкъ. Чудо Святого Антонія. Аріана и Синяя борода.
48. Д'Аннунціо. Сильтѣ лю.
- 49-50. Гауптманъ. Потонувъ колъ.
51. Гауптманъ. Праздникъ.
- 52-53. Ибсенъ. Кесарь и Галъ. I. Отступничество Цезаря.
- 54-55. Гамсунъ. Панъ.
56. Шуу. Промыселъ г-жи Ус.
57. Гёббель. Юдиень.
- 58-59. Д'Аннунціо. Корабль.
60. Вэрхарнъ. Монастырь.
61. Стриндбергъ. Отецъ.
62. Метерлинкъ. Слѣпыя. Гари. Непогоженная.
63. Шоу. Фарисей.
64. Гамсунъ. Викторія.
65. Лагерлѣфъ. Легенда одной женщины.
66. Ибсенъ. Столпы общества.
67. Вэрхарнъ. Семнадцать ильтъ.
68. Гофмансталъ. Женщина Глупоць и смерть.
69. Вэрхарнъ. Зори.
70. Шницлеръ. Смерть.
- 71-72. Франсъ. Источникъ Св.
73. Пшибышевскій. Пляска смерти. Золотоо руно. Гос.
74. Стриндбергъ. Товарищи.
- 75-76. Гедбергъ. Иуда.
77. Зудерманъ. Іоанна.
78. Тетмайеръ. Бездна.
79. Стриндбергъ. Графиня К.
80. Ибсенъ. Дикая утка.
81. Ф апанъ. Спасит. нравствен.
82. Метерлинкъ. Пелосъ и Мел.
83. Аданъ. Византія.
84. Флоберъ. Иродіада. Сказка. Юліанъ Милостивъ. Простая.
85. Яничекъ. Женщина.
86. Меримэ. Карменъ.
87. Ибсенъ. Маленькй Эйольфъ.
88. Стриндбергъ. Пепелище.
89. Фибихъ. Борьба за мужиню.
90. Гофмансталъ. Эдипъ и Сфинксъ.
- 91-92. Шницлеръ. Фрау Берта Гар.
- 93-94. Меримэ. Жакерія.
95. Шницлеръ. Часы жизни.
96. Таро. Слава Дингли.
97. Шницлеръ. Жена мудреца.
98. Шницлеръ. Забава.
- 99-100. Гамсунъ. Голодь.
101. Гамсунъ. У вратъ царствъ.
102. Шницлеръ. Безъ запрета.
103. Пшибышевскій. Обрученіе.

ДЖЕРОМЪ К. ДЖЕРОМЪ.

ТРОЕ ВЪ ОДНОЙ ЛОДКѢ

(КРОМѢ СОБАКИ).

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
М. А. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

МОСКВА.
Книгоиздательство „ПОЛЬЗА“
В. Антикъ и К^о.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Главное достоинство этой книги не въ изяществѣ стили, не въ обилии полезныхъ свѣдѣній, которыя можно изъ нея почерпнуть, а въ правдивости и простотѣ. На ея страницахъ вы найдете отчетъ о дѣйствительно случившихся событіяхъ. Авторъ постарался только прикрасить ихъ, но и тутъ не приложилъ особеннаго усердія. Джорджъ, Гаррисъ и Монморанси не поэтическіе идеалы, а живыя существа съ мясомъ и кровью,—особенно Джорджъ, который вѣситъ четыре съ половиной пуда. Другія произведенія превзойдутъ это глубиною мысли и знаніемъ человѣческой природы, другія книги могутъ поспорить съ этой въ отношеніи оригинальности и объема; но въ отношеніи безнадёжной и неисправимой правдивости ни одна изъ извѣстныхъ міру книгъ не можетъ соперничать съ этой. Это достоинство болѣе всякаго другого сдѣлаетъ книжку драгоцѣнной въ глазахъ серьезнаго читателя и увеличитъ значеніе полезнаго урока, который въ ней заключается.

Лондонъ, августъ 1889 г.

ГЛАВА I.

Три инвалида. — Страданія Джорджа и Гарриса. — Жертва ста семи роковыхъ недуговъ. — Полезныя предписанія. — Какъ лѣчить разстройство печени въ дѣтскомъ возрастѣ. — Мы всѣ заработались и пуждаемся въ отдыхѣ. — Педѣля на бурныхъ волнахъ. — Джорджъ предлагаетъ поѣздку по рѣкѣ. — Возраженія Монморанси. — Рѣшеніе большинствомъ трехъ голо- совъ противъ одного.

Насъ собралось четверо: Джорджъ, Вильямъ-Са- муэль Гаррисъ, я и Монморанси. Мы сидѣли въ моей комнатѣ, курили и толковали о томъ, какъ мы пло- хи, то-есть, я хочу сказать, плохи съ медицинской точки зрѣнія.

Всѣ мы чувствовали себя скверно и были очень разстроены этимъ. Гаррисъ сообщилъ, что по вре- менамъ у него бываютъ такіе сильныя припадки головокруженія, что онъ почти теряетъ сознаніе, а Джорджъ сказалъ, что у него тоже бываютъ та- кіе припадки и онъ также почти теряетъ сознаніе. У меня же печень была не въ порядкѣ. Я знаю, что имѣютъ печень, потому что какъ разъ передъ этимъ прочелъ объявленіе о патентованныхъ пи- люляхъ противъ разстройства печени, гдѣ пере- числялись всѣ симптомы, по которымъ больной можетъ опредѣлить у себя этотъ недугъ. И всѣ эти симптомы оказались у меня.

Удивительная вещь: всякій разъ, когда мнѣ слу- чится прочесть описаніе какой-нибудь болѣзни, я прихожу къ заключенію, что она гнѣздится во

мнѣ, и при томъ въ опаснѣйшей формѣ. Всякій разъ діагнозъ оказывается схожимъ съ моими ощущеніями.

Зашелъ я какъ-то въ Британскій музей, чтобы прочесть о какой-то легкой болѣзни, кажется, о крапивной лихорадѣ, которая меня дожимала. Взялъ книгу, прочелъ все, что мнѣ нужно было, а тамъ какъ-то нечаянно сталъ переворачивать листы и просматривать главы о другихъ болѣзняхъ. Не помню, какая подвернулась мнѣ сначала, — какой-то ужасный, убійственный недугъ, — но только не успѣлъ я прочесть до половины списковъ симптомовъ - предвѣстниковъ болѣзни, какъ уже почувствовалъ, что зараженъ ею.

Съ минуту я сидѣлъ, оцѣнившъ отъ ужаса, а затѣмъ, не то машинально, не то съ горя, снова сталъ перелистывать книгу. Встрѣтилъ тифозную горячку, пробѣжалъ симптомы и убѣдился, что у меня тифозная горячка, что я захватилъ ее уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но до сихъ поръ не замѣчалъ; далѣе наткнулся на пляску св. Витта и, какъ и слѣдовало ожидать, убѣдился, что у меня и пляска св. Витта. Тутъ я не на шутку заинтересовался своимъ состояніемъ, рѣшилъ изслѣдовать его досконально и принялся за чтеніе въ алфавитномъ порядкѣ, начиная съ артрита, при чемъ увѣрился, что онъ у меня есть и что острый періодъ начнется послѣзавтра. Брайтову болѣзнь я нашелъ у себя въ измѣненной формѣ, такъ что, по-видимому, могъ рассчитывать прожить съ ней многіе годы. Cholera оказалась у меня съ тяжкими осложненіями, а съ дифтеритомъ я, кажется, родился. Я добросовѣстно проштудировалъ весь алфавитъ, и единственная болѣзнь, которой у меня не оказалось, была блѣдная немочь.

Въ первую минуту я былъ непріятно пораженъ такой опрометчивостью. Почему я не заболѣлъ блѣдной немочью? Откуда это непростительное уищженіе? Потомъ, однако, менѣе алчныя чувства

взяли перевѣсъ. Я вспомнилъ, что у меня оказались всѣ остальные болѣзни, извѣстныя въ фармакологіи, и рѣшилъ, что не буду такимъ себялюбивымъ и обойдусь ужъ какъ-нибудь безъ блѣдной немочи. Подагра въ своей злѣйшей формѣ явилась у меня безъ моего вѣдома, а чахоткой я, кажется, страдалъ съ дѣтства. Послѣ чахотки не было никакихъ болѣзней, и я рѣшилъ, что дальше мнѣ нечего читать.

Я сѣлъ и задумался. Я думалъ, какой интересный случай я представляю съ медицинской точки зрѣнія, и какимъ былъ бы я пріобрѣтениемъ для медицинской академіи. Студентамъ не нужно было бы „таскаться по госпиталямъ“, если бы я былъ къ ихъ услугамъ. Я самъ представлялъ цѣлый госпиталь. Стоило бы поухаживать за мной, а тамъ получай дипломы.

Затѣмъ я задалъ себѣ вопросъ, сколько же мнѣ остается жить? Я попытался произвести діагнозъ надъ самимъ собою. Пощупалъ пульсъ. Сначала вовсе не могъ найти пульса. Потомъ онъ какъ-то сразу явился. Я досталъ часы и сосчиталъ. Пульсъ оказался 147 въ минуту. Потомъ я попылся отыскать сердце. Но не могъ найти своего сердца. Оно совсѣмъ перестало биться. Впослѣдствіи я пришелъ къ убѣжденію, что оно все время оставалось на мѣстѣ и все время билось, но ручаться за это не могу. Я ощущалъ себя спереди, начиная съ того, что я называю своей талией, до головы; освидѣтельствовалъ оба бока, пошарилъ и по спинѣ, но ничего не нашелъ и не почувствовалъ. Тогда я попытался осмотрѣть свой языкъ. Я высунулъ его какъ могъ дальше, зажмурилъ одинъ глазъ, а другимъ попытался осмотрѣть. Но увидалъ только кончикъ и болѣе чѣмъ когда-либо убѣдился послѣ этого осмотра, что у меня скарлатина.

Я вошелъ въ бібліотеку веселымъ, здоровымъ парнемъ. Я выбрался изъ нея жалкой развалиной.

Я отправился къ моему врачу. Это мой старый однокашникъ, и когда мнѣ кажется, что я боленъ, онъ щупаетъ мой пульсъ, смотритъ языкъ, разговариваетъ со мной о погодѣ, и все это даромъ. Теперешнее мое посѣщеніе должно было вознаграждать его. „Для доктора,—думалось мнѣ,—всего важнѣе практика. Пусть же онъ займется мною. Я доставлю ему больше практики, чѣмъ семьсотъ обыкновенныхъ, дюжинныхъ паціентовъ, страдающихъ однимъ-двумя недугами“. Итакъ, я отправился къ нему и засталъ его дома.

— Ну-съ, что у васъ такое?—спросилъ онъ.

— Дорогой мой,—отвѣчалъ я,—не стану отнимать у васъ времени, перечисляя, что такое у меня. Жизнь коротка, и вы можете умереть, прежде чѣмъ я усию кончить. Но я вамъ скажу, чего у меня нѣтъ. У меня нѣтъ блѣдной немочи. Почему,—ей Богу, не знаю, но фактъ тотъ, что у меня ея нѣтъ. Зато все остальное у меня есть.

И я рассказалъ ему, какимъ образомъ пришелъ къ этому открытію.

Тогда онъ раздѣлъ меня, осмотрѣлъ, схватилъ мою руку выше кисти, потомъ стукнулъ меня въ грудь, когда я вовсе не ожидалъ этого—совершенно неблагородный поступокъ, на мой взглядъ,—потомъ ткнулъ меня головой. Затѣмъ усѣлся за столъ, написалъ рецептъ, сложилъ его, отдалъ мнѣ, а я положилъ его въ карманъ и ушелъ.

Я не сталъ читать рецептъ. Я отправился въ ближайшую аптеку и отдалъ его аптекарю. Тотъ прочелъ и возвратилъ его мнѣ, сказавъ, что ему нечего съ нимъ дѣлать.

— Да вѣдь вы аптекарь?—спросилъ я.

— Да, я аптекарь,—отвѣчалъ онъ.—Если бы у меня была бакалейная лавка и ресторанъ, я былъ бы радъ услужить вамъ; но я, въ сожалѣнію, только аптекарь.

Я прочелъ рецептъ. Вотъ его содержаніе:

1 порція бифштекса,

1 пинта горькаго пива

Каждые 6 часовъ.

Прогулка въ десять миль по утрамъ.

Ложиться въ постель ровно въ 11 ч. каждую ночь.

Кромѣ того, не набивайте себѣ голову вещами, которыхъ вы не понимаете.

Я послѣдовалъ этимъ предписаніямъ, и съ очень хорошимъ результатомъ—по крайвей мѣрѣ для меня, такъ какъ до сихъ поръ остался въ живыхъ.

Въ настоящемъ случаѣ, возвращаясь къ разстройству печени, я нашелъ въ себѣ всѣ признаки этой болѣзни, и прежде всего важнѣйшій: „общую неохоту къ какому бы то ни было труду“.

Сколько я выстрадалъ изъ-за этого симптома, и пересказать нѣтъ силъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ я мучился этимъ недугомъ. Въ дѣтствѣ онъ не оставлялъ меня ни на одинъ день. Тогда еще не понимали, что это — болѣзнь. Въ то время медицинская наука еще далеко не достигла такой степени совершенства, какъ нынѣ, и мой недугъ приписывали лѣности.

— Ступай, ступай за работу, лѣнивый чертенокъ,—говорили мнѣ, безъ сомнѣнія, потому, что не знали о моей болѣзни.

Вмѣсто пилюль я получалъ головомойки. И, странное дѣло, онѣ нѣрѣдко помогали мнѣ. Да, въ то время хорошая головомойка производила лучшее дѣйствіе на мою печень и заставляла меня быстрее и прилежнѣе приниматься за работу, чѣмъ нынѣ цѣлая коробка пилюль.

Впрочемъ, вѣдь это вещь извѣстная: простыя, старомодныя лѣкарства нѣрѣдко оказываются дѣйствительнѣе всевозможныхъ дорогихъ препаратовъ.

Мы просидѣли съ полчаса, рассказывая другъ другу о нашихъ болѣзняхъ. Я объяснилъ Джорджу и Вильяму Гаррису, какъ я себя чувствую по утрамъ, когда встаю съ постели, Вильямъ Гаррисъ сообщилъ намъ, какъ онъ чувствуетъ себя по вечерамъ, когда ложится въ постель; а Джорджъ всталъ на коврику у камина и далъ намъ выразительное и сильное мимическое представленіе, показавъ, какъ онъ чувствуетъ себя по ночамъ.

Джорджъ воображаетъ, будто онъ боленъ; только, знаете ли, этого никогда не было въ дѣйствительности.

Тутъ мистриссъ Поппетсъ постучалась къ намъ и спросила, будемъ ли мы ужинать. Мы грустно улыбулись другъ другу и рѣшили, что намъ, пожалуй, будетъ полезно проглотить кусочекъ-другой. Гаррисъ замѣтилъ, что небольшое количество пищи въ желудкѣ часто хорошо дѣйствуетъ при болѣзни, и мистриссъ Поппетсъ принесла ужинъ; мы усѣлись за столъ и принялись за котлетки съ луковымъ соусомъ и за пирогъ съ ревеннымъ вареньемъ.

Вѣроятно, я былъ очень слабъ, потому что спустя полчаса или около того уже вовсе не хотѣлъ ѣсть—вещь необычайная для меня—и отказался отъ сыра.

Исполнивъ этотъ долгъ, мы снова налили стаканы, закурили трубки и вернулись къ обсужденію вопроса о нашемъ здоровьѣ. Чѣмъ, собственно, мы страдали, никто изъ насъ не могъ опредѣлить вполне точно; но единодушное заключеніе было таково, что наши недуги, каковы бы они ни были,—результатъ переутомленія.

— Отдыхъ, вотъ что намъ нужно,—сказалъ Гаррисъ.

— Отдыхъ и перемѣна, — сказалъ Джорджъ. — Крайнее напряженіе мозга произвело общее угнетающее дѣйствіе на нашу нервную систему. Новые впечатлѣнія, отсутствіе необходимости мыслить возстановятъ наше умственное равновѣсіе.

У Джорджа есть двоюродный братъ, студентъ-медикъ, такъ что онъ обладаетъ, такъ сказать, семейно-врачебной манерой излагать вещи.

Я согласился съ Джоржемъ и замѣтилъ, что намъ слѣдуетъ поискать какой-нибудь захолустный, старосвѣтскій уголокъ, вдали отъ буйной толпы, и провести недѣлку среди мирныхъ полей; какой-нибудь забытый міромъ закоулокъ, сонное царство, въ сторонѣ отъ шумнаго свѣта; какое-нибудь уютное гнѣздышко на утесахъ Темзы, гдѣ лишь слабо отдаются бурныя волны XIX вѣка.

Гаррисъ сказалъ, что, по его мнѣнію, это чепуха. Онъ прибавилъ, что знаетъ именно такой уголокъ, гдѣ ложатся въ постель въ восемь часовъ и гдѣ нельзя достать газеты ни даромъ, ни за деньги.

— Нѣтъ,—прибавилъ онъ,—если вы хотите отдохнуть и развлечься, то нѣтъ ничего лучше поѣздки по морю.

Но я горячо возсталъ противъ поѣздки по морю. Поѣздка по морю хороша, когда длится два мѣсяца, а ѣхать на одну недѣлю — только огорченіе.

Вы отправляетесь въ понедѣльникъ, намѣреваясь весело провести время. Вы посылаете послѣднее прости публикѣ, остающейся на берегу, закуриваете длиннѣйшую изъ вашихъ трубокъ и принимаетесь разгуливать по палубѣ, точно вы одновременно капитанъ Кукъ, сэръ Френсисъ Дрэкъ и Христофоръ Колумбъ. Во вторникъ вы жалѣете, что поѣхали. Въ среду, четвергъ и пятницу вы рады умереть. Въ субботу вы уже въ силахъ проглотить стаканъ чаю, сидѣть на палубѣ и отвѣчать слабой ласковой улыбкой сострадательнымъ людямъ, которые спрашиваютъ васъ, какъ вы себя чувствуете. Въ воскресенье вы начинаете уже ходить и принимать твердую пищу. И только въ понедѣльникъ, стоя съ чемоданомъ и зонтикомъ на шкафутѣ и готовясь выйти на пристань, вы начинаете наслаждаться поѣздкой.

Мой зять предпринялъ однажды небольшую поѣздку по морю для поправленія здоровья. Онъ купилъ обратный билетъ отъ Лондона до Ливерпуля, и по прѣздѣ въ Ливерпуль единственной его заботой было продать обратный билетъ.

Онъ предлагалъ его по всему городу съ огромной уступкой и, наконецъ, продалъ случайно за восемнадцать пенсовъ желчному молодому человеку, которому доктора предписали поѣздку на морской берегъ и физическія упражненія.

— Морского берега, — сказалъ мой зять, нѣжно всовывая ему въ руку билетъ, — вамъ хватитъ на всю жизнь, а физическихъ упражненій у васъ будетъ на кораблѣ больше, чѣмъ если бы вы вздумали кувыряться на сушѣ.

Самъ онъ, мой зять, вернулся домой по желѣзной дорогѣ. Онъ говоритъ, что Сѣверо-Западная желѣзная дорога достаточно здорова для него.

Другой мой знакомый тоже отправился на недѣлю въ море, и передъ самымъ отъѣздомъ буфетчикъ спросилъ у него, намѣренъ ли онъ платить за каждое блюдо отдѣльно или заплатить разомъ за недѣлю впередъ.

Буфетчикъ рекомендовалъ послѣдній способъ, какъ болѣе дешевый. Онъ сказалъ, что возьметъ за недѣлю два фунта пять шиллинговъ. На завтракъ будетъ рыба и жареное мясо. Поздній завтракъ подается въ часъ и состоитъ изъ четырехъ блюдъ. Обѣдъ въ шесть часовъ: супъ, рыба, entree, мясо, цыплята, салатъ, варенье, сыръ и десертъ. Въ десять часовъ мясо на ужинъ.

Мой другъ подумалъ, что выгоднѣе будетъ заплатить два фунта пять шиллинговъ (онъ хорошій ѣдокъ), и такъ и поступилъ.

Къ позднему завтраку они были за Ширнессомъ. Онъ не чувствовалъ такого аппетита, какъ ожидалъ, и съѣлъ только кусочекъ варенаго мяса и земляники со сливками. Онъ много размышлялъ послѣ завтрака: иногда ему казалось, что онъ цѣ-

лѣя недѣли питался варенымъ мясомъ, иногда, что цѣлые годы сидѣлъ на земляникѣ со сливками.

Повидимому, ни мясо, ни земляника не чувствовали себя хорошо въ его желудкѣ,—оба казались недовольными.

Въ шесть часовъ ему сказали, что обѣдъ поданъ. Это извѣстiе вовсе не возбудило въ немъ восторга, но, вспомнивъ, что надо же выручать свои два фунта пять шиллинговъ, онъ всталъ и, придерживаясь за канаты и все, что попадалось подъ руку, спустился въ каюту. Прiятный запахъ лука и поджареннаго окорока, рыбы и зелени встрѣтилъ его тамъ, и буфетчикъ подошелъ къ нему съ масляной улыбкой и спросилъ:

— Чѣмъ могу служить вамъ, сэръ?

— Уведите меня отсюда,—отвѣтилъ онъ слабымъ голосомъ.

И его подхватили подъ-руки, вывели на палубу, и оставили тамъ на произволь судьбы.

Въ теченiе четырехъ слѣдующихъ дней онъ велъ аскетическiй образъ жизни, питаясь капитанскими галетками и содовой водой; но къ субботѣ уже настолько поправился, что могъ выпить стаканъ слабаго чая съ черствой булкой, а въ понедѣльникъ чуть не объѣлся куринымъ супомъ. Во вторникъ онъ оставилъ корабль и, уходя съ пристани, бросалъ на него тоскливые взоры.

„Уходить,—думалъ онъ,—уходить и увозить съ собой на два фунта пять шиллинговъ пицци, которая принадлежитъ мнѣ и которой я не воспользовался“.

Онъ говорилъ потомъ, что если бы ему дали еще денегъ, онъ вернулъ бы свои два фунта пять шиллинговъ.

Итакъ, я высказался противъ поѣздки по морю. Я не о себѣ хлопоталъ, мнѣ вѣдь все равно, но я боялся за Джорджа. Джорджъ отвѣчалъ, что ему все равно, и онъ не прочь отъ поѣздки, но совѣтуетъ Гаррису и мнѣ отказаться отъ нея, такъ

какъ увѣренъ, что мы заболѣемъ. Гаррисъ сказалъ, что не можетъ понять, какъ это люди ухитряются болѣть на морѣ—по его мнѣнiю, они просто притворяются, воображая, что это очень интересно,—и прибавилъ, что нѣсколько разъ старался заболѣть, но никогда не могъ.

При этомъ онъ разсказалъ намъ о своемъ перѣздѣ черезъ Ламанипъ въ бурную погоду, когда всѣ пассажиры попрятались по каютамъ, и только онъ да капитанъ остались на палубѣ какъ ни въ чемъ не бывало. Иногда какъ ни въ чемъ не бывало оказывались опъ да младшiй помощникъ; вообще такихъ было двое: онъ и еще кто-нибудь. Когда же не бывало никого другого, то оставался онъ одинъ.

Странное дѣло, никто никогда не страдаетъ морской болѣзнию на сушѣ. На морѣ вы встрѣчаете тысячи больныхъ, хоть прудъ пруди ими, но я ни разу не встрѣчалъ на сушѣ человѣка, который бы зналъ, что такое морская болѣзнь. Куда дѣваются легiоны плохихъ моряковъ, которыми кишитъ каждое судно, когда они выходятъ на берегъ,—неразрѣшимая загадка.

Впрочемъ, если большинство людей походятъ на парня, котораго я встрѣтилъ однажды на ярутскомъ пароходѣ, то я, пожалуй, могу разрѣшить эту кажущуюся загадку. Не помню, гдѣ это было, но онъ лежалъ, высунувшись изъ пупечнаго люка, въ самой опасной позѣ. Я подошелъ къ нему и попытался спасти его.

— Эй, отодвиньтесь подальше,—сказалъ я, дергая его за плечо.—Вы свалитесь за бортъ.

— О, туда мнѣ и дорога! — отвѣчалъ онъ, и я оставилъ его въ покоѣ.

Три недѣли спустя я встрѣтилъ его въ Батскомъ отелѣ. Онъ разсказывалъ о своихъ путешествiяхъ и въ самыхъ восторженныхъ выраженiяхъ говорилъ о своей любви къ морю.

— Хорошiй морякъ!—повторилъ онъ въ отвѣтъ

на завистливое замѣчаніе какого-то милаго молодого человѣка.—Нѣтъ, признаюсь, я однажды чувствовалъ себя плохо. Это было за мысомъ Горномъ. На другой день корабль пошелъ ко дну.

Тутъ вмѣшался я.

— Кажется, вамъ было немножко не по себѣ на ярмутскомъ пароходѣ, когда вы еще хотѣли вывалиться за бортъ.

— На ярмутскомъ пароходѣ?—повторилъ онъ съ очевиднымъ смущеніемъ.

— Ну, да; въ пятницу, три недѣли тому назадъ.

— А, да, да,—отвѣчалъ онъ, оживляясь,—теперь припоминаю. У меня страшно болѣла голова. Это все отъ пивулей. Въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось ѣсть такія скверныя пивули на порядочномъ пароходѣ. Вы ихъ пробовали?

Я лично открылъ прекрасное средство противъ морской болѣзни. Нужно раскачиваться въ тактъ съ кораблемъ. Нужно стать посреди палубы, и если корабль качаетъ, наклоняться въ противоположномъ направленіи: такимъ образомъ вы постоянно сохраняете вертикальное положеніе. Когда носъ корабля поднимается, вы наклоняетесь впередъ, пока не ткнетесь носомъ о палубу; когда же поднимается корма,—опрокидываетесь на спину. Это годится на часъ, на два, но нѣтъ возможности раскачиваться такимъ образомъ цѣлую недѣлю.

— Предпримемъ поѣздку по рѣкѣ,—предложилъ Джорджъ.

Онъ прибавилъ, что въ этой поѣздкѣ мы найдемъ свѣжій воздухъ, физическое упражненіе и покой; что постоянная перемѣна пейзажа будетъ развлекать насъ, а работа съ веслами благотворно повліяетъ на нашъ аппетитъ и сонъ.

Гаррисъ посовѣтовалъ Джорджу не предпринимать ничего такого, что могло бы заставить его спать больше, чѣмъ онъ спитъ въ обыкновенное время: это было бы опасно. Онъ добавилъ, что не совсѣмъ понимаетъ, какимъ образомъ Джорджъ

ухитрится спать больше, чѣмъ теперь, если принять въ расчетъ, что въ суткахъ всего двадцать четыре часа,—все равно зимою или лѣтомъ. Если же ему это удастся, то онъ будетъ то же, что мертвый,—и такимъ образомъ избавится отъ издержекъ на столъ и квартиру.

Впрочемъ, Гаррисъ замѣтилъ, что поѣздка по рѣкѣ вполне по его вкусу; мнѣ она тоже нравилась, и мы оба одобрили идею Джорджа такимъ тономъ, словно насъ удивляло, что Джорджъ можетъ придумать что-нибудь разумное.

Единственный, кому этотъ проектъ не понравился, былъ Монморанси. Монморанси терпѣть не можетъ рѣкъ.

— Для васъ это хорошо, братцы,—разсуждаетъ онъ,—вы это любите, но я не люблю. Мнѣ тамъ нечего дѣлать. Къ природѣ я равнодушенъ; я не курю. Если я увижу крысу, вы не остановитесь, а если я засну, вы будете себѣ плыть дальше и вывернете меня изъ лодки. Нѣтъ, если желаете знать мое мнѣніе, такъ по-моему, это чистѣйшая чепуха.

Какъ бы то ни было, насъ было трое противъ одного, и поѣздка была рѣшена.

ГЛАВА II.

Обсужденіе плановъ.—Ночевка подъ открытымъ небомъ въ хорошую погоду.—То же въ дурную.—Компромиссъ.—Отношеніе къ нему Монморанси.—Опасенія за недолговѣчность Монморанси и ихъ несостоятельность.

Мы достали карту и принялись обсуждать планъ поѣздки.

Мы рѣшили отправиться въ ближайшую субботу изъ Кингстона. Гаррисъ и я поѣдемъ туда и наймемъ лодку до Чертсея, а Джорджъ, которому

нельзя отлучиться изъ Сити до двухъ часовъ (онъ ходитъ въ контору спать отъ десяти до четырехъ ежедневно, за исключеніемъ субботы, когда его будятъ и выпроваживаютъ въ два часа), прїѣдетъ поздно. Будемъ мы „ночевать въ полѣ“ или останавливаться въ гостиницахъ?

Джорджъ и я стояли за ночевку въ полѣ. Это такъ дико, привольно, патриархально!

Багряные лучи заходящаго солнца тихо гаснутъ среди холодныхъ, мрачныхъ облаковъ. Птицы умолкаютъ, и только жалобный стонъ водяной курочки да рѣзкій крикъ коростеля нарушаютъ таинственную тишину сонныхъ водъ, въ которыхъ умирающій день испускаетъ послѣднее дыханіе.

Изъ темныхъ рощъ безшумно выскользаютъ души почи, сѣрыя тѣни; гася послѣдніе отблески свѣта, разбѣгаются они неслышными, незримыми стопами по прибрежнымъ лугамъ, по тоскливо шумящимъ камышамъ; а почъ съ своего мрачнаго престола развертываетъ свои черныя крылья надъ потемнѣвшимъ міромъ и воцаряется въ своемъ волшебномъ дворцѣ, озаренномъ мерцающими звѣздами.

Мы причаливаемъ къ какому-нибудь укромному уголку, раскидываемъ палатку и варимъ на кострѣ скромный ужинъ. Потомъ закуриваемъ трубки и коротаемъ время въ веселой бесѣдѣ. Между тѣмъ какъ рѣка плещется вокругъ нашей лодки и рассказываетъ намъ свои чудесныя старинныя сказки, тихо напѣваетъ свою старую колыбельную пѣсенку, которую поетъ уже столько тысячелѣтій и будетъ пѣть еще много тысячелѣтій, прежде чѣмъ голосъ ея станетъ хриплымъ и разбитымъ отъ старости, и намъ чудится порою, что мы, столько разъ поконившіеся на ея зыбкомъ лонѣ, понимаемъ эту пѣсенку, хотя и не можемъ передать ее словами.

Мы сидимъ на ея берегу, пока луна поднимается на горизонтѣ и цѣлуетъ ее братскимъ по-

цѣлуемъ и стискиваетъ ее въ своихъ серебряныхъ объятіяхъ; слушаемъ, какъ она струится съ вѣчной пѣсней, съ вѣчнымъ ропотомъ къ своему господину—мору, пока наши голоса не замрутъ и трубки не потухнутъ, и довольно дюжинные, обыкновенные молодые люди, мы чувствуемъ необычайную полноту мыслей, грустныхъ и въ то же время сладкихъ, и терлемъ охоту говорить, и, наконецъ, улыбаемся, встаемъ, выколачиваемъ пепелъ изъ потухшихъ трубокъ, желаемъ другъ другу „покойной ночи“ и, убаюканные ропотомъ волнъ и шумомъ деревьевъ, засыпаемъ при свѣтѣ величавыхъ, спокойныхъ звѣздъ. Мы видимъ во снѣ, что земля снова помолодѣла и блещетъ юностью, какъ сотни вѣковъ тому назадъ, когда заботы и печали еще не избородили морщинами ея лица, а грѣхи и безуміе ея дѣтей еще не состарили ея любящаго сердца; когда пороки мишурной цивилизаціи еще не вырвали насъ изъ ея нѣжныхъ объятій, а ядовитый смѣхъ искусственнаго условнаго быта еще не заставлялъ насъ стыдиться простой жизни на ея широкомъ лонѣ, гдѣ тысячи лѣтъ тому назадъ родилось человечество...

— А что, если пойдетъ дождь?—спросилъ Гаррисъ.

Гарриса рѣшигельно ничѣмъ не проберешь. Въ немъ нѣтъ ни на грошъ поэзіи, никакихъ порывовъ къ недосягаемому. Гаррисъ никогда не „плачетъ, не зная о чемъ“. Если вы замѣтите у Гарриса слезы на глазахъ, то будьте увѣрены, что онъ наѣлся сырого лука или хватилъ лишняго.

Если вамъ случится стоять съ Гаррисомъ на берегу моря, и вы скажете ему:

— Слышите! Это русалки поютъ глубоко подъ шумными волпами; это звучитъ похоронная пѣснь морскихъ духовъ надъ тѣлами утопленниковъ, оутаннхъ водорослями, — онъ возьметъ васъ подъ руку и отвѣтитъ:

— Полноте, старина, я знаю, что это такое: просто вѣ озябли. Пойдемте-ка, я знаю тутъ по-

близости мѣстечко, гдѣ можно хватить стаканчикъ отличнѣйшаго шотландскаго виски, и всю простуду какъ рукой снять.

Гаррисъ всегда знаетъ поблизости мѣстечко, гдѣ можно найти что-нибудь блиетательное по части вышивки. Я думаю, что если вы повстрѣчаете Гарриса въ раю (говорю только для примѣра), то онъ тотчасъ заявитъ вамъ:

— Радъ васъ видѣть, старина; пойдете-ка, я знаю тутъ поблизости мѣстечко, гдѣ намъ дадутъ отличнѣйшаго нектара.

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ, имѣя въ виду ночевку подъ открытымъ небомъ, его практическое замѣчаніе пришлось кстати. Дѣйствительно, ночевать подъ открытымъ небомъ въ дождливую погоду не особенно пріятно.

Наступаетъ вечеръ. Вы промокли до нитки, въ лодкѣ набралось воды на добрыхъ два дюйма, всѣ ваши вещи отсырѣли. Вы отыскиваете на берегу мѣстечко посуше и почище, высаживаетесь, вытаскиваете палатку, и двое изъ васъ стараются прикрѣпить ее.

Она пропитана водой и тяжела, выскользаетъ у васъ изъ рукъ, плещаетъ васъ по лицу, завертывается вокругъ головы и доводитъ васъ до неистовства. Все это время дождь упорно льетъ, какъ изъ ведра. И въ сухую-то погоду нелегко раскинуть палатку, а въ дождливую это просто геркулесовскій подвигъ. Вамъ кажется, что вашъ товарищъ дурачитъ васъ вмѣсто того, чтобы помогать. Только что вы прикрѣпили свой конецъ палатки, а онъ дергаетъ за свой, и ваша работа пошла прахомъ.

— Ну, что у васъ тамъ такое?—взываетъ вы.

— А у васъ что такое?—возражаетъ онъ.— Прикрѣпили вы?

— Не дергайте, вы все испортили, осель!—кричите вы.

— Брете вы, ничего я не испортилъ!—оретъ онъ въ отвѣтъ.—Привязывайте вашъ конецъ!

— Говорятъ вамъ, вы все испортили!—вопите вы и дергаете за веревки такъ, что всѣ его колышки вылетаютъ вонъ.

— Этакій идиотъ, — ворчитъ онъ сквозь зубы; затѣмъ сильный толчекъ, и ваша сторона палатки тоже отлетаетъ.

Вы бросаете колотушку, и кидаетесь къ нему, чтобы откровенно высказать ваше мнѣнiе о его поступкѣ, а онъ въ то же самое время кидается къ вамъ съ другой стороны съ тѣмъ же самымъ намѣренiемъ. И вотъ вы гоняетесь другъ за другомъ вокругъ палатки, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ, пока, наконецъ, она не валится, и вы оба останавливаетесь надъ ея развалинами, разомъ восклицая:

— Ну, что, говорилъ я вамъ!..

Тѣмъ временемъ вашъ третiй товарищъ, отливавшiй воду изъ лодки и зачерпнувшiй ее рукавами, и тоже ругавшiйся на чемъ свѣтъ стоитъ въ послѣднiя десять минутъ, желаетъ узнать, какого чорта вы тамъ возитесь и почему эта проклятая палатка до сихъ поръ не установлена.

Наконецъ, вы кое-какъ укрѣпляете ее и вытаскиваете вещи изъ лодки. Нечего и думать развести костеръ—приходится удовольствоваться спиртовой лампой!

Дождевая вода—ваше главное угощенiе за ужиномъ: хлѣбъ пропитанъ ею на двѣ трети, пироги съ мясомъ насыщены ею, варенье, масло, соль, кофе превратились въ сунъ, благодаря ей.

Послѣ ужина вы убѣждаетесь, что вашъ табакъ отсырѣлъ и курить нельзя. Хорошо еще, что у васъ есть бутылка, содержимое которой, принятое внутрь въ достаточномъ количествѣ, веселитъ васъ и возрождаетъ охоту къ жизни настолько, что вы ложитесь спать.

Вамъ снится, что слонъ улегся вамъ на грудь, и вдругъ подъ вами развѣрзается вулканъ и сбрасываетъ васъ на дно морское, между тѣмъ какъ

слонъ храпѣть себѣ какъ ни въ чемъ не бывало на вашей груди. Вы просыпаетесь и чувствуете, что въ самомъ дѣлѣ случилось что-то ужасное. Сначала вамъ кажется, будто наступилъ конецъ міра; потомъ вы соображаете, что это невозможно; а просто вломились воры или разбойники, либо случился пожаръ. Вы зовете на помощь, но помощи нѣтъ, и вы чувствуете только, что толпа навалилась на васъ и душитъ васъ.

Еще кому-то приходится плохо. Вы слышите его слабыя стоны подъ кроватью. Рѣшивъ во всякомъ случаѣ дорого продать свою жизньъ, вы отчаянно боретесь, отбиваясь руками и ногами и продолжая кричать во всю глотку, пока, наконецъ, какое-то препятствіе не уступитъ вашимъ усиліямъ, и голова ваша не окажется въ воздухѣ. Въ двухъ шагахъ отъ себя вы замѣчаете полуодѣтую фигуру разбойника, подстерегающаго васъ. И вы рѣшаетесь биться съ нимъ не на животъ, а на смерть— какъ вдругъ узнаете Джима.

— Ахъ, это вы?— говоритъ онъ, узнавая васъ.

— Да,— отвѣчаете вы, протирая глаза,— что случилось?

— Кажется, палатка свалилась,— говоритъ онъ.— Гдѣ же Билль?..

Вы оба начинаете кричать „Билль!“ и видите, что палатка подлѣ васъ шевелится и топорщится, и глухой голосъ, который вы слышали раньше, взываетъ изъ-подъ нея:

— Да освободите же мою голову!

И вотъ онъ вылѣзаетъ на свѣтъ Божій, мокрый, жалкій и въ адскомъ настроеніи духа, такъ какъ увѣренъ, что все это сдѣлано нарочно.

Утромъ всѣ трое молчатъ и хмурятся, такъ какъ схватили ночью простуду; всѣ злятся и бормочутъ другъ другу проклятія во время завтрака.

Въ виду всего этого, мы рѣшились ночевать подъ открытымъ небомъ въ хорошую погоду, въ

дурную же или когда захочется перемены, отправляться въ отель или гостиницу.

Монморанси отнесся къ этому компромиссу съ большимъ одобреніемъ. Онъ не любитель романтическаго уединенія. Ему нравится толпа. Взглянувъ на него, вы подумаете, что это ангелъ, посланный на землю по какой-то невѣдомой причинѣ въ образѣ маленькаго фоксъ-терьера. Въ немъ есть что-то такое трогательное, точно онъ говорить: „какъ испорченъ этотъ свѣтъ и какъ бы я желалъ сдѣлать его добрее и благороднее“, отчего его мордочка вызываетъ слезы умиленія у благочестивыхъ старыхъ леди и джентльменовъ.

Когда онъ поступилъ ко мнѣ на иждивеніе, я думалъ, что мнѣ не придется долго кормить его. Часто я сидѣлъ и смотрѣлъ на него въ то время, какъ онъ сидѣлъ на коврѣ и смотрѣлъ на меня, и всякій разъ мнѣ приходило въ голову: „Нѣтъ, этотъ песъ долго не проживетъ. Онъ будетъ взятъ живымъ на небо, вотъ что съ нимъ случится“.

Но когда я заплатилъ за дюжину цыплятъ, которыхъ онъ передошилъ, когда мнѣ пришлось выручать его изъ ста четырнадцати уличныхъ схватокъ и тащить домой за шиворотъ, при чемъ онъ визжалъ и отбивался, какъ бѣшеный; когда какая-то вѣдьма принесла мнѣ задушенную кошку и назвала меня убійцей; когда сосѣдъ выругалъ меня за то, что я-де пускаю безъ намордника свирѣпаго пса, по милости котораго онъ долженъ былъ просидѣть битыхъ два часа въ холодную ночь въ собственномъ своемъ сараѣ, не рѣшаясь высунуть носа на улицу,—тогда я сталъ думать, что, можетъ быть, ему суждено еще пожить на этомъ свѣтѣ.

Рыскать по задворкамъ, набирать шайку самыхъ безнравственныхъ собакъ во всемъ городѣ и таскать ихъ за собой по грязнѣйшимъ закоулкамъ, вступая въ драку съ другими безнравственными собаками,—вотъ что значить „житье“, по мнѣнію

Монморанси; немудрено, что онъ выразилъ, какъ я уже замѣтилъ, самое восторженное одобреніе нашему проекту насчетъ отелей и гостиницъ.

Уладивъ такимъ образомъ, къ удовольствію всѣхъ четверыхъ, вопросъ о спаньѣ, мы начали было обсуждать вопросъ о запасахъ экспедиціи, но тутъ Гаррисъ заявилъ, что, по его мнѣнію, на сегодняшній вечеръ довольно разговоровъ, и предложилъ пойти прогуляться, прибавивъ, что знаетъ близости мѣстечко, гдѣ намъ дадутъ отличнаго виски.

Джорджъ сказалъ, что охотно выпьетъ (мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы онъ дѣлалъ это неохотно), и такъ какъ и я чувствовалъ, что стаканчикъ горичаго виски съ лимономъ будетъ полезенъ для меня, то и рѣшено было отложить дебаты до слѣдующаго вечера. Затѣмъ вся компанія взялась за шляпы и отправилась на улицу.

ГЛАВА III.

Обсуждаемъ дѣла.—Способъ работы Гарриса.—Какъ почтенный семьянинъ прибываетъ картину.—Благодарное замѣчаніе Джорджа.—Пріятность утренняго купанья.—Запасы на случай крушенія.

Итакъ, на слѣдующій вечеръ мы снова собрались обсудить и уладить наши плашы.

— Ну-съ, — сказалъ Гаррисъ, — прежде всего нужно рѣшить, что мы съ собой забираемъ. Вы, Джимъ, возьмите клѣточекъ бумаги и пишите; а вы, Джорджъ, достаньте преисъ-курантъ колоніальной лавки, да дайте мнѣ кто-нибудь карандашикъ; я составлю списокъ.

Таковъ Гаррисъ: беретъ на себя все дѣло и сваливаетъ его на другихъ.

Онъ напоминаетъ мнѣ моего дядю Поджера. Вамъ во всю жизнь вѣрно не случалось видѣть

такую суматоху, какая поднялась у насъ въ домѣ, когда дядя Поджеръ вздумалъ взяться за работу. Какъ-то намъ прислали картину, и она стояла въ столовой; но теткѣ Поджеръ пришло въ голову спросить, что съ ней дѣлать, и дядя ей на это:

— О, предоставьте это дѣло мнѣ. Пожалуйста, не безпокойтесь, пусть никто не безпокоится. Я все сдѣлаю.

И вотъ онъ снялъ скюртукъ и пошелъ... Прежде всего онъ послалъ горничную за гвоздиками, за ней въ догонку отправилъ мальчика сказать, какого размѣра должны быть гвозди, и такъ мало-по-малу взбудоражилъ весь домъ.

— Раздобудь-ка мнѣ молотокъ, Вилль, — кричалъ онъ, — а ты, Томъ, принеси линейку, да дайте лѣсенку, да, принесите пожалуй, и кухонный стулъ, а ты, Джимъ, сбѣгай къ м-ру Гоггльсу да скажи ему: „Папа шлетъ поклонъ и спрашиваетъ, какъ ваше здоровье, и проситъ прислать ему вашъ ватерпасъ“. Ты, Мэри, не уходи отсюда: долженъ же кто-нибудь посвѣтить; да когда горничная вернется, пошлите ее опять за тесемкой, а Томъ!.. Да гдѣ же Томъ?.. Томъ, ступай сюда, поддержи-ка мнѣ картину!

Затѣмъ онъ хотѣлъ поднять картину, но выпустилъ ее изъ рукъ; она выскользнула изъ рамы; онъ хотѣлъ спасти стекло, обрѣзаясь самъ и заметался по комнатѣ, отыскивая платокъ. Но платка онъ не могъ отыскать, потому что платокъ былъ въ карманѣ скюртука, который онъ снялъ; а куда онъ положилъ скюртукъ, онъ самъ забылъ, — и вотъ вся семья должна была бросить работу и искать скюртукъ, пока онъ кипятился и мѣшалъ всѣмъ.

— Неужто жъ никто во всемъ домѣ не видалъ моего скюртука? Это ни на что не похоже, ей Богу! Шестъ человекъ, и не могутъ найти скюртука, который я снялъ пять минутъ тому назадъ! Ну, право... — Тутъ онъ вскочилъ, увидѣвъ, что сидитъ на скюртукѣ, и крикнулъ: — Да, бросьте же

искать! Я самъ нашелъ его. Лучше было бы кошку попросить поискать, чѣмъ дожидаться вашей братиі...

И вотъ, послѣ того, какъ полчаса провозились съ его пальцемъ, да перемѣнили стекло, да принесли инструменты, лѣсницу, стулъ, свѣчку, онъ взялся докончить работу, а вся семья, включая горничную и поденщицу, расположилась около него полукругомъ,—помогать. Двое держали стулъ, третій поддерживалъ его самого, четвертый подавалъ ему гвоздь, пятый держалъ молотокъ; онъ взялся за гвоздь и уронилъ его.

— Ну,—сказалъ онъ съ досадой,—теперь вотъ гвоздь упалъ!

И мы всѣ пустились на карачки разыскивать гвоздь, въ то время, какъ онъ ворчалъ, стоя на стулѣ и спрашивая, не до утра ли ему стоять здѣсь.

Наконецъ, гвоздь отыскался, но тѣмъ временемъ молотокъ затерялся.

— Гдѣ молотокъ? Куда я дѣвалъ молотокъ? Господи Боже мой! Вы тутъ всемеромъ зѣваете и не знаете, куда я дѣвалъ молотокъ!

Наконецъ, мы нашли молотокъ, но тутъ онъ потерялъ изъ вида отмѣтку, которую сдѣлалъ на стѣнѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нужно было вбить гвоздь, и всѣмъ намъ поочереди пришлось лѣзть на стулъ и разыскивать ее, и всѣ мы находили ее въ разныхъ мѣстахъ; а онъ бранилъ насъ болванами и гналъ прочь одного за другимъ. Затѣмъ взялъ линейку и снова сталъ вымѣрять, отмѣрилъ тридцать одинъ съ половиной и три восьмыхъ дюйма отъ угла, сталъ считать въ умѣ, сколько э. о будетъ, и сбился.

Тогда всѣ мы стали считать въ умѣ но пришли къ различнымъ результатамъ и начали смѣяться другъ надъ другомъ. Пока мы ссорились, первоначальное число было забыто, и дядѣ Поджеру снова пришлось мѣрять.

На этотъ разъ онъ мѣрилъ шнуркомъ, и вотъ,

въ самую критическую минуту, когда этотъ старшій шутъ свѣсилъ со стула подъ угломъ въ сорокъ градусовъ, стараясь достать до такого мѣста, которое отстояло на три дюйма дальше, чѣмъ можно было достать, шнурокъ выскользнулъ изъ его рукъ; онъ грохнулся на рояль и произвелъ удивительный музыкальный эффектъ, задѣвъ головой и туловищемъ за всѣ струны разомъ.

Тутъ тетка Мэри заявила, что не позволить дѣтямъ оставаться здѣсь и слушать его брань.

Наконецъ, дядя Поджеръ разыскалъ-таки подходящее мѣсто, приставилъ гвоздь лѣвой рукой, а молотокъ взялъ въ правую. Размахнулся и разомъ хватилъ себя по пальцамъ, заоралъ и уронилъ молотокъ кому-то на ноги.

Тетка Мэри съ кротостью замѣтила, что въ другой разъ, когда дядя Поджеръ вздумаетъ вбивать гвоздь въ стѣну, онъ, вѣроятно, предупредить ее своевременно, чтобы она могла собраться и съѣздить къ матушкѣ на недѣлку, пока это предпріятіе будетъ кончено.

— Ну да, вы, женщины, изъ-за всего поднимаете суматоху,—отвѣчалъ дядя Поджеръ, оправляясь.—Нѣтъ, я люблю такія мелкія дѣлишки.

Затѣмъ онъ снова взялся за дѣло, и со второго удара гвоздь проскочилъ скрозь штукатурку, за нимъ—половина молотка, а дядѣ Поджеръ хлопнулся о стѣну съ такой силой, что чуть не расквасилъ себѣ носа.

Тогда мы снова принялись за линейку и шнурокъ и пробили новую дыру, и, наконецъ, около двѣнадцати часовъ ночи картина была привѣшена очень криво и ненадежно, а стѣна, на аршинѣ кругомъ, выглядѣла такъ, какъ-будто ее выскребли скребкомъ; при этомъ всѣ устали и изморились до смерти,—всѣ, за исключеніемъ дяди Поджера.

— Готово,—сказалъ онъ, тяжело сваливаясь со

стула прямо на мозоль поденщицѣ и оглядывая свою стряпню съ явной гордостью.

— Да, иные рады были бы имѣть въ домѣ мужчину для такого дѣла.

Гаррисъ будетъ именно такимъ мужчиной, когда вырастетъ,—я въ этомъ увѣренъ. И сказалъ, что не могу позволить ему взвалить на себя столько работы.

— Нѣтъ, вы возьмите бумагу и карандашъ, и преись-курантъ, Джорджъ будетъ записывать, а я составлю списокъ.

Первый списокъ, однако, оказался никуда негоднымъ. Очевидно было, что верховья Темзы не пригодны для плаванія бота настолько объемистаго, чтобы вмѣстить всѣ предметы, которые мы нашли необходимымъ взять съ собой. Игакъ, мы разорвали списокъ и взглянули другъ на друга.

— Знаете,—сказалъ Джорджъ,—мы совсѣмъ не такъ взялись за дѣло. Намъ слѣдуетъ думать не о тѣхъ вещахъ, которыя можно захватить съ собой, а о тѣхъ, безъ которыхъ нельзя обойтись.

Джорджъ бываетъ иногда очень разсудительнымъ. Вы бы удивились, послушавъ его. Я называю это истинной мудростью, не только въ отношеніи настоящаго случая, но и въ отношеніи нашего плаванія по житейской рѣкѣ вообще. Какъ много людей во время этого плаванія нагружаютъ свою лодку до того, что ей вѣчно грозитъ потопленіе отъ груды ненужныхъ вещей, которыя кажутся имъ необходимыми для удобства и покоя въ пути, а на самомъ дѣлѣ представляютъ только никуда негодный хламъ.

Какъ они загромождаютъ свое бѣдное суденышко изящнымъ платьемъ и большими домами, бесполезными слугами и толпой показныхъ друзей, которые не дадутъ за нихъ двухъ пенсовъ и за которыхъ они сами не дадутъ полтора пенсовъ; убыточными развлеченіями, которыя никого не веселятъ; формальностями и обрядами, претензіями

и мишурой и—о, нелѣпѣйшій, зловреднѣйшій изъ всѣхъ вздоровъ!—боязнью того, что скажетъ сосѣдъ; роскошью, которая набиваетъ оскомину; удовольствіями, которыя утомляютъ; пустымъ великолѣпіемъ, которое, какъ въ старину желѣзная корова преступника, изнуряетъ и доводитъ до кроваваго пота своего обладателя. Все это хламъ, о человѣкъ, все это хламъ! Выброси его за бортъ. Онъ затрудняетъ движеніе лодки до того, что ты изнемогаешь надъ веслами; изъ-за него плаваніе становится такимъ мѣлкотнымъ и опаснымъ, что тебѣ не остается минутки свободной отъ заботъ и опасеній, когда бы ты могъ отдохнуть и забыться въ сладкихъ грезахъ, любуясь на тѣни, скользящія по дугу, на игру солнечныхъ лучей въ струйкахъ воды, на деревья, свѣшивающіяся съ берега, всматриваясь въ свое отраженіе въ водѣ, на зеленые лѣса, на бѣлыя и желтыя лиліи, на немолчно-шумящіе камыши, на пестрыя орхидеи и голубыя незабудки.

Выброси этотъ хламъ, о человѣкъ! Облегчи свою житейскую ладью и оставь въ ней только то, что тебѣ нужно: домашній очагъ, простыя удовольствія, двухъ-трехъ друзей, достойныхъ этого имени, любимаго человѣка, который и тебѣ платилъ бы любовью, кошку, собаку, трубочку - другую, платья и ѣды, сколько нужно, и немножко болѣе, чѣмъ нужно, питья, потому что жажда — вещь опасная.

Вы увидите, какъ облегчится ваша лодка, насколько уменьшится опасность крушенія, — да и самое крушеніе станетъ уже не такъ страшно. У васъ останется время для размышленій и для работы. Останется время повеселиться на разсвѣтѣ жизни, прислушаться къ божественной музыкѣ, раздающейся вокругъ васъ со струнъ человѣческаго сердца, останется время...

Виноватъ, зарпортовался.

Да, такъ мы предоставили списокъ Джорджу.

— Намъ незачѣмъ брать палатку, — началъ онъ, — у насъ будетъ крытая лодка. Это гораздо проще и удобнѣе.

Мысль показалась намъ удачной, и мы одобрили ее. Не знаю, видали ли вы когда-нибудь что-нибудь подобное. Вы прикрѣпляете къ лодкѣ желѣзные обручи, натягиваете на нихъ парусину отъ кормы до носа, такъ что лодка превращается въ домикъ, очень уютный, хоть и тѣсноватый немножко, но вѣдь всякая медаль имѣетъ свою обратную сторону, какъ говорилъ одинъ человекъ, у котораго умерла теща, когда ему принесли счетъ отъ гробовщика.

Джорджъ сказалъ, что намъ придется захватить съ собой одѣяла, лампу, щетку и гребень на всѣхъ, зубныя щеточки на каждого, умывальную чашку, зубного порошка, приспособленія для бритья и пару мохнатыхъ полотенецъ для купанья. Я всегда замѣчалъ, что люди, отправляющіеся куда-нибудь близко къ водѣ, дѣлаютъ чудовищныя приспособленія для купанья, хотя никогда ими не пользуются.

То же бываетъ, когда вы отправляетесь на морской берегъ. Я всегда рѣшаю, пока нахожусь въ Лондонѣ, вставать рано и ходить купаться передъ завтракомъ и заботливо укладываю купальный костюмъ и полотенце. Я всегда беру съ собой красный купальный костюмъ. Онъ мнѣ очень нравится. Онъ подходитъ къ моему сложенію. Но, приѣхавъ на морской берегъ, я уже не чувствую такой охоты къ утреннимъ купаньямъ, какъ въ городѣ.

Напротивъ, я чувствую, что мнѣ хочется остаться въ постели до послѣдней минуты, а потомъ итти завтракать. Разъ или два добродѣтель восторжествовала и я, полуодѣтый, отправился въ шесть часовъ утра, захвативъ съ собою купальный костюмъ и полотенце. Но, признаюсь, получилъ я мало удовольствія. Рѣзкій восточный вѣтеръ, по-

видимому, только и дожидался, пока я пойду утромъ купаться; всюду точно нарочно понатыканы острые камни, верхушки утесовъ затянуты пескомъ, такъ что мнѣ ихъ не видно, и море отступило за двѣ мили отъ берега, такъ что мнѣ приходится добираться до него, перепрыгивая черезъ лужи. Когда же, наконецъ, я добираюсь до моря, оно оказывается бурнымъ и въ высшей степени непривѣтливымъ.

Сильная волна подхватываетъ меня сзади и швыряетъ на скалу, которая какъ бы нарочно для меня тутъ поставлена. И прежде чѣмъ я успѣю выкрикнуть: „Ахъ! Ухъ!“ и сообразить, что случилось, волна возвращается и увоситъ меня въ море. Я выбиваюсь изъ силъ, стараясь доплыть до берега, и ужъ сомнѣваюсь, придется ли мнѣ увидѣть родныхъ и друзей; я горько упрекаю себя за то, что былъ неласковъ съ моей сестренкой, когда я былъ еще мальчикомъ. Но въ ту самую минуту, когда я теряю всякую надежду, волна вдругъ возвращается и выбрасываетъ меня на песокъ плашмя, точно морскую звѣзду. Я вскакиваю, оглядываюсь и вижу, что утопалъ на глубинѣ въ два фута. Я одѣваюсь и плетусь домой, гдѣ мнѣ казалось, будто я люблю купаться.

Въ данномъ случаѣ мы говорили такъ, какъ будто собирались купаться каждое утро. Джорджъ сказалъ, что очень пріятно проснуться въ лодкѣ и окунуться въ прозрачную воду. Гаррисъ, въ свою очередь, замѣтилъ, что ничто такъ не возбуждаетъ аппетита, какъ купанье передъ завтракомъ. По крайней мѣрѣ, у него оно возбуждало аппетитъ. На это Джорджъ возразилъ, что если купанье заставить Гарриса ѣсть больше, чѣмъ онъ ѣсть обыкновенно, то онъ, Джорджъ, рѣшительно протестуетъ противъ Гаррисова купанья.

Онъ сказалъ, что намъ слишкомъ трудно будетъ везти достаточный запасъ провизіи для Гарриса тѣмъ болѣе, что придется плыть противъ теченія

На это я замѣтилъ, что гораздо пріятнѣе будетъ видѣть Гарриса чистымъ и свѣжимъ, если бы даже и пришлось для этого захватить лишнюю сотню фунтовъ провизіи; Джорджъ нашелъ мою точку зрѣнія правильной и взялъ назадъ свой протестъ противъ Гаррисова купанья.

Въ концѣ концовъ рѣшено было захватить съ собой три мохнатыхъ полотенца, чтобы не заставлять другъ друга дожидаться.

Относительно платья Джорджъ замѣтилъ, что намъ довольно будетъ взять по двѣ фланелевыя пары, такъ какъ мы сами можемъ стирать платье въ рѣкѣ, когда оно загрязнится. Мы спросили его, пробовалъ ли онъ когда-нибудь стирать фланелевую пару въ рѣкѣ, на что онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, мнѣ самому не случалось, но я знаю ребятъ, которые стирали и утверждаютъ, что это очень просто“. Гаррисъ и я имѣли слабость повѣрить ему и вообразить, что порядочные молодые люди, безъ особеннаго вѣса и значенія въ обществѣ, вовсе неопытные въ стиркѣ, дѣйствительно могутъ стирать свои собственныя рубашки и панталоны въ рѣкѣ Темзѣ съ помощью кусочка мыла.

Мы убѣдились впоследствии, когда было уже поздно, что Джорджъ — презрѣнный обманщикъ, очевидно, не имѣвшій никакого представленія объ этомъ дѣлѣ. Если бы вы только взглянули на наше платье... но не будемъ предупреждать событій.

Джорджъ посоветовалъ захватить по перемѣнѣ бѣлья и носковъ на случай, если мы вывалимся изъ лодки и захотимъ переодѣться, и носовыхъ платковъ и по парѣ сапогъ, которые могутъ пригодиться намъ на тотъ же случай.

ГЛАВА IV.

Вопросъ о съѣстныхъ припасахъ.—Неудобство параффиноваго масла.—Достоинства сыра, какъ спутника въ путешествіи.—Мать семейства покидаетъ свой домъ.—Запасъ на случай крушенія.—Я укладываю вещи.—Особенность зубныхъ щеточекъ.—Джорджъ и Гаррисъ укладываютъ вещи.—Ужасное поведеніе Монморанси.—Мы отправляемся спать.

Затѣмъ мы перешли къ вопросу о съѣстныхъ припасахъ.

— Начнемте съ завтрака, — сказалъ Джорджъ (онъ такой практичный).—Для завтрака намъ необходимы сковородка (Гаррисъ замѣтилъ было, что сковородка неудобоварима; но мы посовѣтовали ему не говорить глупостей, и Джорджъ продолжалъ), чайникъ, кастрюлька и спиртовая кухня. Не масляная, — замѣтилъ онъ съ значительнымъ взглядомъ, и мы съ Гаррисомъ согласились.

Однажды мы взяли съ собой масляную кухню, но повторять этого не намѣрены. Цѣлую недѣлю намъ пришлось жить точно въ масляной лавкѣ. Масло текло. Я не знаю, что еще можетъ такъ течь, какъ параффиновое масло. Мы поставили кухню у руля, и масло струилось къ носу, пропитывая лодку и все, что попадалось по дорогѣ, просачивалось въ воду и заражало атмосферу. По временамъ дулъ западный масляный вѣтеръ, иногда же восточный масляный вѣтеръ или сѣверный масляный вѣтеръ, либо, наконецъ, южный масляный вѣтеръ, — словомъ, гдѣ бы онъ ни зарождался, среди полярныхъ свѣговъ или въ знойномъ пескѣ пустыни, онъ неизмѣнно являлся къ намъ, насыщенный запахомъ параффиноваго масла.

Параффиновое масло уничтожало всю прелесть солнечнаго заката; что касается луннаго свѣта, то

онъ тоже положительно вонялъ парафиновымъ масломъ.

Мы попытались отдѣлаться отъ этого запаха въ Марло. Мы оставили лодку у берега и пошли въ городъ, но запахъ преслѣдовалъ насъ. Городъ былъ пропитанъ масломъ. Мы прошли на кладбище, но и тутъ намъ показалось, что всѣ мертвецы погребены въ маслѣ. Главная улица воняла имъ, и мы удивлялись, какъ это люди могутъ жить въ такой атмосферѣ. Вышли за городъ, прошли нѣсколько миль по Бирмингамской дорогѣ, — напрасно, страна провоняла масломъ.

Въ полночь мы очутились на уединенной полянѣ, подъ старымъ засохшимъ дубомъ и дали торжественную клятву, — мы пускали въ ходъ клятвы всю недѣлю, какъ это обыкновенно дѣлается, но въ данномъ случаѣ она имѣла серьезное значеніе, — мы дали торжественную клятву никогда больше не брать съ собой въ лодку парафиноваго масла.

Вотъ почему на этотъ разъ мы рѣшились прибѣгнуть къ метиловому спирту. Это тоже вещь довольно гнусная. Вамъ приходится ѣсть метиловый паштетъ и метиловый тортъ. Но все же метиловый спиртъ, принятый внутрь въ большомъ количествѣ, пріятнѣе парафиноваго масла.

Далѣе Джорджъ предложилъ для завтрака яйца и ветчину, такъ какъ ихъ легко варить, холодное мясо, чай, хлѣбъ, масло и пастилу, но совѣтовалъ не брать сыра. Сыръ, какъ и парафиновое масло, слишкомъ даетъ о себѣ знать. Онъ требуетъ для себя всю лодку. Онъ вылѣзаетъ изъ корзины и сообщаетъ всему сырнѣй запахъ. Вы не можете сказать, что вы ѣли: яблочный пирогъ, нѣмецкія сосиски или землянику со сливками! Все это кажется сыромъ. Въ сырѣ слишкомъ много запаха.

Одинъ изъ моихъ друзей купилъ однажды двѣ головки сыру въ Ливерпульѣ. Превосходные попа-

лись сыры—спѣлые, мягкіе, съ запахомъ въ двѣсти лошадиныхъ силъ, который могъ сшибить съ ногъ человѣка на разстояніи двухсотъ ярдовъ. Случилось мнѣ въ то время быть въ Ливерпулѣ, и вотъ онъ попросилъ меня отвезти сыры въ Лондонъ, такъ какъ самъ намѣревался выѣхать только черезъ день или два и боялся, чтобы сыры за это время не испортились.

— Отчего же, дружище, съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ я.

Я взялъ сыры и положилъ ихъ съ собою въ кабъ. Это была старая, полуразвалившаяся машина, влекомая разбитой, качавшейся отъ вѣтра сомнамбулой, которую извозчикъ въ минуты увлеченія величалъ лошадкой. Я помѣстилъ сыры подъ сидѣнье, и мы потащились рысдой, которая сдѣлала бы честь самой быстрой улиткѣ; все шло пріятно и весело, какъ звонъ похороннаго колокола, пока мы не повернули за уголъ. Тутъ вѣгеръ обдалъ нашу лошадь запахомъ сыра. Это точно разбудило ее, она вздрогнула и понеслась съ быстротою трехъ миль въ часъ. Вѣтеръ дулъ все въ томъ же направленіи и къ концу улицы нашъ скакунъ мчался съ быстротою четырехъ миль, пугая калѣкъ и почтенныхъ старушекъ.

Извозчикъ и двое носильщиковъ еле-еле справились съ лошадыю у станціи, да и то лишь потому, что у одного изъ нихъ хватило присутствія духа заткнуть ей носъ платкомъ и покурить смоленой бумагой.

Я взялъ билетъ и храбро отправился на платформу, при чемъ толпа почтительно разступалась передъ мною въ обѣ стороны. Пассажировъ было много, и въ томъ стѣвленіи вагона, куда я попалъ, оказалось уже семь человѣкъ. Какой-то сварливый старый джентльменъ запротестовалъ было, но тѣмъ не менѣе я усѣлся, положилъ сыры на полку, пріятно улыбнулся сосѣдямъ и замѣтилъ

что сегодня очень жарко. Нѣсколько секунд спустя, старый джентльменъ проворчалъ:

— Какъ здѣсь тѣсно.

— Невыносимо,—подхватилъ его сосѣдъ.

Затѣмъ они потянули носомъ воздухъ, разъ, другой, третій, молча поднялись и ушли. За ними встала какая-то толстая дама, заявила, что это чистое безобразіе — ставить въ такое положеніе почтенную мать семейства, забрала чемоданъ и восемь узелковъ и ушла. Оставшіеся четыре пассажира посидѣли еще нѣсколько времени, пока какой-то господинъ съ величественной осанкой, сидѣвшій въ уголку и похожій съ виду на могильщика, не заявилъ, что ему кажется, будто здѣсь есть мертвый ребенокъ; тогда трое другихъ разомъ встали и столкнулись въ дверяхъ.

Я улыбнулся господину въ черномъ и замѣтилъ, что, кажется, въ нашемъ распоряженіи остался цѣлый вагонъ; онъ любезно ухмыльнулся и сказалъ, что люди нерѣдко поднимаютъ шумъ изъ пустяковъ. Но и ему, видимо, было не по себѣ, такъ что въ Крюю я предложилъ ему пойти выпить. Онъ согласился, и мы прочискались въ буфетъ, гдѣ четверть часа кричали, стучали и махали зонтиками, пока къ намъ не подошла молодая дама и не спросила, что намъ угодно.

— Что прикажете?—спросилъ я, обращаясь къ моему другу.

— Позвольте рюмку водки, миссъ, — отвѣчалъ онъ.

Затѣмъ выпилъ водку и преспокойно отправился въ другой вагонъ, что, по-моему, ужъ просто подлость.

Начиная отъ Крюю, я сидѣлъ одинъ въ вагонѣ, хотя поѣздъ былъ биткомъ набитъ. Нѣсколько разъ на станціяхъ пассажиры, видя, что я сижу въ пустомъ вагонѣ, пробовали занять въ немъ мѣсто. „Сюда, Мэри, здѣсь совсѣмъ пусто!“ или: „Вотъ гдѣ есть мѣсто, Томъ!“, кричали они. Затѣмъ

устремлялись къ вагону съ тяжелыми чемоданами и брали приступомъ дверь. Наконецъ, кто-нибудь вскакивалъ на ступеньки, отворялъ дверь и падалъ на руки слѣдовавшихъ за нимъ, и всѣ поднимались, поводили носами и отправлялись въ другой вагонъ или прилачивали разницу и садились въ первый классъ...

Въ Эйстонѣ я отнесъ сыры на квартиру моего друга. Жена его, войдя въ пріемную, повела носомъ и спросила:

— Что это такое? Скажите мнѣ откровенно.

Я отвѣчалъ:

— Это сыры. Томъ купилъ ихъ въ Ливерпулѣ и просилъ меня взять ихъ съ собой.

Я прибавилъ, что я тутъ рѣшительно не причемъ, а она отвѣчала, что совершенно увѣрена въ этомъ, но поговорить съ Томомъ, когда онъ придетъ.

Мой другъ остался въ Ливерпулѣ дольше, чѣмъ рассчитывалъ, и на третій день его жена послала за мной.

— Что сказалъ Томъ насчетъ этихъ сыровъ? — спросила она.

Я отвѣтилъ, что онъ велѣлъ положить ихъ въ сырое мѣсто, гдѣ бы никто ихъ не трогалъ.

— Кому придетъ охота ихъ трогать? — сказала она. — Нюхальъ онъ ихъ?

Я сказалъ, что, кажется, нюхаль, и, повидимому, чрезвычайно дорожить ими.

— Какъ вы думаете, разсердится онъ, если я найму человѣка унести ихъ и зарыть въ землю?

Я отвѣчалъ, что послѣ этого онъ, вѣроятно, никогда уже не будетъ смѣяться.

Тутъ у нея явилась мысль.

— Не возьмете ли вы ихъ къ себѣ? — сказала она. — Я вею отнести ихъ на вашу квартиру.

— Сударыня, — возразилъ я, — я люблю запахъ сыра и всегда буду вспоминать о переѣздѣ изъ Ливерпуля, какъ о счастливомъ окончаніи пріят-

ной поѣздки. Но въ этомъ мірѣ мы должны думать и о другихъ. Люди, у которой я нанимаю квартиру, вдова и, насколько мнѣ извѣстно, сирота. Она не разъ заявляла въ строгихъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, что не потерпитъ никакой, какъ она выражается, „пакости“, а я инстинктивно чувствую, что присутствіе этихъ сыровъ въ домѣ она сочтетъ „пакостью“, и съ своей стороны ни за что на свѣтѣ не соглашусь сдѣлать пакость вдовѣ и сиротѣ.

— Хорошо,—сказала жена моего друга, вставая,—коли такъ, то я заберу дѣтей, переѣду въ гостиницу и останусь тамъ, пока эти сыры не будутъ съѣдены. Я не согласна жить въ одномъ домѣ съ ними.

Такъ она и сдѣлала, оставивъ домъ на попеченіе поденщицы, которая на вопросъ, не беспокоитъ ли ее запахъ, спросила: „Какой запахъ?“, когда же сыры поднесли къ самому ея носу, заявила, что они, кажется, пахнутъ дыней. Отсюда заключили, что испорченная атмосфера врядъ ли можетъ повредить этой женщинѣ, и она осталась въ домѣ.

По счету въ гостиницѣ пришлось уплатить пятнадцать гиней, и когда мой другъ подвелъ итогъ, оказалось, что сыръ обошелся ему по восьми гиней и шести пенсовъ фунтъ. Онъ заявилъ, что очень любитъ полакомиться иногда сыромъ, но этотъ ему не по средствамъ, и потому онъ рѣшился отдѣлаться отъ него. Онъ бросилъ его въ каналъ, но долженъ былъ выудить обратно, такъ какъ лодочники объявили, что заболѣютъ отъ этого запаха. Въ концѣ концовъ онъ снесъ ихъ въ одну темную ночь на приходское кладбище. Но коронеръ нашелъ сыры и поднялъ гвалтъ.

Онъ заявилъ, что это заговоръ противъ него, что его хотятъ погубить, заставивъ мертвецовъ встать изъ могилъ.

Наконецъ, мой другъ отвезъ сыры въ одинъ приморскій городокъ и зарылъ на берегу. Они до-

ставили этому мѣстечку славу. Пріѣзжіе говорили что имъ никогда еще не приходилось встрѣчать такого крѣпкаго, цѣлительнаго воздуха, и въ теченіе многихъ лѣтъ слабогрудные и чахоточные толпами съѣзжались въ городокъ.

Итакъ, при всей моей любви къ сыру, я согласился съ замѣчаніемъ Джорджа.

— Мы обойдемся безъ чая,—прибавилъ Джорджъ (лицо Гарриса потемнѣло при этихъ словахъ), — лучше устраивать въ семь часовъ вечера хорошую, аппетитную, плотную закуску: обѣдъ, ужинъ и чай разомъ.

Гаррисъ повеселѣлъ. Джорджъ предложилъ мясо, пирожки съ вареньемъ, томаты, фрукты и зелень. Для питья Гаррисъ рекомендовалъ какой-то удивительный сиропъ, который нужно разводить съ водой и пить вмѣсто лимонада; кромѣ того мы рѣшили захватить побольше чаю и бутылку виски, на случай,—сказалъ Джорджъ,—если мы опрокинемся.

Вообще я замѣтилъ, что у Джорджа крѣпко засѣла мысль о томъ, что мы опрокинемся. Мнѣ казалось, что такое настроеніе ума не годится для того, кто предпринимаетъ поѣздку.

Какъ бы то ни было, я былъ очень доволенъ, что мы возьмемъ виски.

Мы рѣшили не брать съ собой пива или вина. Они не годятся на рѣкѣ. Отъ нихъ тяжелѣешь и становишься соннымъ. Стаканчикъ вина вечеромъ умѣстень, если вы собираетесь рыскать по городу и ухаживать за барышнями; но не годится пить, когда солнце печетъ и вамъ предстоитъ тяжелая работа.

Мы составили списокъ припасовъ — довольно длинный списокъ — и разошлись по домамъ. На слѣдующій день, въ пятницу, мы закупили все, что требовалось, и вечеромъ приступили къ укладкѣ. Рѣшено было уложить бѣлье въ чемоданъ, а съѣстные припасы и посуду въ корзины. Мы

отодвинули столъ къ окну, собрали всѣ запасы въ кучу посреди комнаты и усѣлись вкругъ нея.

Я заявилъ, что беру на себя упаковку.

Я горжусь своимъ умѣньемъ упаковывать вещи. Въ искусствѣ упаковки, какъ и во многихъ другихъ, я свѣдущъ болѣе чѣмъ кто-либо. Я заявилъ объ этомъ Джорджу и Гarrisу, прибавивъ, что они могутъ предоставить все дѣло мнѣ. Они приняли это предложеніе съ готовностью, доходившей почти до неприличія. Джорджъ закурилъ трубку и развалился на креслѣ, а Гarrisъ задралъ ноги на столъ и закурилъ сигару.

Я вовсе не это имѣлъ въ виду. Я вѣдь, собственно, взялся завѣдывать упаковкой съ тѣмъ, чтобы Гarrisъ и Джорджъ дѣйствовали по моимъ указаніямъ, а я бы распоряжался: „Дайте это сюда!.. Охъ, ужъ вы!.. Видите, какъ это просто!“, и такимъ манеромъ училъ бы ихъ дѣлу, какъ вы сами понимаете. Ихъ бездѣйствіе раздражало меня. Терпѣть не могу, когда другіе сидятъ сложа руки въ то время, когда я работаю.

Мнѣ пришлось однажды жить съ человѣкомъ, который доводилъ меня просто до изступленія. Онъ ложился на диванъ и по цѣлымъ часамъ слѣдилъ за моей работой, провожая меня глазами по всей комнатѣ. Онъ увѣрялъ, что такое времяпровожденіе весьма пріятно и поучительно для него. Онъ, изволите видѣть, сознаетъ, глядя на меня, что жизнь не пустой и лѣнливый сонъ, а благородная задача, требующая серьезной и трудной работы. Онъ не понимаетъ, какъ могъ жить раньше до встрѣчи со мной, когда ему не приходилось слѣдить за чужой работой.

Я не таковъ. Я не могу сидѣть, сложа руки, когда кто-нибудь работаетъ. Я неперемѣнно встану, буду присматривать за нимъ, ходить около него, и засунувъ руки въ карманы, давать указанія. Что прикажете дѣлать, такова ужъ моя эпергическая натура.

Какъ бы то ни было, я ничего не сказалъ и принялся за укладку. Дѣло оказалось кропотливѣе, чѣмъ я думалъ, но въ концѣ концовъ я уложилъ всѣ вещи въ чемоданъ, усѣлся на него и затянулъ ремни.

— А сапоги уложили?—спросилъ Гаррисъ.

Я посмотрѣлъ кругомъ и убѣдился, что забылъ ихъ. Ужъ этотъ Гаррисъ! Не могъ сказать, пока я не закрылъ чемодана и не затянулъ ремней. Это совершенно въ его духъ. А Джорджъ смѣялся своимъ нелѣпымъ, бессмысленнымъ раздражающимъ смѣхомъ. Онъ всегда бѣситъ меня.

Я раскрылъ чемоданъ, уложилъ сапоги, уже собирался закрыть его, какъ вдругъ у меня мелькнула ужасная мысль. Уложилъ ли я мою зубную щеточку? Богъ его знаетъ, какъ это происходитъ, но я никогда не знаю, уложилъ ли я свою зубную щеточку.

Зубная щеточка отравляетъ мнѣ жизнь во время путешествія. Мнѣ снится, что я забылъ уложить ее, и я просыпаюсь въ ужасѣ, вскакиваю съ постели и принимаюсь отыскивать ее. Утромъ я укладываю ее, не успѣвъ почистить зубы, такъ что приходится развязывать чемоданъ и доставать щеточку, и всякій разъ она оказывается на днѣ. Затѣмъ я снова укладываюсь и на этотъ разъ забываю о ней, такъ что въ послѣднюю минуту приходится бѣжать за ней въ номеръ и нести ее на станцію въ карманѣ.

Разумѣется, и теперь мнѣ пришлось перерыть всѣ вещи и, разумѣется, я не нашелъ щеточки. Я привелъ вещи въ такое состояніе, въ какомъ онѣ, по всей вѣроятности, находились до сотворенія міра, когда былъ хаосъ. Какъ и слѣдовало ожидать, щеточки Гарриса и Джоржа попались мнѣ разъ двадцать, но своей я не могъ найти. Тогда я перебралъ и перетрясъ одну за другой всѣ вещи и, наконецъ, нашелъ щеточку въ сапогѣ. Пришлось начинать укладку сызнова.

Когда я кончилъ, Джорджъ спросилъ, уложилъ ли я мыло. Я ему сказалъ, что мнѣ рѣшительно все равно, уложилъ я его или нѣтъ; затѣмъ захопнулъ чемоданъ, затянулъ ремни и тутъ только замѣтилъ, что мой портсигаръ остался въ чемоданѣ. Пришлось отпирать его снова, и когда я окончательно раздѣлался съ укладкой, было уже десять часовъ пять минутъ вечера, а намъ еще оставалось уложить двѣ корзины. Гаррисъ замѣтилъ, что намъ остается менѣе двѣнадцати часовъ до отъѣзда, и предложилъ мнѣ отдохнуть, пока онъ съ Джоржемъ сдѣлаютъ остальную работу. Я согласился, и они принялись за укладку.

Принялись очень весело, очевидно, намѣреваясь показать мнѣ, какъ пужно дѣлать дѣло. Я воздерживался отъ всякихъ замѣчаній, я ждалъ. Если Гарриса повѣсятъ, то худшимъ упаковщикомъ въ свѣтѣ будетъ Джорджъ. Зная это, я смотрѣлъ на груды тарелокъ, чашекъ, кастрюль, бутылокъ, яицъ, томатовъ и проч., и чувствовалъ, что вскорѣ начнется потѣха.

Такъ и случилось. Они начали съ того, что разбили чашку. Вотъ первое, что они сдѣлали.

Затѣмъ Джорджъ уложилъ пастилу на томатъ и раздавилъ его, и имъ пришлось выковыривать томатъ чайной ложкой.

Теперь была очередь Гарриса и онъ наступилъ на масло. Я ничего не сказалъ, но усѣлся на край стола и слѣдилъ за ними. Я чувствовалъ, что это раздражаетъ ихъ пуще всякихъ словъ. Они волновались, злились, наступали на чашки и тарелки, засовывали куда попало вещи и потомъ не могли отыскать ихъ, уложили яйца на дно чемодана, а сверху положили тяжелыхъ вещей и раздавили яйца.

Они разсыпали соль по всей комнатѣ, а масло!.. Я въ жизнь свою не видалъ, чтобы двое людей продѣлывали такія штуки съ масломъ. Послѣ того, какъ Джорджъ отклеилъ его отъ своихъ туфель, они

попытались засунуть его въ кастрюльку, но не все масло укладывалось въ кастрюльку, а то, что помѣстилось, нельзя было вытащить обратно. Наконецъ, они выскребли его и положили на стулъ; Гаррисъ усѣлся на него, и оно прилипло къ нему, и тогда они принялись разыскивать его по всей комнатѣ.

— Я готовъ поклясться, что положилъ его сюда,—сказалъ Гаррисъ, глядя на пустой стулъ.

— Да и я видѣлъ его здѣсь минуту тому назадъ,—сказалъ Джорджъ.

Тутъ они снова забѣгали по комнатѣ, сошлись у корзины и уставились другъ на друга.

— Изумительно!—сказалъ Гаррисъ.

— Просто чудеса!—сказалъ Джорджъ.

Тутъ Джорджъ зашелъ за спинку Гаррису и увидѣлъ масло.

— Такъ вотъ оно гдѣ находилось все время!—воскликнулъ онъ съ негодованіемъ.

— Гдѣ, гдѣ?—крикнулъ Гаррисъ, повертываясь.

— Да стойте же, стойте!—вопилъ Джорджъ, бѣгая вокругъ него.

Наконецъ, они справились съ масломъ, уложивъ его въ чайникъ.

Монморанси, разумѣется, принималъ живое участіе въ упаковкѣ. У Монморанси странное честолюбіе: ему во что бы то ни стало хочется добиться ругани. Если ему удалось впутаться туда, гдѣ его присутствіе особенно нежелательно и даже вредно, взбѣситъ человека до того, что тотъ начнетъ швыряться чѣмъ попало, тогда, по его мнѣнію, день не пропадетъ даромъ.

Подвернуться кому-нибудь подъ ноги, чтобы тотъ шлепнулся на полъ и ругался на чемъ свѣтъ стоитъ, вотъ его главная задача и забота; и разъ это ему удалось, его поведеніе становится положительнымъ и нестерпимымъ.

Онъ усаживался на вещи какъ разъ въ ту минуту, когда въ нихъ оказывалась надобность, и, невидѣ

лимому, былъ вполне убѣжденъ, что всякій разъ, когда Джорджъ или Гаррисъ протягиваютъ руку, они хотятъ достать его холодный скользкій носъ. Онъ попалъ ногой въ пастилу, таскалъ чайныя ложечки, сдѣлалъ видъ, что принимаетъ лимоны за крысъ, кинулся за ними въ корзину и изгрызъ три штуки, прежде чѣмъ Гаррису удалось выгнать его сковородкой.

Гаррисъ сказалъ, что я поощряю его. Я вовсе не поощрялъ его. Да и не такой это носъ, чтобы нуждаться въ поощреніи. Природная естественная склонность побуждаетъ его къ такимъ штукамъ.

Укладка кончилась въ двѣнадцать часовъ пятьдесятъ минутъ, и Гаррисъ, усѣвшійся на корзинѣ, выразилъ надежду, что все останется цѣло. Джорджъ замѣтилъ, что если что-нибудь будетъ разбито, такъ значить оно и было разбито; это соображеніе, повидимому, утѣшило его. Онъ прибавилъ также, что ему хочется спать. Намъ всѣмъ хотѣлось спать. Гаррисъ долженъ былъ почевать у насъ, и потому мы всѣ отправились наверхъ.

Мы бросили жребій насчетъ кроватей, и Гаррису досталось спать со мной.

— Когда васъ разбудить, братцы? — спросилъ Джорджъ.

— Въ семь часовъ, — отвѣчалъ Гаррисъ.

— Нѣтъ, въ шесть, — сказалъ я, такъ какъ мнѣ нужно было написать нѣсколько писемъ.

Мы немножко поспорили съ Гаррисомъ на этотъ счетъ, но, наконецъ, порѣшили на половинѣ седьмого.

— Разбудите насъ въ половинѣ седьмого, Джорджъ, — сказали мы.

Джорджъ не отвѣчалъ; оказалось, что онъ уже заснулъ. Тогда мы поставили умывальную чашку такъ, чтобы онъ наткнулся на нее утромъ, и улеглись въ постель.

ГЛАВА V.

Мистриссъ П. будить насъ.—Джорджъ - соня.—Лживость „предсказаній погоды“.—Нашъ багажъ.—Испорченность маленькаго мальчика.—Толпа собирается вокругъ насъ.—Мы катимъ въ Ватерлоо.—Невинность должностныхъ лицъ юго-западной дороги въ отношенія такихъ вещей, какъ поѣзда.—Мы плывемъ, плывемъ въ открытой лодкѣ.

Утромъ меня разбудила мистриссъ Поннерсъ.

Она сказала:

— Извѣстно ли вамъ, сэръ, что теперь уже девять часовъ?

— Сколько?—воскликнулъ я, вскакивая.

— Девять часовъ,—повторила она въ замочную скважину.—Я боялась, что вы проспите.

Я разбудилъ Гарриса и сообщилъ ему эту новость.

— Да вѣдь вы хотѣли встать въ шесть часовъ,—сказалъ онъ.

— Я хотѣлъ,—отвѣчалъ я.—Отчего вы меня не разбудили?

— Какъ я могъ разбудить васъ, пока вы не разбудили меня?—возразилъ онъ.—Теперь мы не выберемъ раньше двѣнадцати. Удивляюсь, какъ вы вообще-то рѣшились встать.

— Счастье для васъ, что я всталъ,—отвѣчалъ я.—Если бы я не разбудилъ васъ, вы бы проспали двѣ недѣли.

Мы грызлись такимъ манеромъ минуты три, пока насъ не остановилъ вызывающій храпъ, раздавшійся съ постели Джорджа. Тутъ только мы вспомнили о его существованіи. Ронъ онъ лежитъ, человекъ, спрашивавшій, въ которомъ часу насъ разбудить, лежитъ на спинѣ, разинувъ ротъ и согнувъ колѣни.

Не знаю почему, но видь спящаго человѣка бѣситъ меня. Такъ гадко видѣть, что драгоценныя часы человѣческой жизни, драгоценныя минуты, которыя уже никогда не возвратятся, тратятся въ глупомъ снѣ.

Вотъ, наиримѣрь, Джорджъ, теряющій драгоценное время въ отвратительной лѣни: какъ безплодно проходитъ его жизньъ, за каждую секунду которой ему придется дать отвѣтъ впоследствии. Онъ могъ бы набивать желудокъ яйцами и ветчиной, дразнить собаку или ухаживать за горничной вмѣсто того, чтобы валиться въ тяжеломъ забытьѣ.

Ужасная мысль. Она мелькнула у насъ обоихъ одновременно. Мы рѣшились спасти его, и это благородное рѣшеніе заставило насъ забыть о собственной размолвѣ. Мы винулись къ нему и стащили съ него одѣяло, и Гаррисъ шлепнулъ его туфлей, а я крикнулъ ему въ ухо, такъ что онъ проснулся.

— Аваравав...—заявилъ онъ, поднимаясь.

— Вставайте, колода! — вопилъ Гаррисъ. — Четверть десятаго!

— Что!—воскликнулъ онъ, соскакивая съ спотехи и попадая ногами въ тазъ.—Какой чортъ подсунулъ сюда эту штуку?

Мы сказали ему, что нужно быть олухомъ, чтобы попадать ногами въ тазъ.

Одѣваясь, мы вспомнили, что наши зубныя щеточки уложены, также какъ головная щетка и гребень (моя зубная щеточка погубитъ меня, я ужъ знаю). Пришлось спускаться внизъ и доставать ихъ изъ чемодана. Когда же все было кончено, Джорджъ объявилъ, что ему нуженъ бритвенный приборъ. Но мы сказали ему, что не станемъ опять распаковывать чемоданъ ради него.

— Что за глупости!—отвѣчалъ онъ.—Не могу же я итти въ такомъ видѣ въ Сити.

Дѣйствительно, у него былъ довольно шершавый видъ для Сити, но что значили для насъ человѣче-

скія страданія! Какъ выразился Гаррисъ на своемъ вульгарномъ жаргонѣ, Сити можетъ раздѣлываться съ нимъ какъ знаетъ.

Мы сошли внизъ завтракать. Монморанси пригласилъ къ себѣ въ гости двухъ собакъ, и тѣ все время выли и царапались въ дверь. Мы успокоили ихъ зонтикомъ и принялись за котлеты и холодную говядину.

— Съ завтракомъ нужно распорядиться умѣючи,—заявилъ Гаррисъ и отвалилъ себѣ пару котлетъ, замѣтивъ, что ихъ нужно ѣсть горячими, тогда какъ говядина можетъ подождать.

Джорджъ взялъ газету и прочелъ вслухъ о несчастныхъ случаяхъ на водѣ и о „вѣроятномъ состояніи погоды“. На сегодня значились „дождь, холодно, туманъ, мѣстами бури съ грозой, восточный вѣтеръ, общее пониженіе надъ средними графствами (Лондономъ и Каналомъ). Барометръ падаетъ“.

Я думаю, что нѣтъ такой досадной, раздражающей чепухи, какъ эти обманныя „вѣроятныя состоянія погоды“. Они предсказываютъ именно то, что было вчера или третьяго дня, и какъ разъ противоположное тому, что случится сегодня.

Я помню, какъ излишнее вниманіе къ „вѣроятному состоянію погоды“, напечатанному въ одной провинціальной газетѣ, испортило намъ осеннюю поѣздку. „Сегодня ожидается проливной дождь и мѣстами бури съ грозою“, гласила она. Это было въ понедѣльникъ, и мы рѣшились отложить поѣздку и просидѣть дома весь день въ ожиданіи ливня. Утро было прекрасное, солнечное; на небѣ ни облачка; мимо нашего дома то и дѣло проѣзжали разные народы въ телѣжкахъ и коляскахъ, и все такіе веселые и оживленные.

— И вымочить же ихъ!—говорили мы, глядя изъ окна на проѣзжающихъ.

И мы усмѣхались, представляя себѣ, какъ они промокнутъ, и приказывали топить печи, и брались

за книги, и приводили въ порядокъ наши раковины и засушенные морскія водоросли. Въ полдень солнце пекло невыносимо, и мы недоумѣвали, когда же начнется проливной дождь и бури съ грозой.

— А, они начнутся послѣ обѣда!—говорили мы другъ другу.—О, какъ эти господа промокнуть! Вотъ будетъ погѣха!

Около часа зашла хозяйка и спросила, намѣрены ли мы ѣхать, такъ какъ погода прекрасная.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразили мы, подмигивая другъ другу,—мы не поѣдемъ. „Мы“ не хотимъ промокнуть, нѣтъ.

Прошло и послѣобѣденное время, а дождя еще и капли не выпало. Мы утѣшались надеждой, что онъ хлынетъ разомъ именно въ ту минуту, когда всѣ отправятся домой, такъ что имъ некуда будетъ укрыться, они промокнуть сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Но дождя не было, и день кончился прекраснымъ вечеромъ, за которымъ наступила ясная, теплая ночь.

На слѣдующее утро мы прочли въ газетѣ, что сегодня будетъ „ясная погода; жарко“, и вотъ мы одѣлись въ легкое платье и отправились, а полчаса спустя хлынулъ дождь и поднялся холодный вѣтеръ, и продолжались они цѣлый день, такъ что мы вернулись домой съ насморками и ревматизмами.

Вообще погода для меня вещь непостижимая. Я никогда не могу понять ея. Барометръ бесполезенъ; онъ приводитъ къ такимъ же недоразумѣніямъ, какъ „вѣроятное состояніе погоды“.

Я помню барометръ въ Оксфордѣ, въ гостиницѣ, гдѣ я остановился прошлой весной. Когда я поселился въ ней, онъ показывалъ „хорошую погоду“. На дворѣ же цѣлый день лилъ дождь, такъ что я не могъ носа высунуть на улицу. Я потрясъ барометръ, и онъ поднялся и остановился на „сухо“. Бутсъ завернулъ ко мнѣ въ

этотъ день и предположилъ, что барометръ, вѣроятно, указываетъ погоду на завтра. Я возразилъ, не имѣеть ли онъ въ виду погоду, которая стояла недѣлю тому назадъ, но Бутсъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, врядь ли.

На слѣдующее утро я снова потрясъ его, и онъ поднялся еще выше, а дождь лилъ какъ изъ ведра. Въ пятницу я снова взялся за барометръ, и стрѣлка послѣдовательно указывала: „ясная погода“ „сухо“, „сильный зной“, пока не остановилась, задѣвъ за штифтикъ, такъ что не могла идти дальше. Она пошла бы и дальше, но аппаратъ былъ такъ устроенъ, что стрѣлка не могла двинуться, не сломившись. Она, очевидно, хотѣла пойти впередъ и предсказать засуху, безводіе, солнечные удары, самумъ и тому подобныя вещи, но штифтикъ помѣшалъ ей и заставилъ ее удовольствоваться простымъ „сухо“.

Тѣмъ временемъ дождь лилъ какъ изъ ведра, и нижняя часть города была затоплена водой, такъ какъ рѣка вышла изъ береговъ.

Бутсъ сказалъ, что когда-нибудь, навѣрно, наступитъ продолжительная хорошая погода, при чемъ указалъ надинсь на верхушкѣ барометра:

Задолго предсказано, долго продлится,

Наскоро предсказано, скоро кончится.

Хорошая погода такъ и не наступила въ то лѣто. Должно быть, аппаратъ имѣлъ въ виду слѣдующую весну.

Теперь пошли въ ходъ барометры другого фазона, длинные какіе-то. Миѣ они не по силамъ. На одной сторонѣ обозначено десять часовъ утра сегодня, на другой—десять часовъ утра вчера, но вѣдь не встаешь же всякій разъ въ десять часовъ. Онъ поднимается и опускается смотря по погодѣ и вѣтру, и на одномъ концѣ стоитъ „Nly“, на другомъ „Ely“. (Какая Эли? При чемъ тутъ Эли?). А если его потрясти, то ничего не выходитъ. Да

нужно еще дѣлать поправку на уровень моря и переводить на Фаренгейта, но, и продѣлавъ все это, я не знаю, чтобы вышло.

Да и зачѣмъ предсказывать ненастье? Скверно, когда, оно наступаетъ; къ чему же еще лишняя непріятность: знать напередъ объ этой скверности? Вотъ какой пророкъ намъ по вкусу: какой-нибудь почтенный старикъ, который въ пасмурное ненастное утро, когда вамъ особенно хочется, чтобы наступила хорошая погода, обводитъ горизонтъ испытующимъ окомъ и говоритъ:

— О, вѣтъ, сэръ, это ничего не значитъ. Вотъ увидите, еще прояснѣтъ.

— Ну, онъ-то знаетъ,—говорите вы, поблагодаривъ старика и отправляясь дальше.—Удивительная наблюдательность у этихъ людей!

И ваше расположеніе къ старику ничуть не уменьшается отъ того обстоятельства, что небо не проясняется и дождь мороситъ цѣлый день.

— Что жъ,—говорите вы,—онъ сдѣлалъ, что могъ.

Напротивъ, человекъ, предсказавшій дурную погоду, возбуждаетъ въ васъ злыя и мстительныя мысли.

— Какъ вы думаете, вѣдь прояснѣтъ?—спрашиваете вы мимоходомъ.

— Ну, вѣтъ, сэръ; кажется, обложило надолго,—отвѣчаетъ онъ, покачивая головой.

— Старый дуракъ!—ворчите вы.—Точно онъ можетъ знать это!—И если его предсказаніе оправдывается, ваша злоба растетъ, и у васъ является смутное подозрѣніе, что тутъ не обошлось безъ его участія.

На этотъ разъ утро было слишкомъ ясное и солнечное, чтобы на насъ могли подѣйствовать возмутительныя сообщенія, прочитанныя Джорджемъ, насчетъ „паденія барометра“, „атмосферическаго возмущенія, направляющагося линіи черезъ южную Еврону“, и

вленія“. Убѣдившись, что не въ силахъ разстроить насъ и только понапрасну теряетъ время, онъ стибрилъ папироску, которую я тщательно свернулъ для себя, и ушелъ.

Тогда Гаррисъ и я, покончивъ съ остатками завтрака, вытащили багажъ на подѣздъ и стали ожидать кэбъ. Поклажи оказалась изрядная груда, когда мы собрали все вещи. Тутъ были чемоданъ и маленькій ручной саквояжъ, двѣ корзины, большой свертокъ одѣяль, четыре или пять непромокаемыхъ плащей и пальто, нѣсколько зонтиковъ, дыня въ корзиночкѣ, такъ какъ никуда больше не удалось ее помѣстить, другая корзиночка съ виноградомъ, японскій зонтикъ, сковородка, которую тоже не удалось никуда всунуть, такъ что мы просто обернули ее смоленой бумагой.

Мы съ Гаррисомъ немножко конфузились этой груды, хотя, право, не знаю, почему. Кэбъ, какъ на зло, не показывался, но уличные мальчишки явились откуда-то и, видимо, очень заинтересовались нами.

Прежде всѣхъ появился Биггсовъ мальчикъ. Биггсъ—нашъ зеленщикъ и отличается умѣньемъ подбирать въ свою лавку самыхъ отчаянныхъ сорванцовъ-мальчишекъ, какихъ только порождаетъ наша цивилизація.

Если по сосѣдству является особенно безобразный экземпляръ этой породы, будьте увѣрены, что это новый мальчикъ Биггса. Мнѣ говорили, что послѣ убійства въ Гретъ-Корамъ-Стритъ вся наша улица заподозрѣла Биггсова мальчика (тогдашняго), и если бы ему не удалось доказать свое alibi на строгомъ перекрестномъ допросѣ, которому подвергъ его № 19 утромъ послѣ преступленія (въ присутствіи случайно подвернувагося № 21), то ему пришлось бы круто. Я не зналъ въ то время Биггсова мальчика, но, познакомившись съ нимъ впоследствии, не могу съ своей стороны придавать особеннаго значенія этому alibi.

Итакъ, какъ я уже сказалъ, Биггсовъ мальчикъ вывырнулъ откуда-то изъ-за угла. Онъ, очевидно, очень торопился, но, увидѣвъ Гарриса, меня, Монморанси и вещи, остановился и уставился на насъ. Мы сердито взглянули на него. Этотъ взглядъ могъ бы подѣйствовать на болѣе чувствительную натуру, но Биггсовы мальчики вообще не отличаются чувствительностью.

Онъ отошелъ на аршинъ отъ подъѣзда и продолжалъ разсматривать насъ, жуя соломинку. Очевидно, онъ рѣшилъ оставаться до конца.

Минуту спустя на другой сторонѣ улицы показался мальчикъ изъ колониальной лавки. Биггсовъ мальчикъ крикнулъ ему:

— Эй, изъ 42-го тронулись!

Мальчикъ изъ бакалейной лавки перешелъ черезъ улицу и остановился по другую сторону подъѣзда. Затѣмъ появился молодой джентльменъ изъ сапожной лавки и помѣстился рядомъ съ Биггсовымъ мальчикомъ, тогда какъ юный разливатель пива изъ „Голубыхъ Столбовъ“ занялъ независимую позицію на тумбѣ.

— Имъ не придется голодать, а? — заявилъ джентльменъ изъ сапожной лавки.

— Ну, да вѣдь и ты захватилъ бы съ собой припасовъ, если бы тебѣ пришлось переплывать Атлантическій океанъ въ простой лодкѣ, — возразилъ „Голубые Столбы“.

— Они не переплывутъ черезъ океанъ, — вмѣшался Биггсовъ мальчикъ, — они отправляются отыскивать Стэнли.

Тѣмъ временемъ собралась порядочная толпа зѣвакъ, спрашивавшихъ другъ у друга, что случилось. Одни (болѣе молодая и вѣтреная часть толпы) говорили, что это свадьба и указывали на Гарриса, какъ на жениха, тогда какъ солидные и степенные зрители болѣе склонялись къ предположенію, что это похороны и что я братъ покойника.

Наконецъ, показался свободный извозчикъ (вообще въ этой улицѣ свободные извозчики проѣзжаютъ примѣрно по три въ минуту, когда въ нихъ нѣтъ надобности), и мы, уложивъ вещи и отогнавъ обоихъ друзей Монморанси, очевидно, давшихъ клятву не разставаться съ своимъ пріятелемъ, усѣлись и поѣхали, напутствуемые шутками толпы и морковью, которую Бигсовъ мальчикъ швырнулъ намъ вдогонку на счастье, вмѣсто башмака.

Къ одиннадцати часамъ мы были у Ватерлоо, и начали розыскивать поѣздъ, который долженъ былъ отправиться въ пять минутъ двѣнадцатаго. Оказалось, что никто не знаетъ, гдѣ стоитъ поѣздъ, ни куда онъ идетъ, ни вообще какихъ бы то ни было подробностей на этотъ счетъ. Носильщикъ, взявшій наши вещи, полагалъ, что онъ отходитъ отъ платформы номеръ второй, тогда какъ другой носильщикъ, съ которымъ первый вступилъ въ бесѣду по этому вопросу, объявилъ, что, по слухамъ, поѣздъ отходитъ отъ платформы номеръ первый. Съ своей стороны, начальникъ станціи былъ убѣжденъ, что онъ все-таки отходитъ съ какого нибудь мѣста.

Желая покончить съ этимъ вопросомъ, мы вошли въ вокзалъ и справились насчетъ поѣзда у смотрителя багажнаго отдѣленія, который сказалъ намъ, что сейчасъ только встрѣтился съ человекомъ, видѣвшимъ этотъ поѣздъ у платформы номеръ третій. Мы отправились къ платформѣ номеръ третій, но здѣсь служащіе сказали намъ, что это, по всей вѣроятности, вестминстерскій курьерскій поѣздъ или виндзорскій малой скорости. Во всякомъ случаѣ они были увѣрены, что это не кингстонскій поѣздъ, котораго мы искали, хотя, почему они были въ этомъ увѣрены, врядъ ли бы могъ кто-нибудь изъ нихъ объяснить.

Наконецъ, нашъ носильщикъ сообщилъ, что поѣздъ, по всей вѣроятности, стоитъ у верхней плат-

формы; тутъ мы увидѣли машиниста и спросили его, не въ Кингстонъ ли онъ отправляется. Машинистъ отвѣчалъ, что навѣрно не знаетъ, но кажется—туда. Во всякомъ случаѣ, если это не одиннадцатичасовой поѣздъ въ Кингстонъ, то десятичасовой на островъ Уайтъ или куда-нибудь въ томъ же направленіи. Мы сунули ему въ руку полкроны и просили его отправиться въ одиннадцать часовъ пять минутъ въ Кингстонъ.

— Никто здѣсь не знаетъ,—сказали мы,—что это за поѣздъ и куда онъ идетъ. Вы знаете дорогу, что вамъ стоитъ отправиться въ Кингстонъ?

— Хорошо, я не скажу навѣрное, джентльмены,—отвѣчалъ этотъ славный малый,—но я думаю, что нѣвій поѣздъ отправится въ Кингстонъ, и съ своей стороны, похлопочу объ этомъ.

Такъ мы отправились въ Кингстонъ изъ Лондона по юго-западной желѣзной дорогѣ.

Впослѣдствіи намъ сообщили, что поѣздъ, на которомъ мы отправились, былъ эксетерскій почтовый, и что на станціи Ватерлоо его разыскивали цѣлые часы, но никто не могъ сказать, куда онъ дѣвался.

Лодка ожидала насъ въ Кингстонѣ подлѣ моста; мы направились къ ней, сложили въ нее багажъ и вошли сами.

— Готово, сэръ?—спросилъ лодочникъ.

— Готово,—отвѣчали мы и, усѣвшись, я у руля, Гаррисъ у весель, Монморанси, въ самомъ мрачномъ и подозрительномъ настроеніи духа, на носу—отплыли по водамъ, которыя въ теченіе двухъ недѣль должны были служить нашимъ жилищемъ.

ГЛАВА VI.

Кингстонъ.—Поучительныя замѣчанія о древней англійской исторіи.—Поучительныя замѣчанія о дубовой рѣзбѣ и жизни вообще.—Несчастное положеніе Стивингса-младшаго.—Размышленія о древности.—Я забываю о рулѣ.—Интересныя послѣдствія.—Гамптонъ-Кортъ.—Гаррисъ въ роли проводника.

Было чудесное утро, конецъ весны или начало лѣта, назовите какъ угодно, когда нѣжная зелень травы и листьевъ начинаетъ принимать яркій, густой оттѣнокъ, и природа напоминаетъ прекрасную юную дѣвушку, всю трепещущую отъ страннаго, лихорадочнаго возбужденія передъ пробужденіемъ женственности.

Старинныя улицы Кингстона, спускавшіяся къ берегу, были очень живописны при яркомъ солнечномъ свѣтѣ; сверкающая рѣка съ медленно тянущимися барками, заросшія кустами бечевникъ, нарядныя виллы по ту сторону рѣки, Гаррисъ, трудящійся у весель, древній замокъ Тюдоровъ, неясно рисовавшійся на горизонтѣ,—все это озаренное солнцемъ, сливалось въ такую яркую и въ тоже время спокойную, полную жизни и тѣмъ не менѣе мирную картину, что я забылся, погрузившись въ сладкую полудремоту.

Я думалъ о Кингстонѣ или „Кинингстонѣ“, какъ называли его въ старыя времена, когда саксонскіе „Kinges“ (короли) вѣнчались тутъ на царство. Великій Цезарь перешелъ здѣсь рѣку и римскіе легіоны стояли лагеремъ на ея высочайшихъ берегахъ. Цезарь, подобно Елизаветѣ въ позднѣйшіе годы, заглядывалъ, кажется, всюду; только онъ былъ щепетильнѣе королевы Бессъ: онъ не останавливался на постоянныхъ дворахъ.

Королева-дѣвственница была просто помѣшана на постоянныхъ дворахъ. Врядъ ли найдется хар-

чевня на разстояніи десяти миль отъ Лондона, гдѣ бы она не побывала хоть мимоходомъ,—или останавливалась, или ночевала. Спрашивается, если Гаррисъ, въ силу какого-нибудь удивительнаго превращенія, сдѣлается великимъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ, и будетъ назначенъ первымъ министромъ, и умретъ, признаютъ ли умѣстнымъ надписать на трактирахъ, которые онъ посѣщаль: „Гаррисъ пропустилъ здѣсь рюмочку горькой“; „Гаррисъ выпилъ здѣсь двѣ кружки шотландскаго пива лѣтомъ 1888 года“; „Гаррисъ былъ выведенъ отсюда въ декабрѣ 1886 года“?

Нѣтъ, пришлось бы сдѣлать слишкомъ много такихъ надписей! Напротивъ, прославятся трактиры, которыхъ онъ не посѣщаль: „Единственный кабакъ въ южномъ Лондонѣ, гдѣ Гаррисъ никогда ничего не пилъ“. Такая надпись привлечетъ массу публики.

Воображаю, какъ ненавидѣлъ „Кинингстонъ“ бѣдный слабоумный король Эдвинъ! Праздникъ коронаціи оказался ему не по силамъ. Можетъ быть, ему не понравилась кабанья голова, начиненная обсахаренными орѣхами, и онъ не могъ больше наливать вина и меда; только онъ ускользнулъ отъ шумнаго сборища, чтобы провести часокъ со своей возлюбленной Эльдживой.

Можетъ быть, они сидѣли рядышкомъ у окна и любовались игрой луннаго свѣта на водѣ, прислушиваясь къ доносившимся изъ отдаленныхъ залъ шуму и крикамъ разбушевавшейся компаніи.

Но вотъ грубый Одо и св. Дунстанъ вламываются въ комнату, и, осыпая бранью кроткую королеву, уводятъ бѣднягу Эдвина къ пьяному сборищу.

Прошло много лѣтъ; саксонскіе короли и саксонскіе пьяницы погибли при звукахъ военной музыки, и Кингстонъ утратилъ на время свое величіе, которое, впрочемъ, вернулось къ нему съ

лихвою, когда Гамптонъ-Кротъ сдѣлался резиденціей Тюдоровъ и Стюартовъ и на рѣкѣ появились королевскія лодки, изъ которыхъ выходили расфранченные кавалеры, восклицая:

— What Ferry, Ho! Gadzooks gramecy.

Многіе старинные дома въ окрестностяхъ напоминаютъ о томъ времени, когда Кингстонъ былъ королевской резиденціей, и придворная знать селилась въ немъ поближе къ королю, а дорога къ королевскому замку оживлялась звономъ оружія, топотомъ коней, шелестомъ бархата и шелка да красивыми лицами. Большіе просторные дома съ круглыми, рѣшетчатыми окнами, высокими каминами и остроконечными крышами полны воспоминаніями о рукавахъ съ буффами, о расшитыхъ жемчугомъ нагрудникахъ и вычурныхъ елтвахъ. Они были выстроены въ эпоху, „когда люди умѣли строить“. Красныя черепицы только затвердѣли отъ времени, а дубовыя лѣстницы до сихъ поръ не скрипятъ и не трещать, когда вы по нимъ ходите.

Кстати, я вспомнилъ о великолѣпной дубовой лѣстницѣ въ одномъ изъ кингстонскихъ домовъ. Теперь въ немъ устроена лавка, но когда-то онъ очевидно, былъ жилищемъ какого-то важнаго лица. Одинъ изъ моихъ друзей, живущій въ Кингстонѣ, зашелъ туда купить шляпу и, по разсѣянности, заплатилъ за нее втридорога.

Хозяинъ (онъ знаетъ моего друга) въ первую минуту былъ нѣсколько пораженъ, но живо опомнился и, чувствуя, что такой образъ дѣйствія заслуживаетъ поощренія, спросилъ у нашего героя, не желаетъ ли онъ посмотреть прекрасные образчики стариннаго рѣзного дуба. Тотъ согласился, и хозяинъ провелъ его черезъ лавку на лѣстницу внутри дома. Перила ея оказались дѣйствительно артистической работы, а стѣна вдоль всей лѣстницы была обшита дубовыми панелями съ рѣзбою, которая сдѣлала бы честь любому дворцу.

Отсюда они прошли въ гостиную, большую, свѣтлую комнату, оклеенную довольно безвкусными, но веселенькими голубыми обоями. Ничего замѣчательнаго, впрочемъ, въ ней не оказалось, такъ что мой другъ даже удивился, зачѣмъ его сюда привели. Тогда хозяинъ подошелъ къ стѣнѣ и постучалъ по обоямъ. Они издали деревянный звукъ.

— Дубъ,—объяснилъ онъ.—Рѣзной дубъ до самаго потолка, такой же, какъ на лѣстницѣ.

— Великій Цезарь!—воскликнулъ мой другъ.— Неужели вы заклеили обоями рѣзной дубъ?

— Да,—отвѣчалъ тотъ,—и дорогонько же обошлось это. Понятно, пришлось сначала выгладить стѣну. Зато комната приняла веселый видъ. Раньше она выглядѣла ужасно мрачно.

Не скажу, чтобы я порицалъ этого человѣка (безъ сомнѣнія, это очень утѣшительно для него). Съ своей точки зрѣнія—точки зрѣнія обыкновеннаго домохозяина, желающаго прожить повеселѣе и отнюдь не одержимаго маніей къ древностямъ—онъ правъ. Рѣзная дубовая работа красива на видъ; пріятно имѣть въ своемъ домѣ ея образчикъ; но помѣщеніе съ рѣзными дубовыми панелями на стѣнахъ, безъ сомнѣнія, будетъ дѣйствовать нѣсколько угнетающимъ образомъ на человѣка, чьи вкусы не направлены въ эту сторону. Это все равно, что жить въ церкви.

Нѣтъ, въ данномъ случаѣ вотъ что нехорошо: человѣкъ, который вовсе не цѣнитъ рѣзного дуба, владѣеть цѣлой гостиной съ дубовыми панелями, тогда какъ люди, которымъ рѣзной дубъ нравится, не могутъ достать его за бѣшенныя деньги. Это,—кажется, общее правило на нашемъ свѣтѣ. Каждый имѣеть то, чего вовсе не желаетъ имѣть, а другіе владѣютъ тѣмъ, чего желаетъ онъ.

У женатыхъ людей есть жены, но, кажется, они вовсе не желаютъ женъ, а холостые и молодые люди жалуется, что не найдешь невѣсты. Бѣдные люди, у которыхъ едва хватаетъ средствъ,

чтобы прокормить самих себя, обременены семьями въ десять душъ. Богатая пожилая чета, которой некому завѣщать свои деньги, умираетъ бездѣтной.

Или возьмите двѣвушекъ и ихъ обожателей. Дѣвушки, у которыхъ есть обожатели, вовсе не нуждаются въ нихъ; онѣ говорятъ, что обойдутся безъ нихъ, что тѣ надоѣли имъ, и что пусть они лучше начнутъ ухаживать за миссъ Смитъ и миссъ Броунъ, которыя гораздо старше и у которыхъ нѣтъ никакихъ обожателей; а имъ ненужно: онѣ никогда не выйдутъ замужъ.

Но лучше не думать о такихъ вещахъ: грустно какъ-то становится.

Былъ у насъ въ школѣ мальчикъ, котораго прозвали Сандфордъ и Мертонъ. Настоящее его имя было Стиввингсъ. Такого чудака я съ тѣхъ поръ и не видывалъ. Онъ не на шутку любилъ учиться. Опъ поднималъ цѣлыя баталіи, если ему не позволяли сидѣть почью въ постели и зубрить греческій языкъ, а отъ французскихъ неправильныхъ глаголовъ его просто не оторвешь бывало. Онъ былъ одержимъ дикой, неестественной маніей сдѣлаться утѣшеніемъ родителей, гордостью школы, получать преміи, вырасти умникомъ, — его увлекали всѣ эти жалкія идеи. Я въ свою жизнь не видалъ такого страннаго существа, да еще представьте себѣ, безобиднаго, какъ новорожденный младенецъ.

И что же, этотъ мальчикъ болѣлъ раза по два въ недѣлю, такъ что почти не могъ ходить въ школу. Врядъ ли когда-нибудь существовалъ мальчикъ, до такой степени расположенный къ болѣзнямъ, какъ Сандфордъ и Мертонъ. Стоило появиться какой-нибудь болѣзни, хотя бы за десять миль, онъ немедленно схватывалъ ее, и притомъ въ сильнѣйшей степени. Онъ ухитрялся схватить бронхитъ въ каникулярное время и лихорадку на Рождество. Послѣ шестинедѣльной жары и засухи

онъ заболѣвалъ ревматизмомъ, а выйдя изъ дому въ ноябрьское ненастье, возвращался пораженный солнечнымъ ударомъ.

Однажды его пришлось подвергнуть дѣйствию веселящаго газа, выдернуть бѣднягѣ всѣ зубы и вставить фальшивые, до того мучила его нестерпимая зубная боль. А на смѣну ей явилась невралгія и стрѣльба въ ухахъ. Простуженъ онъ былъ всегда, исключая девяти недѣль, когда у него была скарлатина; кромѣ того, онъ постоянно отмораживалъ себѣ что-нибудь. Холерная эпидемія 1871 года почему-то обошла насъ: былъ только одинъ случай заболѣванія въ цѣломъ приходѣ — заболѣлъ именно юный Стиввингсъ.

Ему приходилось лежать въ постели и ѣсть куривый супъ и компотъ; и вотъ онъ лежалъ и плакалъ, потому что ему не позволяли дѣлать латинскія упражненія и отбирали у него нѣмецкую грамматику.

А мы, остальные, мы, которые отдали бы всѣ наши учебные годы за одинъ день болѣзни, не могли схватить ничего поважнѣе судорогъ въ шеѣ. Мы дурачились и шалили, и это освѣжало насъ; мы объѣдались, чтобы заболѣть, и только толстѣли и разжигали аппетитъ. Что бы мы ни дѣлали, намъ не удавалось заболѣть, пока не наступали праздники. Тутъ, съ перваго же дня, на насъ обрушивались простуда, коклюшъ и всевозможные недуги, продолжавшіеся до начала ученія, когда всѣ они разомъ исчезали, несмотря ни на что.

Такова жизнь человѣческая; мы, подобны травѣ въ полѣ, которую скосятъ и сожгутъ въ печи.

Возвращаюсь къ дубовой рѣзбѣ. Наши прапрадѣды, очевидно, обладали замѣчательнымъ чутьемъ къ изящному и прекрасному. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ наши артистическія сокровища представляли самую обыденную дрянъ четырехста, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Я часто спрашиваю себя, есть ли дѣйствительно какая-нибудь красота въ

старинныхъ чашкахъ, пивныхъ кружкахъ, щипцахъ для свѣчей, которыми мы такъ восхищаемся, или имъ придаетъ такую прелесть въ нашихъ глазахъ отблескъ давно минувшей эпохи. Предметы, служившіе тогда обыденной домашней утварью, мы вѣшаемъ на стѣны и прячемъ въ стеклянные шкапы; розовыхъ пастушковъ и желтыхъ пастушекъ, которыхъ женщины XVIII вѣка считали дрянными дешевыми бездѣлушками и совали раскапризничавшимся дѣтямъ, мы показываемъ нашимъ друзьямъ, и тѣ дѣлаютъ видъ, что восторгаются ими.

Будетъ ли и впредь то же самое? Неужели сегодняшнимъ сокровищемъ всегда останется вчерашній хламъ? Быть можетъ, и наши тарелки, съ нарисованными на нихъ деревьями, попадутъ на каминъ важной особы 2000 года, какъ образчикъ старинной артистической работы. И наши чашки съ золотымъ ободкомъ и золотымъ цвѣточкомъ (неизвѣстнаго вида) на донышкѣ попадутъ на шифоньерки, и сама хозяйка дома будетъ вытирать съ нихъ пыль.

А китайская собачка, украшающая спальню въ моей квартирѣ? Это бѣлая собачка, съ голубыми глазами и носикомъ пріятнаго краснаго цвѣта съ черными крапинками; голова у нея задрана кверху и выражаетъ дружелюбіе, граничащее съ глупостью. Миѣ она не нравится. Какъ произведение искусства, она раздражаетъ меня. Легкомысленные друзья мои подшучиваютъ надъ ней, и сама хозяйка стнудь не восторгается ею и объясняетъ ея присутствіе только тѣмъ, что она подарена ей теткой.

Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что лѣтъ черезъ двѣсти эта же собачка будетъ найдена гдѣ-нибудь въ кучѣ стараго хлама съ отбитыми ногами и безъ хвоста, сойдетъ за старинную китайскую и будетъ украшать чей-нибудь кабинетъ. Посѣтители будутъ восхищаться ею. Станутъ изумлять-

ся удивительно нѣжному цвѣту ея носа и разсуждать о томъ, какъ прекрасенъ былъ у нея хвостъ.

Намъ, въ нашемъ вѣкѣ, не нравится эта собачка. Это, для насъ слишкомъ обыкновенный предметъ. Все равно что звѣзды или закатъ солнца: мы не восторгаемся ихъ красотой, такъ какъ они постоянно передъ нашими глазами.

Такъ точно и китайская собачка. Въ 2288 году она возбудитъ энтузіазмъ. Искусство приготовленія такихъ собачекъ будетъ забыто. Наши потомки станутъ удивляться нашему мастерству. О насъ будутъ говорить почтительно: „Великіе старинные мастера, бывшіе гордостью ХІХ вѣка и создавшіе такихъ собачекъ“.

Узоръ, который старшая дочь вышиваетъ въ школѣ, получить названіе „ткань эпохи Викторіи“, и ткани этой просто цѣны не будетъ. Бѣлыя ивныя кружки, съ голубыми полосками изъ деревенской харчевни, потрескавшіяся и облупившіяся, будутъ продаваться на весь золота, и богатые люди станутъ пить изъ нихъ кларетъ. Путешественники изъ Японіи станутъ скупать всевозможный хламъ, удѣлѣвшій отъ разрушенія, и отвозить его въ Іеддо въ качествѣ старинныхъ англійскихъ рѣдкостей.

Въ эту минуту Гаррисъ выпустилъ весла и опрокинулся на спину, задравъ ноги кверху. Монморанси взвизгнулъ и перекувырнулся; большая корзина подскочила такъ, что всѣ вещи вылетѣли.

Я изумился, не потерявъ, однако, присутствія духа, и сказалъ довольно веселымъ тономъ:

— Галло! Что случилось?

— Что случилось? То, что вы...

Нѣтъ, поразмысливъ, я не рѣшился повторить слова Гарриса. Я былъ достоинъ порицанія, — соглашаюсь, но можно ли простить грубость языка и неприличіе выраженій, да еще такому человеку, какъ Гаррисъ, получившій, сколько мнѣ извѣстно, тщательное воспитаніе? Я думалъ о дру-

гихъ вещахъ,—мудрено ли, что я забылъ о рулѣ и мы врѣзались въ бечевникъ. Въ первую минуту трудно было сказать, гдѣ кончаемся мы, и гдѣ начинается мель, но потомъ мы кое-какъ разобрались и отдѣлились отъ нея.

Какъ бы то ни было, Гаррисъ заявилъ, что съ него довольно, и теперь моя очередь работать. Итакъ, я взялся за весла, и мы направились мимо Гамптонъ-Корта. Какая прекрасная старинная стѣна тянется тутъ вдоль рѣки! Я всегда съ удовольствіемъ проѣзжаю мимо нея. Это такая пріятная, веселая, милая стѣна! Какой живописный видъ придаютъ ей пестрые лишай, сѣдой мохъ, нѣжный молодой виноградъ, который, забравшись наверхъ, осторожно перевѣшивается внизъ посмотрѣть, что дѣлается на рѣкѣ, и задумчивый старый плющъ, вьющійся неподалеку! Сотни отѣнковъ, красокъ, пятенъ смѣняются на каждые десять ярдовъ этой стѣны. Если бы только я умѣлъ рисовать и раскрашивать, я сдѣлалъ бы прекраснѣйшій рисунокъ этой старинной стѣны,— право! Вообще я часто думаю, какъ хорошо было бы жить въ Гамптонъ-Кортѣ. У него такой спокойный, мирный видъ; тутъ должно быть очень пріятно бродить рано утромъ, когда люди еще спятъ.

Не знаю, впрочемъ, что бы я сказалъ, если бы въ самомъ дѣлѣ пришлось жить въ Гамптонъ-Кортѣ. Тутъ, должно быть, ужасно грустно и тоскливо по вечерамъ, когда таинственныя тѣни скользятъ по стѣннымъ панелямъ, а эхо отдаленныхъ шаговъ отдается въ каменныхъ коридорахъ, то приближаясь, то замирая вдали, и все погружается въ гробовое молчаніе, такъ что вы слышите бѣненіе собственнаго сердца.

Мы, люди,—дѣти солнца. Мы любимъ свѣтъ и жизнь. Вотъ почему мы стремимся въ города, а деревня пустѣетъ съ каждымъ годомъ. При солнечномъ свѣтѣ, днемъ, когда природа оживляется и хлопочетъ вокругъ насъ, намъ нравятся холмы

и лѣса; ночью же, когда мать-земля засыпаетъ, тогда міръ кажется такимъ одинокимъ, что мы трепещемъ, какъ дѣти въ пустомъ домѣ. Тогда мы сидимъ и вздыхаемъ, мы стремимся къ освѣщеннымъ газомъ улицамъ, гдѣ слышны голоса людскіе и шумъ человеческой жизни. Мы чувствуемъ себя безпомощными и маленькими въ ночной тишинѣ, когда вѣтеръ шелеститъ верхушками темныхъ деревьевъ. Духи рѣютъ вокругъ насъ, и ихъ безмолвные взгляды угнетаютъ насъ. Но въ большомъ городѣ, при яркомъ свѣтѣ тысячъ газовыхъ рожковъ, среди криковъ и шума мы чувствуемъ себя въ своей тарелкѣ...

Гаррисъ спросилъ, бывалъ ли я когда-нибудь въ Гамптонъ-Кортскомъ лабиринтѣ. Ему случилось однажды побывать тамъ въ качествѣ проводника. Онъ изучилъ его на планѣ; и устройство лабиринта оказалось простымъ до глупости, такъ что врядъ ли стоило платить два пенса за входъ. Гаррисъ водилъ туда одного изъ своихъ родственниковъ.

— Пойдемте, если хотите, — сказалъ онъ, — только тутъ нѣтъ ничего интереснаго. Нелѣпо называть это лабиринтомъ. Первый поворотъ направо — и вы у выхода. Мы обойдемъ его въ десять минутъ, а тамъ отправимся куда-нибудь позавтракать.

Въ лабиринтѣ они встрѣтили нѣсколько человѣкъ, которые гуляли тамъ уже около часа и рады были бы выбраться. Гаррисъ сказалъ, что они могутъ, если угодно, слѣдовать за нимъ; онъ только что вошелъ и слѣдуетъ всего одинъ кругъ. Они отвѣтили, что очень рады, и послѣдовали за нимъ.

По дорогѣ къ нимъ приставали все новыя и новыя лица, пока не собралась вся публика, находившаяся въ лабиринтѣ. Люди, потерявшіе уже всякую надежду выбраться отсюда и увидѣть когда-нибудь семью и друзей, ободрялись при видѣ Гарриса и примыкали къ процессіи, благословляя его. По словамъ Гарриса, ихъ набралось двадцать человѣкъ, въ томъ числѣ одна женщина съ

ребенкомъ, которая провела въ лабиринтѣ цѣлое утро и теперь уцѣпилась за его руку, чтобы случайно не потерять его.

Гаррисъ повернулъ направо, но путь оказался очень длиннымъ, и родственникъ заявилъ, что лабиринтъ, повидимому, очень великъ.

— О, одинъ изъ самыхъ обширныхъ въ Европѣ!—подтвердилъ Гаррисъ.

— Должно быть,—отвѣчалъ родственникъ,—мы прошли уже добрыхъ двѣ мили.

Гаррисъ начиналъ чувствовать смущеніе, но все еще бодрился, пока они не наткнулись на кусокъ пряника, валявшійся на землѣ. Родственникъ Гарриса божился, что видѣлъ этотъ самый кусокъ семь минутъ тому назадъ. — „О, не можетъ быть“, возразилъ Гаррисъ, но женщина съ ребенкомъ заявила, что — „напротивъ, очень можетъ быть“, такъ какъ она сама отняла этотъ пряникъ у ребенка и бросила его за минуту до встрѣчи съ Гаррисомъ. Она прибавила, что желала бы вовсе не встрѣчаться съ Гаррисомъ, и высказала предположеніе, что онъ обманщикъ. Это привело его въ негодованіе, и онъ досталъ карту и изложилъ свою теорію.

— Карта была бы очень кстати,—замѣтилъ одинъ изъ его спутниковъ,—если бы мы знали, гдѣ находимся.

Гаррисъ не зналъ и замѣтилъ, что, по его мнѣнію, самое лучшее вернуться къ выходу и начать сызнова. Последняя половина его предложенія не возбудила особеннаго энтузіазма, но первая—относительно возвращенія къ выходу—была принята единодушно, и вотъ всѣ потащились за нимъ въ обратный путь. Минутъ черезъ десять вся компанія очутилась въ центрѣ лабиринта.

Гаррисъ хотѣлъ было сказать, что онъ сюда и направлялся, но настроеніе толпы показалось ему опаснымъ, и онъ рѣшилъ сдѣлать видъ, что попалъ сюда случайно.

Во всякомъ случаѣ куда-нибудь надо было итти. Теперь они знали, гдѣ находятся и потому снова взялись за карту. Казалось, что выбраться ничего не стоитъ, и они въ третій разъ тронулись въ путь.

Три минуты спустя они снова очутились въ центрѣ лабиринта.

Послѣ этого они такъ и не могли развязаться съ нимъ. Куда бы они ни направлялись, всякій разъ они возвращались къ центру. Это повторялось такъ регулярно, что нѣкоторые рѣшили оставаться на мѣстѣ и ждать, пока товарищи не сдѣлаютъ обходъ и не вернутся къ нимъ. Гаррисъ вытащилъ было карту, но одинъ видъ ея привелъ толпу въ бѣшенство, и ему посоветовали употребить ее для завивки волосъ. По словамъ Гарриса, онъ чувствовалъ въ эту минуту, что его популярность до нѣкоторой степени утрачена.

Въ концѣ концовъ, они окончательно сбились съ толку и стали звать сторожа; тотъ явился, взобрался на наружную лѣстницу и крикнулъ имъ, куда итти. Но всѣ уже такъ одурѣли, что не могли ничего понять; тогда онъ крикнулъ имъ, чтобы они стояли на мѣстѣ и дожидались его. Они сбились въ кучу и стали ждать; а онъ спустился съ лѣстницы и пошелъ къ нимъ.

Это былъ молодой и неопытный сторожъ; забравшись въ лабиринтъ, онъ не могъ отыскать ихъ и, тщетно пытаясь пробраться къ нимъ, въ концѣ концовъ самъ заблудился. По временамъ они видѣли его мелькающимъ то тамъ, то здѣсь, по ту сторону забора, и онъ самъ видѣлъ ихъ и устремлялся къ нимъ, но спустя минуту появлялся на томъ же самомъ мѣстѣ и спрашивалъ, куда они дѣвались.

Пришлось дожидаться, когда одинъ изъ старыхъ сторожей, кончивъ обѣдать, явился къ нимъ на выручку.

Въ заключеніе Гаррисъ прибавилъ, что, по его

мнѣнію, это очень интересный лабиринтъ, и мы согласились уговорить Джорджа сходить туда на обратномъ пути.

ГЛАВА VII.

Рѣка въ праздничномъ нарядѣ.—Рѣчные костюмы.—Отсутствіе вкуса у Гарриса.—Повѣзка съ фешенебельной дамой.—Могила мистриссъ Томасъ.—Человѣкъ, который не любитъ могилъ, гробовъ и череповъ.—Взгляды Гарриса на Джорджа, банкъ и лимонадъ.—Онъ устраиваетъ штуки.

Гаррисъ разсказалъ мнѣ о своемъ приключеніи въ лабиринтъ, пока мы проѣзжали черезъ шлюзы Маульси. Это длинный шлюзъ, и намъ пришлось ѣхать довольно долго.

Тутъ не было ни одной лодки, кромѣ нашей; я никогда еще не видалъ этого шлюза такимъ пустымъ. Вообще, я думаю, это самый оживленный шлюзъ на Темзѣ.

Мнѣ случалось смотрѣть на него съ берега, когда въ немъ и воды не было видно, а только сплошная масса пестрыхъ платьевъ, нарядныхъ шляпокъ, заборныхъ цилиндровъ, разноцвѣтныхъ зонтиковъ, шелковыхъ мантилій, развѣвающихся лентъ и расфранченныхъ дамъ; съ берега казалось, будто передъ тобой ящикъ, наполненный всевозможными цвѣтами.

По воскресеньямъ, въ хорошую погоду, онъ цѣлый день имѣетъ такой видъ; вверхъ и внизъ по рѣкѣ тянутся длинныя вереницы лодокъ, ожидающихъ своей очереди, уходящихъ или приближающихся, такъ что вся задняя солнцемъ рѣка, отъ дворца до Гамптонской церкви, пестрѣетъ желтыми, голубыми, оранжевыми, бѣлыми, красными, малиновыми пятнами. Всѣ обитатели Маульси и Гамптона, принарядившись, являются къ шлюзу, курятъ, болтаютъ, указываютъ за ба-

рышнями, слѣдятъ за лодками; и все это — шляпы и сюртуки мужчинъ, наряды дамъ, рѣзвлящіяся собаки, движущіяся лодки, сверкающая вода, пріятный ландшафтъ,—все это въ цѣломъ представляетъ одну изъ самыхъ веселыхъ картинъ, какія только можно встрѣтить въ окрестностяхъ стараго скучнаго Лондона.

Поѣздка по рѣкѣ представляетъ удобный случай прифрантиться. Тутъ и мы, мужчины, можемъ показать нашъ вкусъ, и я думаю, что мы стоимъ за себя, если желаете знать мое мнѣніе. Я, напримѣръ, люблю красный цвѣтъ,—красный и черный. У меня волосы русые, золотисто-каштановые, и темно-красный цвѣтъ очень идетъ къ нимъ, недурно также выглядывать на мнѣ свѣтло-голубой шарфъ, высокіе русскіе сапоги и красный шелковый платокъ вмѣсто пояса,—платокъ гораздо красивѣе.

Гаррисъ предпочитаетъ желтый и оранжевый цвѣта, и совсѣмъ напрасно. Онъ слишкомъ смуглъ для желтаго цвѣта. Желтый цвѣтъ не идетъ къ нему, объ этомъ и толковать нечего. Ему бы вотъ что къ лицу: на голубомъ фонѣ бѣлыя или сливочнаго цвѣта пятна; но что прикажете дѣлать? Чѣмъ меньше вкуса у человѣка, тѣмъ онъ упрямѣе. А жаль, въ такомъ костюмѣ онъ никогда не будетъ имѣть успѣха, а между тѣмъ, есть одинъ-два цвѣта, при которыхъ онъ выглядѣлъ бы еще туда-сюда.

Джорджъ накупилъ для этой поѣздки кое-какихъ обновокъ, которыя просто смущаютъ меня. Жилетъ ослѣпительнъ. Джорджу не нравится, когда я такъ говорю, но, право, не подберу другого названія. Онъ купилъ его и принесъ показать намъ въ четвергъ вечеромъ. Я спросилъ его, какъ называется этотъ цвѣтъ; но онъ не зналъ. По его мнѣнію, этотъ цвѣтъ не имѣетъ названія. Продавецъ увѣрялъ, что это восточный узоръ. Джорджъ надѣлъ его и спросилъ, какъ мы находимъ. Гар-

рисъ отвѣчалъ, что, какъ пугало для воробьевъ, эта вещь внушаетъ ему уваженіе; но если разсматривать ее какъ одежду, пригодную для пошенія на тѣлѣ человѣка, кромѣ развѣ маргэтскаго негра, то она ужасна. Джорджъ разозлился, на что ему справедливо замѣтилъ Гаррисъ: „Зачѣмъ же онъ спрашивалъ чужого мнѣнія, если оно ему не нравится“.

Мы, то-есть я и Гаррисъ, боимся, что этотъ костюмъ будетъ привлекать вниманіе къ нашей лодкѣ. Барышни, если онѣ хорошо одѣты, тоже педурно выглядятъ въ лодкѣ. По моему мнѣнію, ничто такъ не идетъ имъ къ лицу, какъ хорошій лодочный костюмъ. Но „лодочнымъ костюмомъ“ я называю такой, который можно носить въ лодкѣ, а не только подъ стекляннымъ колпакомъ. Вся прелесть экскурси пропадаетъ, когда у васъ въ лодкѣ сидятъ особы, думающія не столько о поѣздкѣ, сколько о цѣлости своего платья. Мнѣ пришлось однажды везти двухъ таеихъ дамъ на пикникъ. То-то была потѣха!

Обѣ были разряжены въ пухъ: кружева, шелкъ, цвѣты, ленты, тонкія ботинки, свѣтлыя перчатки. Но одѣты для фотографіи, а не для катанья по рѣкѣ. Это были „лодочные костюмы“ на французскій ладъ. Нелѣпо было и соваться съ ними туда, гдѣ есть настоящая земля, воздухъ и вода.

Прежде всего имъ показалось, что лодка недостаточно чиста. Мы отерли для нихъ пыль со всѣхъ скамеекъ и увѣряли, что сидѣнья чистехоньки, но онѣ не вѣрили намъ. Одна изъ нихъ потерла скамью кончикомъ пальца, показала перчатку другой, затѣмъ обѣ вздохнули и усѣлись съ видомъ христіанскихъ мученицъ, старающихся комфортабельно помѣститься на костре. Во время гребли случается, что и брызнешь, а тутъ казалось, что капля воды погубить эти костюмы: останется пятно, котораго ничѣмъ не выведешь.

Я гребъ. Я дѣлалъ все, что могъ. Я останавливался при каждомъ взмахѣ, осторожно вынималъ

весла изъ воды и такъ же осторожно опускалъ ихъ снова. (Немного погодя, Боу замѣтилъ, что онъ слишкомъ плохой рулевой, чтобы править при моемъ способѣ гребли, и что онъ бросить руль и будетъ смотрѣть, какъ я гребу. Мой способъ заинтересовалъ его). Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю мою осторожность, брызги попадали иногда на платья нашихъ спутницъ.

Онѣ не жаловались, но плотнѣе прижимались другъ къ другу, стискивали зубы и при каждой бацлѣ вздрагивали всѣмъ тѣломъ. Онѣ страдали молча; это было очень благородно, но, тѣмъ не менѣе, крайне разстраивало меня. Я очень чувствителенъ. Я терялъ хладнокровіе, и чѣмъ осторожнѣе гребъ, тѣмъ сильнѣе брызгалъ.

Наконецъ, я бросилъ весла и сказалъ, что сяду къ рулю.

Боу тоже нашелъ, что такъ будетъ лучше. Дамы испустили невольный вздохъ облегченія, увидѣвъ, что я ухожу, и совсѣмъ было просіяли. Бѣдняжки, лучше бы имъ оставаться со мной. Человѣкъ, сѣвшій на мое мѣсто, былъ веселый, легкомысленный, крѣпиколобый парень, въ которомъ чувствительности не больше, чѣмъ въ нью-фаундлендскомъ щенкѣ. Вы можете цѣлый часъ метать на него молніеносные взгляды, а онъ и не замѣтитъ ихъ, да если и замѣтитъ, такъ нимало не смутится. Онъ молодецки взмахнулъ веслами и разомъ пустилъ въ лодку цѣлый фонтанъ, заставившій всѣхъ вскочить на ноги. Окотивъ нашихъ дамъ съ ногъ до головы, онъ любезно ухмыльнулся и сказалъ:

— Простите, я нечаянно,—и предложилъ имъ носовой платокъ отереться.

— О, это ничего, — пробормотали бѣдныя дѣвушки, закутываясь въ шали и пальто и закрываясь кружевными зонтиками.

За завтракомъ онѣ ужасно страдали. Компанія расположилась на травѣ, но трава была пыльная,

а пни, на которые имъ предложили усѣсться, казались нечищенными Богъ знаетъ сколько времени. И вотъ онѣ разостлали на землѣ носовые платки и усѣлись въ самыхъ неудобныхъ позахъ. Кто-то изъ насъ, державшій въ рукахъ тарелку съ паштетомъ, зацѣпился за сукъ и уронилъ паштетъ, и хотя на нихъ не попало ни крошки, но этотъ случай напугалъ ихъ до того, что потомъ онѣ съ ужасомъ смотрѣли на всякаго, кто поднимался съ какимъ-нибудь кускомъ въ рукахъ, и съ беспокойствомъ слѣдили за нимъ, пока онъ не усаживался снова.

— Ну-съ, барышни, — шуточно сказалъ Боу по окончаніи завтрака, — пожалуйста мыть посуду!

Сначала онѣ его не поняли. Потомъ, уразумѣвъ въ чемъ дѣло, выразили опасеніе, что не сумѣютъ мыть посуду.

— О, я вамъ покажу, — сказалъ онъ, — это очень просто. Вы лягте на... я хочу сказать, на берегъ и полощите посуду въ водѣ.

Старшая сестра замѣтила, что ихъ платья врядъ ли подойдутъ для такой работы.

— Пустяки, — отвѣчалъ онъ весело, — вы поднимите ихъ кверху.

И онъ заставилъ ихъ сдѣлать это. Онъ увѣрялъ, что въ этомъ вся прелесть поѣздки. Онѣ согласились, что это очень интересно.

Вспоминая объ этомъ, я спрашиваю себя, былъ ли этотъ молодой человекъ такимъ крѣпколобымъ, какъ мы думали, или онъ... нѣтъ, это невозможно, у него было такое простодушное, дѣтское выраженіе лица.

Гаррисъ сказалъ, что ему хочется сходить въ Гамтонскую церковь и посмотреть могилу мистриссъ Томасъ.

— Кто такая мистриссъ Томасъ? — спросилъ я.

— Почему я знаю? — отвѣчалъ онъ. — Это дама, погребенная въ очень красивой могилѣ, которую я хочу посмотреть.

Я сталъ спорить. Не знаю почему, но я терпѣть не могу могилъ. Я знаю, что, прїѣхавъ въ деревню или городъ, слѣдуетъ отправиться на кладбище и любоваться надгробными памятниками; но лично мнѣ это время препровожденіе вовсе не нравится. Не нахожу никакого удовольствія бродить вокругъ старой мрачной церкви въ сопровожденіи страдающаго одышкой сторожа и читать эпитафїи. Даже стертая мѣдная доска, вдѣланная въ камень, не доставляетъ мнѣ истиннаго счастья.

Моя невозмутимость передъ самыми трогательными надписями и равнодушїе къ мѣстнымъ семейнымъ преданїямъ смущаютъ почтенныхъ пономарей, а плохо скрываемое желанїе поскорѣе выбраться за ограду оскорбляетъ ихъ чувства.

Въ одно прекрасное солнечное утро я стоялъ, облокотившись на низенькую ограду деревенскаго кладбища, еурилъ и весь погрузился въ созерцанїе мирной сельской картины. Я смотрѣлъ на старую, обвитую плющомъ церковь съ рѣзными деревянными дверями, дорожку, вившуюся по скату холма среди высокихъ вязовъ, котѣджи съ соломенными кровлями, серебряную ленту рѣки въ долинѣ и лѣсистые холмы на горизонтѣ.

Прїятный былъ ландшафтъ. Поэтическій, идиллическій—онъ возвышалъ мнѣ душу. Я чувствовалъ себя добрымъ и благороднымъ. Я каялся въ своихъ грѣхахъ и хотѣлъ бы исправиться. Я мечталъ поселиться здѣсь и никогда больше не дѣлать ничего дурного, вести безупречную, чистую жизнь и превратиться въ почтеннаго старца съ серебрястыми сѣдинами, и все прочее.

Въ эту минуту я простилъ моимъ друзьямъ и знакомымъ всѣ ихъ прегрѣшенїя и испорченность и благословилъ ихъ. Они не навѣрное знали, что я благословилъ ихъ. Они продолжали итти своимъ грѣховнымъ путемъ, не вѣдая, что я сдѣлалъ для нихъ въ далекой, мирной деревнѣ. Но я сдѣлалъ

и хотѣлъ бы сказать имъ объ этомъ, такъ какъ желалъ видѣть ихъ счастливыми. Я погрузился въ эти благочестивыя, великодушныя мечты, какъ вдругъ чей-то рѣзкій, визгливый голосъ вывелъ меня изъ задумчивости.

— Иду, сэръ, иду, иду, иду! Не беспокойтесь, сэръ, не торопитесь!

Я оглянулся и увидѣлъ лысаго старикашку, ковылявшаго черезъ кладбище съ огромной связкой ключей, гремѣвшихъ и звенѣвшихъ на каждомъ шагу.

Съ безмолвнымъ достоинствомъ я махнулъ ему рукой, чтобы онъ убирался, но онъ бѣжалъ ко мнѣ и визжалъ безъ умолка:

— Иду, иду, иду, сэръ! Старость проклятая, сэръ! Не такъ я боекъ, какъ встарину. Сюда пожалуйте, сэръ!

— Убирайся, несчастный старикашка! — крикнулъ я.

— Я бѣжалъ изо всѣхъ силъ, сэръ! — возразилъ онъ. — Моя хозяйла только сейчасъ васъ увидѣла! Пожалуйте за мною, сэръ!

— Убирайся, пока цѣль! — повторилъ я.

Онъ, повидимому, изумился.

— Да развѣ вы не хотите посмотрѣть могилы?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — не хочу. Я хочу стоять здѣсь, прислонившись къ этой старой оградѣ. Убирайся, не разстраивай меня! Я исполненъ благихъ возвышенныхъ мыслей и хочу оставаться въ такомъ положеніи, потому что ово прекрасно и благородно. Оставь меня въ покоѣ со своими недѣльными могилами. Убирайся и найми кого-нибудь, чтобы похоронилъ тебя подешевле; я охотно заплачу половину издержекъ!

Съ минуту онъ стоялъ ошеломленный. Потомъ протеръ глаза и уставился на меня. Но съ виду я былъ человекъ, какъ человекъ.

— Да вѣдь вы пріѣзжій? — сказалъ онъ. — Вы не живете здѣсь?

— Нѣтъ. Если бы „я“ здѣсь жилъ, „ты“ бы не жилъ.

— Такъ какъ же?—сказалъ онъ.—Вамъ нужно посмотрѣть могилы, гробницы, тамъ вѣдь покойники, гробы!

— Врешь,—отвѣчалъ я,—не хочу смотрѣть могилы, ваши могилы. Зачѣмъ мнѣ ихъ смотрѣть? У меня есть свои, фамильные могилы. У моего дяди Поджера такая могила на Кензаль-Гринскомъ кладбищѣ, что ею гордится цѣлый округъ; въ склепѣ моего дѣдушки въ Гоу могутъ помѣститься восемь человѣкъ, у моей бабушки Сусанны на Финчлейскомъ кладбищѣ гробница обшита самымъ лучшимъ бѣлымъ камнемъ, да еще въ изголовьѣ вырѣзана какая-то фигура въ родѣ кофейника. Когда я захочу взглянуть на могилы, я туда и отправлюсь. Другихъ могилъ мнѣ не нужно! Когда тебя похоронятъ, я, такъ и быть, приду посмотрѣть; вотъ и все, что я могу сдѣлать.

Онъ расплакался. Онъ сказалъ, что на одной могилѣ есть обломокъ камня, который многіе считаютъ остаткомъ статуи, а на другой — стертая надпись, которую еще никто не могъ разобрать.

Но я оставался неумолимъ. Тогда онъ рѣшилъ выпустить свой послѣдній зарядъ. Онъ подошелъ ко мнѣ поближе и пробормоталъ хриплымъ шопотомъ:

— У меня есть пара череповъ въ склепѣ; пойдемте, посмотрите ихъ. О, пойдемте, посмотрите черепа! Вы молодой человѣкъ, вамъ нужно повеселиться. Пойдемте, посмотрите черепа!

Я бросился бѣжать, а онъ кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— О, пойдемте, посмотрите черепа! Вернитесь! Гarrisъ безъ ума отъ гробницъ, могилъ, эпитафій, и мысль пропустить, не осмотрѣвши, могилу мистриссъ Томасъ, выводила его изъ себя. Онъ сказалъ, что съ самаго начала, когда мы еще задумывали поѣздку, имѣлъ въ виду осмотрѣть могилу мистриссъ Томасъ, что онъ не поѣхалъ бы,

если бы не хотѣлъ осмотрѣть могилу мистриссъ Томасъ.

Я напомнилъ ему о Джорджѣ, котораго мы должны встрѣтить въ пять часовъ у Шеппертона, и онъ обрушился на Джорджа. Съ какой стати Джорджъ сидитъ безъ дѣла цѣлый день и заставляеть насъ тащить эту поганую тяжелую лодку? Почему бы ему тоже не работать? Почему онъ не взялъ отпуска и не поѣхалъ съ нами? Чортъ побери его банкъ! Да и на что онъ въ банкъ?

— Сколько разъ я ни приходилъ туда,—продолжалъ Гаррисъ,—я ни разу не видалъ его за работой. Онъ сидитъ за стекломъ и дѣлаетъ видъ, что занимается. Къ чему сажать человѣка за стекло? Какая отъ этого польза? Я зарабатываю свой хлѣбъ. Почему же онъ не можетъ работать? Какой прокъ отъ такого человѣка, да и отъ банковъ этихъ? Они забираютъ у васъ деньги, и когда вы написали чекъ, возвращаютъ его съ надписью „недѣйствителенъ“. На той недѣлѣ они два раза сыграли со мной такую штуку. Если бы Джорджъ былъ здѣсь, мы могли бы осмотрѣть могилу. Да я и не вѣрю, что онъ въ банкъ. Шляется гдѣ-нибудь, пока мы за него работаемъ. Я пойду куда-нибудь выпить.

Я ему замѣтилъ, что кругомъ на двѣ мили вѣтъ никакого трактира; тогда онъ сталъ бранить рѣку и спрашивать, какая польза отъ рѣки и стоитъ ли отправляться на рѣку, чтобы умирать отъ жажды.

Когда Гаррисъ расходится, его ничѣмъ не уймешь. Лучше дать ему выболтаться, тогда онъ успокоится.

Я напомнилъ ему, что у насъ въ корзинѣ есть экстрактъ для лимонада, а на носу бутылка воды, и что стоитъ только смѣшать ихъ, чтобы получить прохладительный и освѣжающій напитокъ.

Тогда онъ обрушился на лимонадъ и на всѣ подобныя „напитки для воскресныхъ школъ“, какъ онъ выразился, въ родѣ имбирнаго пива, морса и т. п.

Онъ сказалъ, что они производятъ разстройство желудка, разрушаютъ тѣло и душу и служатъ причиною половины преступленій, совершаемыхъ въ Англіи.

И прибавивъ, что, во всякомъ случаѣ, желаетъ выпить чего-нибудь, сталъ отыскивать бутылку. Она лежала на самомъ днѣ корзины, потому, разыскивая ее, онъ наклонялся все больше и больше, и продолжая въ то же время править рулемъ, направилъ лодку на мель, получилъ толчокъ и опрокинулся въ корзину, уткнувшись головой въ окороки и задралъ ногу кверху. Такъ онъ и стоялъ, не смѣя пошевелиться изъ боязни упасть въ воду, пока я не подоспѣлъ ему на помощь и не помогъ ему встать на ноги.

ГЛАВА VIII.

Рѣчные поборы.—Лучшій способъ отдѣлаться отъ нихъ.—Эгоизмъ береговыхъ владѣльцевъ.—Надписи.—Нехристіанскія чувства Гарриса.—Какъ Гаррисъ поетъ комическую арію.—Безсовѣстное поведение двухъ испорченныхъ молодыхъ людей.—Полезная справка.—Джорджъ покупаетъ балалайку.

Мы остановились въ тѣни Кемпрунскаго парка и позавтракали. Тутъ есть хорошенькое мѣстечко, — лужайка на берегу рѣки въ тѣни развѣсистыхъ ивъ. Только что мы принялись за третье блюдо — бутерброды съ ветчиной, — какъ явился какой-то малый въ кургузомъ пиджакѣ, съ коротенькой трубкой и освѣдомился, извѣстно ли намъ, что мы находимся на чужой землѣ. Мы отвѣчали, что недостаточно занимались этимъ вопросомъ, чтобы прійти къ опредѣленному заключенію, но если онъ ручается словомъ джентльмена, что мы дѣйствительно на чужой землѣ, то мы готовы повѣрить ему.

Онъ сказалъ, что ручается, и мы поблагодарили его; но онъ все-таки продолжалъ приставать къ намъ, и, повидимому, вовсе не былъ удовлетворенъ, такъ что мы, наконецъ, спросили, не нужно ли ему еще чего-нибудь, а Гаррисъ, человекъ вообще радушный, предложилъ ему бутербродъ съ ветчиной.

Должно быть, онъ принадлежалъ къ какому-нибудь обществу воздержанія отъ бутербродовъ съ ветчиной, потому что отказался отъ предложенія почти свирѣно, точно ему нанесли кровное оскорбленіе, и прибавилъ, что его обязанность выпроводить насъ отсюда.

Гаррисъ отвѣчалъ, что разъ это его обязанность, то она должна быть исполнена, и спросилъ, какими именно средствами думаетъ онъ привести ее въ исполненіе. Гаррисъ, что называется, здоровый дѣтина — рослый, плечистый, плотный, и потому незнакомецъ, смѣривъ его взглядомъ, объявилъ, что пойдетъ и скажетъ хозяину, а затѣмъ вернется и броситъ насъ обоихъ въ воду.

Разумѣется, мы больше не видали его, и, разумѣется, ему просто хотѣлось получить шиллингъ. Есть на берегахъ Темзы цѣлая группа людей, которые въ теченіе лѣта таскаются по берегамъ и затѣваютъ исторіи, съ цѣлью получить известную контрибуцію. Они выдають себя за посланныхъ отъ владѣльцевъ. Самое лучшее средство отдѣлаться отъ подобныхъ господъ — объявить свою фамилію и адресъ и предоставить хозяину привлечь васъ къ отвѣтственности и доказать передъ судомъ, что вы нанесли ущербъ его землѣ тѣмъ, что сидѣли на ней. Но большинство людей такъ лѣнливы и робки, что предпочитаютъ потакать мошенничеству вмѣсто того, чтобы положить ему конецъ, проявивъ немного твердости.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяева дѣйствительно повинны въ такомъ эгоизмѣ, ихъ слѣдовало бы выводить на чистую воду. Дѣйствительно, эгоизмъ

береговыхъ владѣльцевъ растеть съ каждымъ годомъ. Дай имъ волю, и они совсѣмъ закроютъ доступъ на рѣку Темзу. Съ небольшими притоками они такъ и дѣлаютъ, втыкая колья въ дно рѣки, протягивая цѣпи отъ мели до мели и вывѣсивая запрещенія на каждомъ деревѣ.

Видъ такихъ надписей приводитъ меня въ бѣшенство. Мнѣ бы хотѣлось сорвать доску съ надписью съ дерева и колотить ею хозяина по головѣ до тѣхъ поръ, пока не вышибу изъ него духъ, а затѣмъ похоронить его и укрѣпить доску на могилѣ вмѣсто надгробнаго памятника.

Я сообщилъ объ этомъ Гаррису, и тотъ объявилъ, что въ немъ подобныя надписи возбуждаютъ еще болѣе свирѣпныя чувства: онъ желалъ бы убить не только человѣка, повѣсившаго надпись, но и его семью, друзей и родственниковъ, а въ заключеніе сжечь его домъ. Мнѣ показалось, что онъ хватаетъ черезъ край, и я высказалъ ему это, но онъ возразилъ:

— Нисколько! Я готовъ истребить ихъ всѣхъ и пропѣть комическую арію надъ ихъ трупами.

Эти кровожадныя намѣренія рѣшительно смутили меня. Инстинктъ справедливости никогда не долженъ превращаться въ мстительность. Мнѣ хоть и пришлось потратить много краснорѣчія, но въ концѣ концовъ удалось обратить Гарриса въ болѣе человѣколюбивымъ взглядомъ: онъ общалъ мнѣ пощадить родственниковъ, друзей и семью и сказалъ, что не будетъ пѣть комической аріи надъ ихъ трупами.

Если бы вы хоть разъ слышали, какъ Гаррисъ поетъ комическую арію, вы поняли бы, какую услугу я оказалъ человѣчеству. Пунктъ помѣшательства Гарриса — убѣжденіе, что онъ умѣетъ пѣть комическія пѣсни, тогда какъ друзья его убѣждены въ томъ, что онъ этого не умѣетъ и никогда не сумѣетъ и что не слѣдуетъ ему позволять этого.

Если Гаррису случится быть въ компаніи и его просять пѣть, онъ отвѣчаетъ: „О, я, знаете, могу пѣть только комическія аріи“; но отвѣчаетъ такимъ тономъ, который заставляетъ предполагать, что эти-то аріи онъ исполняетъ божественно.

— О, прекрасно,— отвѣчаетъ хозяйка дома, — спойте, пожалуйста, мистеръ Гаррисъ.

Гаррисъ встаетъ и подходитъ къ фортепіано съ лучезарнымъ видомъ великодушнаго человѣка, готоваго осчастливить ближнихъ.

— Тихе, тихе, господа!—говоритъ хозяйка гостямъ.—Мистеръ Гаррисъ споетъ комическую арію.

— О, чудесно! — бормочать гости и передаютъ эту новость другъ другу, собираются со всего дома въ гостиную, садятся въ кружокъ и пріятно улыбаются въ ожиданіи.

И вотъ Гаррисъ начинается.

Для комической аріи не требуется большого голоса. Вы не ожидаете отъ пѣвца собенно правильной фразировки и вокализаціи. Вы не взыщете, если онъ оборвется на слишкомъ высокой нотѣ и закончить ее, поднявъ палецъ кверху. Вы не взыщете, если онъ отстанетъ или обгонитъ аккомпаниментъ и посреди пѣсни заспоритъ съ піанистомъ, а потомъ повторитъ стихъ съ начала. Но вы, во всякомъ случаѣ, рассчитываете услышать пѣсню.

Вы никакъ не ожидаете, что пѣвецъ помнитъ только три первыя строчки перваго куплета и будетъ повторять ихъ, пока не наступитъ очередь хора.

Вы никакъ не ожидаете, что пѣвецъ остановится на половинѣ стиха, ухмыльнется и скажетъ, что это ужасно досадно, но чортъ его побери, если онъ помнитъ, какъ дальше; а затѣмъ, пропустивъ часть пѣсни, вдругъ вспомнить и, не говоря дурного слова, вернется къ началу. Вы не ожидаете... Да лучше я приведу вамъ образчикъ Гаррисова пѣнія.

Гаррисъ (*стоя передъ роялемъ и обращаясь къ публикѣ*). Это, знаете, старинная вещица. Вамъ, знаете, она, вѣроятно, известна! Но я только ее и помню. Это пѣсня судьи изъ „Дѣтскаго Передника“... или нѣтъ, не изъ „Дѣтскаго Передника“... а изъ... знаете, изъ... Ну, словомъ, изъ другой оперы. Припѣвъ нужно пѣть хоромъ; вы всѣ должны принимать въ немъ участіе.

(Ропотъ одобренія и выраженіе безпокойства по поводу умѣнья пѣть въ хорѣ. Блестящее исполненіе прелюдія къ пѣсни судьи изъ „Тяжбы“ нервнымъ піанистомъ. Наступаетъ моментъ начать пѣніе. Гаррисъ не замѣчаетъ его. Нервный піанистъ начинаетъ снова прелюдію, въ то же время Гаррисъ начинаетъ пѣть арію лорда изъ „Дѣтскаго Передника“. Нервный піанистъ пытается аккомпанировать ему изъ „Тяжбы“, чувствуетъ, что ничего не выходитъ, пробуетъ сообразить, въ чемъ дѣло, теряетъ голову и останавливается).

Гаррисъ (*любезнымъ тономъ*). Ничего, ничего, продолжайте.

Нервный піанистъ. Я боюсь, что тутъ какое-то недоразумѣніе. Что такое вы пѣли?

Гаррисъ (*рѣзко*). Да пѣсню судьи изъ „Тяжбы“. Развѣ вы не знаете ея?

Одинъ изъ друзей Гарриса (*съ другого конца комнаты*). Да нѣтъ же, пустая голова, вы пѣли арію адмирала изъ „Дѣтскаго Передника“.

(Продолжительный споръ между Гаррисомъ и другомъ Гарриса о томъ, что именно Гаррисъ пѣлъ. Въ концѣ концовъ другъ замѣчаетъ, что въ сущности неважно, что именно будетъ пѣть Гаррисъ, лишь бы онъ пѣлъ. Гаррисъ проситъ піаниста начать снова. Піанистъ играетъ прелюдію къ аріи адмирала, а Гаррисъ, выждавъ удобный, по его мнѣнію, моментъ, затягиваетъ).

Гаррисъ. „Когда я былъ молодъ, я былъ адвокатомъ“.

(Общій взрывъ хохота, принимаемый Гаррисомъ за комплиментъ. Панистъ, вспомнивъ о своей женѣ и дѣтяхъ, отказывается отъ неравной борьбы и уходитъ; его мѣсто занимаетъ господинъ съ болѣе крѣпкими нервами).

Новый панистъ (*весело*). Ну, дружище, вы начинайте, а я буду слѣдовать за вами. Не стоитъ возиться съ прелюдіей.

Гаррисъ (*начиная понимать, въ чемъ дѣло, смѣясь*). Ей Богу, виноватъ. Конечно, я спуталъ двѣ пѣсни. Знаете, это Дженкинсъ сбиль меня съ толку. Начнемъ же.

(Поетъ; голосъ его исходитъ точно изъ погреба и кажется первымъ симптомомъ наступающаго землетрясенія).

„Когда я былъ молодъ, служилъ я въ конторѣ“.

(*Панисту*). Поживѣе, дружище; вы слишкомъ отстали, повторимъ еще разъ.

(Снова поетъ первую строчку, на этотъ разъ высокимъ фальцетомъ. Общее удивленіе со стороны слушателей. Нервическая старая барыня у камина раздражается слезами; ее уводятъ).

Гаррисъ (*продолжаетъ*):

„Я ползъ подметаль, подметаль я окошки“.

„Я“...

Нѣтъ, нѣтъ, я чистилъ окошки и натиралъ полъ... нѣтъ, не натиралъ, — подметаль... тьфу, сбился совсѣмъ. И я... я... ну, да лучше хватимъ припѣвъ (*поетъ*).

„Такъ онъ ползъ—ползъ—ползъ — ползъ — ползъ и до чина адмиральскаго допо-олзъ“.

Теперь хоръ—нужно повторить двѣ послѣднія строчки!

Общій хоръ:

„Такъ онъ ползъ—ползъ—ползъ — ползъ — ползъ и до чина адмиральскаго допо-олзъ“.

Гаррисъ совершенно не понималъ, что разыгрываетъ роль шута и надѣваетъ людямъ, которые не сдѣлали ему никакого вреда. Онъ искрен-

но воображаетъ, что доставилъ всѣмъ удовольствіе, и общаетъ снѣтъ еще пѣсенку послѣ ужина.

Начавъ разговоръ о комическихъ аріяхъ, я вспомнилъ одинъ довольно курьезный случай, который стоитъ рассказать здѣсь, такъ какъ онъ бросаетъ свѣтъ на внутреннюю сущность человѣческой природы.

Собралась очень приличная и образованная компанія. Всѣ мы были одѣты съ иголки, вели изящную бесѣду и чувствовали себя очень хорошо, — всѣ, исключая двухъ студентовъ, весьма обыкновенныхъ молодыхъ людей, которые только что вернулись изъ Германіи и, видимо, чувствовали себя не въ своей тарелкѣ. Дѣло въ томъ, что мы были слишкомъ умны для нихъ. Наша блестящая, но изысканная бесѣда и наши великосвѣтскіе тосты были имъ не по плечу. Вообще наша компанія была не для нихъ. Имъ не слѣдовало бы и соваться въ нее. Впослѣдствіи всѣ согласились съ этимъ.

Мы играли тогда ихъ изъ старыхъ германскихъ мастеровъ. Мы толковали о философіи и этикѣ. Мы ухаживали за барышнями съ игривымъ достоинствомъ. Мы даже отпускали остро-ты—въ самомъ изысканномъ тонѣ.

Послѣ ужина одинъ изъ насъ декламировалъ французскую поэму, и мы нашли ее восхитительной; затѣмъ одна изъ дамъ пропѣла испанскую балладу, при чемъ нѣкоторые изъ насъ прослезились,—такъ она была трогательна.

Тогда встали упомянутые двое молодыхъ людей и спросили, случалось ли намъ когда-нибудь слышать, какъ г-нъ Шлоссенъ-Бошенъ (онъ только что пріѣхалъ и находился внизу въ столовой) поетъ комическую нѣмецкую пѣсню.

Никому изъ насъ не приходилось этого слышать.

Молодые люди сказали, что это самая забавная пѣсня, какая только была сочинена когда-нибудь, и что они, если угодно, попросятъ г-на Шлоссена-

Бошена спѣтъ ее, такъ какъ хорошо съ нимъ знакомы. Они увѣряли, что пѣсня такъ забавна, что когда г-нъ Бошенъ спѣлъ ее передъ германскимъ императоромъ, то онъ (германскій императоръ) катался со смѣху.

Они прибавили, что г-нъ Бошенъ поетъ ее неподражаемо, съ такимъ мрачнымъ видомъ, точно читаетъ трагическій монологъ, и отъ этого она становится еще забавнѣе. Ни звукомъ, ни жестомъ не выдаетъ онъ комизма; это испортило бы впечатлѣнiе. Напротивъ, его серьезность, почти пафосъ, придаетъ ей неотразимую комичность.

Мы сказали, что рады послушать, что мы не прочь посмѣяться, и они отпразднелись внизъ за г-номъ Шлоссенъ-Бошеномъ.

Повидимому, тотъ согласился очень охотно, такъ какъ явился немедленно и усѣлся за фортепiано безъ всякихъ дальнѣйшихъ приглашенiй.

— О, это чертовски забавная вещь! Вы надорвете животики, — шептали молодые люди, обходя публику, и помѣстились въ самой безопасной позѣ за спиной профессора.

Г-нъ Шлоссенъ-Бошенъ самъ себя аккомпанировалъ. Прелюдiя вовсе не имѣла комическаго характера. Это была грустная, мрачная мелодiя. Отъ нея скорѣе мурашки бѣгали по тѣлу; но мы рѣшили, что это германская манера, и готовились повеселиться.

Я не понимаю нѣмецкаго языка. Обучался ему въ школѣ, но въ два года забылъ все, до послѣдняго словечка и никогда не раскаивался въ этомъ. Но я не хотѣлъ, чтобы другiе замѣтили мое невѣжество, и придумалъ довольно удачное средство для этого. Я внимательно слѣдилъ за студентами. Когда они улыбались, я тоже улыбался; когда они хохотали, я тоже хохоталъ, а по временамъ усмѣхался уже отъ себя, чтобы показывать, что одѣнниваю тонкости юмора, для другихъ недоступныя.

Мнѣ казалось, что это очень остроумная выдумка съ моей стороны.

Я замѣтилъ, однако, что большинство гостей тоже, какъ и я, смотрѣли на молодыхъ людей. Они тоже улыбались, когда тѣ улыбались, и хохотали, когда тѣ хохотали; а такъ какъ молодые люди улыбались и хохотали, и заливались смѣхомъ почти все время, то было очень весело.

Тѣмъ не менѣе, германскій профессоръ казался недовольнымъ. Когда мы въ первый разъ засмѣялись, лицо его выразило изумленіе, точно онъ никакъ не ожидалъ смѣха. Мы нашли это очень забавнымъ; мы знали, что комизмъ зависитъ главнымъ образомъ отъ серьезности исполненія. Дай онъ замѣтить хоть чѣмъ-нибудь, что находитъ арію смѣшной, пропалъ бы весь эффектъ. Итакъ, мы продолжали смѣяться, а его удивленіе мало-помалу превратилось въ негодованіе и раздраженіе; онъ сердито поглядывалъ на насъ (не на студентовъ, которыхъ не видѣлъ, такъ какъ они стояли за его спиной). Мы такъ и покатывались. Мы говорили другъ другу, что просто умремъ со смѣха. Пѣсня сама по себѣ потѣшна, а эта мрачная серьезность,—о, это слишкомъ!

При послѣдней строфѣ онъ самъ себя превзошелъ. Онъ метнулъ на насъ такой свирѣпый взглядъ, что если бы студенты не предупредили насъ о германской манерѣ пѣнія, мы бы просто струсили, и вложилъ столько тоски въ послѣднюю строфу, что мы расплакались бы, если бы не знали, что это комическая пѣсня.

Онъ кончилъ среди оглушительныхъ взрывовъ хохота. Мы божились, что въ жизнь свою не слышали ничего забавнѣе. Мы удивлялись, какъ это могутъ говорить, будто нѣмцы лишены юмора, когда у нихъ есть такія вещи. Мы спрашивали у профессора, отчего онъ не переведетъ пѣсню на англійскій языкъ, чтобы дать возможность людямъ, не знающимъ нѣмецкаго, послушать истинно комическую арію.

Тогда г-нъ Шлоссенъ-Бошенъ вскочилъ въ бѣшенствѣ. Онъ осыпалъ насъ ругательствами на нѣмецкомъ языкѣ (насколько могу судить, послѣдній какъ нельзя болѣе годится для этой цѣли), подпрыгивалъ, потрясалъ кулаками и выкрикивалъ намъ всѣ англійскія ругательства, какія только зналъ.

Онъ увѣрялъ, что ни разу въ жизни не былъ такъ оскорбленъ.

Оказалось, что это вовсе не комическая арія. Въ ней говорилось о дѣвушкѣ, которая жила въ Гарцкихъ горахъ и пожертвовала жизнью, чтобы спасти душу своего возлюбленнаго; и онъ умеръ и встрѣтился съ ея душой, а затѣмъ въ послѣдней строфѣ его душа обманула ея душу и улетѣла съ другой душой... кажется такъ, можетъ быть, я и ошибаюсь въ подробностяхъ... но, во всякомъ случаѣ, очень грустная исторія. Г-нъ Бошенъ пропѣлъ однажды эту арію передъ германскимъ императоромъ и онъ (германскій императоръ) плакалъ, какъ малое дитя. Онъ (г-нъ Бошенъ) утверждаетъ, что это самая мрачная, трагическая арія во всемъ нѣмецкомъ репертуарѣ.

Положеніе было затруднительное, истинно затруднительное. Что мы могли отвѣтить? Мы отыскивали взглядами молодыхъ людей, сыгравшихъ съ нами такую штуку, но они улизнули тотчасъ по окончаніи пѣсни.

Такъ кончился нашъ вечеръ. Мнѣ ни разу не приходилось видѣть, чтобы вечеръ кончался такъ безшумно, такъ смирно. Мы даже не простились другъ съ другомъ. Мы потихонько, одинъ за другимъ, спустились съ лѣстницы, стараясь дежаться въ тѣни; шопотомъ спрашивали у прислуги наши пальто и шляпы, сами отворяли дверь и, выскользнувъ изъ дома, спѣшили скрыться за угломъ, стараясь избѣгать другъ друга.

Съ тѣхъ поръ я потерялъ всякій интересъ къ нѣмецкимъ аріямъ.

Въ половинѣ четвертаго мы достигли шлюза Сенбери. Рѣка здѣсь очень живописна, а шлюзъ очарователенъ; только не пытайтесь пройти его на веслахъ противъ теченія.

Однажды я попытался сдѣлать это. Я гребъ, а двое парней сидѣли у руля, и я спросилъ у нихъ, удастся ли мнѣ справиться съ теченіемъ; а они отвѣчали, что навѣрно удастся, если я хорошенъко приналягу на весла.

Мы находились какъ разъ подъ небольшимъ пѣшеходнымъ мостомъ между двумя плотинами, когда они сказали это, и вотъ я наклонился надъ веслами и началъ грести.

Я гребъ великолѣпно. Я мѣрно взмахивалъ веслами. Я пустилъ въ дѣло руки, ноги, спину. Я работалъ быстро, ловко, изящно, очень стильно. Мои друзья, сидѣвшіе у руля, говорили, что на меня просто смотрѣть пріятно. Прошло минутъ пять; я думалъ, что мы уже близко къ концу, и оглянулся. Мы находились подъ мостомъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я началъ грести, и эти два идиота заливались самымъ нелѣпнымъ хохотомъ! Я зубами скрипѣлъ отъ злости, убѣдившись, что мы стоимъ на одномъ мѣстѣ. Съ тѣхъ поръ я предоставляю другимъ плавать противъ сильнаго теченія въ шлюзахъ.

Мы доплыли до Вальтона. Какъ и у большинства прибрежныхъ городовъ, только небольшой уголокъ его спускается къ рѣкѣ, такъ что съ лодки можно принять его за деревушку. Единственные два города между Лондономъ и Оксфордомъ, которые можно видѣть съ рѣки,—Виндзоръ и Абингдонъ. Всѣ остальные прячутся подалеже отъ берега и показываютъ вамъ развѣ одну улицу: я очень благодаренъ имъ за такую скромность, такъ какъ предпочитаю берега, одѣтые лѣсомъ или лугами.

Даже Ридингъ, дѣлающій все возможное, чтобы изгадить рѣку, настолько порядоченъ, что скрываетъ отъ вашего взора свое уродливое лицо.

Цезарь, навѣрное, что-нибудь устраивалъ въ Вальтонѣ: лагерь или укрѣпленіе, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Цезарь, кажется, не пропускалъ ни одной рѣки. Елизавета тоже. Отъ женщины никуда не уйдешь. Кромвель и Брадшо (не авторъ путеводителя, а главный совѣтникъ короля Карла) тоже побывали здѣсь. Вмеѣстѣ они бы составили хорошую команію.

Въ вальтонской церкви есть стальной „намордникъ для сварливыхъ“. Въ старыя времена такія штучки употреблялись для обузданія женскаго языка. Съ тѣхъ поръ этотъ обычай оставленъ. Должно быть, сталь вздорожала, другой же матеріалъ не годится: слишкомъ непроченъ.

Есть въ этой церкви и гробницы, и я-таки побаивался, что Гаррисъ вздумаетъ навѣстить ихъ, но онъ, повидимому, забылъ объ этомъ, и мы благополучно проѣхали мимо. За мостомъ рѣка ужасно бурлитъ. Это придаетъ ей живописный видъ, но раздражаетъ васъ съ точки зрѣнія веселья и руля и возбуждаетъ споры между гребцомъ и рулевымъ.

Далѣе вы проѣзжаете мимо Отлендскаго парка. Это знаменитое мѣсто. Генрихъ VIII отнялъ его у кого-то. Въ паркѣ есть гротъ, который вы можете осмотрѣть за небольшую плату и который считается весьма замѣчательнымъ, но я не видѣлъ въ немъ ничего особеннаго. Покойная герцогиня Горская, жившая въ Отлендѣ, страстно любила собакъ и держала ихъ въ огромномъ количествѣ. Она устроила для нихъ особое кладбище, гдѣ ихъ погребено около пятидесяти штукъ и надъ каждой лежитъ надгробная плита съ надписью.

Что же по-моему, онѣ достойны этого не меньше, чѣмъ большинство людей.

Немного выше вальтонскаго моста происходила борьба между Цезаремъ и Кассивеланомъ. Кассивеланъ, желая затруднить Цезарю переходъ, набилъ колья въ дно рѣки (и, навѣрно, при-

былъ къ нимъ надписи), но Цезарь тѣмъ не менѣе перешель рѣку.

Галифоръ и Шеппертопъ—два довольно живописныя мѣстечка, но ничего особеннаго собою не представляютъ. На шеппертонскомъ кладбищѣ есть могила съ плитой, на которой вырѣзана цѣлая поэма, и я ужасно боялся, что Гаррисъ вздумаетъ посѣтить ее. Я видѣлъ, что онъ бросаетъ жадные взгляды на пристань, и постарался отвлечь его вниманіе, сбивъ весломъ шляпу съ его головы. Стараясь поймать ее и негодуя на мою неловкость, онъ забылъ о любезныхъ ему могилахъ.

Подлѣ Уэйбриджа впадаютъ въ Темзу Уэй (маленькая красивая рѣчка, судоходная—для небольшихъ лодокъ—до Гильдфорда; одна изъ рѣкъ, которую я всегда мечталъ изслѣдовать и никогда не изслѣдовалъ), Бернъ и Басингтонскій каналъ. Шлюзъ находится противъ самаго города, и первое, что мы увидали, приближаясь къ нему, былъ жилетъ Джорджа, красовавшійся на плотинѣ; при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, чтои Джорджъ находится тутъ же, въ жилетѣ.

Монморанси залааялъ, я закричалъ, Гаррисъ загоготалъ; Джорджъ замахалъ шляпой и заоралъ. Сторожъ выскочилъ съ багромъ, очевидно, вообразивъ, что кто-нибудь упалъ въ воду, и, кажется, остался очень недоволенъ, убѣдившись, что все благополучно.

Джорджъ держалъ въ рукахъ какую-то странную штуку, обвернутую клеенкою. На одномъ концѣ она была круглая и плоская, съ длинной ручкой.

— Что это?—спросилъ Гаррисъ:—Сковорода?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Джорджъ съ страннымъ, дикимъ блескомъ въ глазахъ, — это нынче въ модѣ; всѣ на ней принялись играть. Это бала-лайка.

— Въ первый разъ слышу, что вы играете на бала-лайкѣ,—воскликнули Гаррисъ и я разомъ.

— Я собственно не играю,—отвѣчалъ Джорджъ,— но говорить, что это очень просто, и я захватилъ съ собой руководство.

ГЛАВА IX.

Джорджа усаживаютъ за работу.—Безбожные инстинкты бечевы.—Тѣ, кто тянетъ, и тѣ, кого тянуть.—Какой прокъ можно извлечь изъ влюбленныхъ.—Странное исчезновеніе почтенной леди. Исчезнувшій плюзь.—Музыка.—Спасены.

Теперь, когда Джорджъ былъ съ нами, мы усадили его за работу. Разумѣется, онъ вовсе не желалъ работать. По его словамъ, онъ сегодня много работалъ въ Сити. Но Гаррисъ, человѣкъ по натурѣ суровый и не склонный къ милосердію, сказалъ:

— Ну, а теперь вы будете работать на лодкѣ для разнообразія; разнообразіе полезно. Принимайтесь-ка!

Джорджъ не сталъ спорить—даже его совѣсть завила—хотя и замѣтилъ, что, можетъ быть, лучше бы ему заняться чаемъ, предоставивъ намъ лодку, такъ какъ приготовленіе чая вещь хлопотливая, а мы съ Гаррисомъ, повидимому, устали. Въмѣсто отвѣта мы бросили ему бечеву (мы тянули теперь лодку бечевой); онъ взялся за нее и сталъ тянуть лодку.

Въ этихъ бечевахъ есть что-то странное и необычайное. Вы свертываете веревку такъ терпѣливо и осторожно, точно у васъ въ рукахъ пара новыхъ брюкъ, а спустя пять минутъ поднимаете одинъ сплошной, чертовски запутанный узелъ.

Сохрани меня Богъ отъ клеветы, но я думаю, что если вы возьмете обыкновенную бечеву, протянете ее по полю, затѣмъ отвернетесь на десять секундъ, то, когда вы оглянетесь назадъ, она ока-

жется скомканной въ кучу посреди поля, вся въ узлахъ, въ петляхъ и съ неизвѣстно куда дѣвавшимися концами. И вамъ придется сидѣть надъ нею добрыхъ полчаса, распутывая узлы и ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ.

Таково мое мнѣніе о бечевахъ вообще. Не спорю, можетъ быть и найдутся почтенныя исключенія; я не стану утверждать, что ихъ нѣтъ. Весьма возможно, что есть бечевы, серьезно относящіяся къ своей профессіи — почтенныя, добросовѣстныя бечевы, которыя не воображаютъ себя тамбурнымъ вязаньемъ, готовымъ сплестись въ свѣтку, лишь только его предоставитъ самому себѣ. Я говорю, что такія бечевы „возможны“; я надѣюсь, что онѣ существуютъ; но я никогда не встрѣчался съ ними.

На этотъ разъ я самъ взялся за бечеву передъ тѣмъ, какъ мы вошли въ плюзку. Я не хотѣлъ предоставить ее Гаррису, потому что Гаррисъ неаккуратенъ. Я осторожно и тихонько свернулъ ее, перевязалъ посрединѣ, сложилъ вдвое и положилъ на дно лодки. Гаррисъ также осторожно поднялъ ее и передалъ Джорджу. Джорджъ взялъ ее твердою рукою и началъ развертывать такъ бережно, точно распеленывалъ новорожденнаго младенца; но не развернулъ и десяти ярдовъ, какъ уже бечева похотила на плохо сплетенный неводъ.

Вѣчно одна и та же исторія, и вѣчно она сопровождается одинаковыми послѣдствіями.

Тотъ, кому приходится развертывать бечеву, сваливаетъ всю вину на того, кто свернулъ ее, и громко выражаетъ свое неудовольствіе.

— Ну, что вы тамъ напутали? Не могли свернуть аккуратно, этакой остолопъ!—ворчитъ онъ, распутывая веревку, выходитъ изъ себя, швыряя бечеву о землю, и вертитъ ее туда и сюда, стараясь разыскать концы.

Съ другой стороны, сидящій въ лодкѣ воображаетъ, что во всемъ виноватъ тотъ, кто взялся распутывать бечеву.

— Она была аккуратно сложена!—воскликаетъ онъ въ негодованіи.—Что вы съ ней сдѣлали? Вы всегда напугаете! Вы бы и палку связали въ узлы, попадись она в амъ въ руки.

И оба злятся до того, что готовы удавить другъ друга этой самой веревкой. Проходитъ десять минутъ; человѣкъ, находящійся на берегу, приходитъ въ совершенное неистовство, бѣшено теребитъ веревку и старается распутать ее чѣмъ попало. Разумѣется, отъ этого она запутывается еще больше. Другой вылѣзаетъ изъ лодки, спѣшитъ къ нему на помощь, и вотъ они начинаютъ вдвоемъ теребитъ веревку и мѣшать другъ другу. Они оба хватаются за одинъ и тотъ же конецъ и тянутъ его въ разныя стороны. Наконецъ, когда имъ удастся распутать, они оглядываются и видятъ, что лодка уплыла Богъ знаетъ куда.

Я былъ свидѣтелемъ такого случая. Это происходило у Бовенай въ довольно пасмурное утро. Мы плыли по теченію и замѣтили на берегу двухъ людей. Они держали въ рукахъ длинную бечеву и смотрѣли другъ на друга съ выраженіемъ такой безпомощности и отчаянія, какого я еще не видывалъ на человѣческомъ лицѣ. Очевидно, что-то случилось съ ними. Мы поспѣшили выйти на берегъ и спросили, въ чемъ дѣло.

— Наша лодка уплыла!—отвѣчали они негодующимъ тономъ.—Мы только-что распутали бечеву, оглядываемся, а ея уже нѣтъ.

Ясно было, что они считали это возмутительнымъ и неблагогороднымъ поступкомъ со стороны лодки...

Мы отыскали лодку на полъ-мили ниже, застрявшую въ сучьяхъ, и привели обратно.

Я никогда не забуду фигуры этихъ двухъ господъ, бѣгающихъ взадъ и впередъ по берегу, съ длинной веревкой въ рукахъ, и отыскивающихъ свою лодку.

Вообще много забавныхъ происшествій на рѣкѣ связано съ бечевой. Одно изъ самыхъ обыкновен-

ныхъ — это двое людей, идущихъ по берегу и погруженныхъ въ оживленную бесѣду, тогда какъ на сто ярдовъ позади человекъ, сидящій въ лодкѣ, тщетно кричитъ имъ: „Стойте!“, отчаянно размахивая весломъ. Что-нибудь случилось: руль отскочилъ или багоръ свалился за бортъ, либо, наконецъ, онъ уронилъ въ рѣчку свою шляпу и ее уноситъ теченіемъ. Сначала онъ кричитъ имъ довольно благодушно и весело:

— Эй, постойте минутку! Я уронилъ въ воду шляпу!

Затѣмъ:—Эй, Томъ... Дикъ, не слышите вы, что ли?—на этотъ разъ уже не совсѣмъ любезнымъ тономъ.

Затѣмъ:—Эй, оглохли вы, черти! Да стойте же, идіоты такіе! Эй, стойте! О, чтобы васъ...

Тутъ онъ вскакиваетъ, бѣснуется, оретъ такъ, что лицо его наливается кровью, и ругается, какъ бѣшеный. Ребятишки на берегу останавливаются, дразнить его и швыряютъ въ него камешками, видя, что онъ не можетъ до нихъ добраться.

Всѣхъ этихъ неприятностей можно было бы избѣжать, если бы тѣ, кто тянетъ бечеву, помнили, что они тянутъ, и почаще оглядывались на своего товарища. Лучше всего тянуть одному.

Когда этимъ дѣломъ заняты двое, они увлекаются болтовней, а лодка представляетъ слишкомъ малую тяжесть для двоихъ, чтобы напоминать имъ о себѣ.

Однажды вечеромъ, уже послѣ нашей поѣздки, когда зашелъ разговоръ на эту тему, Джорджъ рассказалъ намъ весьма любопытный случай, въ подтвержденіе того, какъ неудобно двоимъ тянуть лодку.

Онъ и трое его пріятелей плыли однажды подъ вечеръ на тяжело нагруженной лодкѣ вверхъ по теченію изъ Майденгеда, и немного выше Кончемскихъ шлюзовъ увидѣли какого-то молодого человека съ дѣвушкой, которые шли вдоль бечев-

ника, и, повидимому, увлеклись интересной и поучительной бесѣдой. Они несли багоръ, а къ багру была привязана бечева, тянувшаяся за ними, при чемъ задній конецъ ея болтался въ водѣ. Лодки не было видно ни вблизи, ни вдали.

Несомнѣнно, лодка была когда-нибудь привязана къ этой бечевѣ; но что съ нею случилось, какая роковая участь постигла ее и тѣхъ, кто въ ней находился, все это оставалось тайной. Во всякомъ случаѣ, молодая леди и джентльменъ, тянувшіе лодку, повидимому, вовсе не интересовались ея судьбой. У нихъ былъ багоръ, была бечева, — и, очевидно, они считали, что этого съ нихъ достаточно.

Джорджъ хотѣлъ было окликнуть ихъ, но въ этотъ моментъ у него мелькнула блестящая мысль, и онъ остановился. Онъ поймалъ конецъ бечевы, сдѣлалъ на немъ петлю, закрѣпилъ ее на своей лодкѣ; затѣмъ всѣ четверо бросили весла, усѣлись поудобнѣе и закурили трубки.

И такимъ манеромъ молодой человѣкъ и его спутница тащили этихъ четырехъ кабановъ и тяжелую лодку до Марло.

По словамъ Джорджа, ему никогда еще не приходилось видѣть такой остервенѣлой злобы, какая мелькнула въ глазахъ молодыхъ людей, когда они убѣдились, что тащили чужую лодку на разстояніи двухъ миль. Джорджъ убѣжденъ, что если бы не смягчающее вліяніе нѣжной дѣвочки, молодой человѣкъ не посовѣстился бы прибѣгнуть къ самымъ сильнымъ выраженіямъ.

Дѣвушка первая опомнилась отъ изумленія, всплеснула руками и воскликнула отчаяннымъ голосомъ: „О, Генри, гдѣ же тетушка?“

— Что же, нашли они ее?—спросилъ Гаррисъ.

Джорджъ отвѣчалъ, что не знаетъ.

Другой примѣръ опасныхъ послѣдствій недостатка симпатіи между тѣмъ, кто тянетъ, и тѣмъ,

кого тянуть, видѣли мы съ Джорджомъ у Вальтона. Это случилось въ томъ мѣстѣ, гдѣ бечевникъ спускается въ воду почти незамѣтнымъ наклономъ. Мы сидѣли на противоположномъ берегу, предаваясь созерцанію. Вдругъ показалась небольшая лодка, влекомая сильной лошадыю, на которой возсѣдалъ крохотный мальчуганъ. Въ лодкѣ сидѣли, развалившись, въ лѣнивыхъ и мечтательныхъ позахъ, пятеро молодыхъ людей; тотъ, который правилъ рулемъ, казалось, совсѣмъ заснулъ.

— Хорошо, если бы онъ наткнулся на что-нибудь,—пробормоталъ Джорджъ, когда они проплыли мимо насъ.

И въ ту же минуту его пожеланіе исполнилось; лодка врѣзалась въ бечевникъ съ шумомъ, напоминавшимъ звукъ сорока тысячъ раздираемыхъ полотняныхъ простынь. Двое молодыхъ людей, корзина и три весла, помѣщавшіяся у лѣваго борта, моментально очутились на берегу, за ними послѣдовали двое сидѣвшихъ у праваго борта и поль-секунды спустя валялись среди багровъ, коробокъ и бутылокъ. Послѣдній отлетѣлъ на двадцать ярдовъ далѣе и всталъ на голову.

Повидимому, это значительно облегчило лодку; она пошла гораздо легче, и лошадь, на которую мальчуганъ кричалъ во все горло, помчалась вскачь. Молодые люди поднялись и нѣкоторое время сидѣли, выпучивъ глаза. Прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ они поняли, что такое случилось съ ними; но, уразумѣвъ, въ чемъ дѣло, они закричали мальчику, чтобы онъ остановился. Онъ, однако, былъ слишкомъ занятъ лошадыю, чтобы обратить вниманіе на ихъ крики, и они бѣжали за нимъ, пока не скрылся изъ вида.

Не могу сказать, чтобы я сожалѣлъ объ ихъ участи. Напротивъ, я желалъ бы, чтобы всѣ молодые люди, буесирующие свои лодки такимъ способомъ, подвергались подобнымъ же несчастіямъ. Они не только сами подвергаются риску, но подвергаютъ

опасности и неприятностямъ и встрѣчныя лодки. При такомъ благодушномъ способѣ плаванія невозможно избѣжать столкновенія съ другой лодкой, да и этой послѣдней невозможно уклониться отъ встрѣчи. Ихъ бечева задръваетъ за вашу мачту и опрокидываетъ васъ, или задръпитъ кого-нибудь изъ сидящихъ въ лодкѣ и либо выброситъ его въ воду, либо хлестнетъ по физиономіи.

Изъ всѣхъ приключеній, связанныхъ съ бечевой, самое занятное — плыть въ лодкѣ, буксируемой барышнями. Я всякому совѣтую испытать это. Требуется всегда три барышни: двѣ тянутъ бечеву, третья вертится вокругъ нихъ и болтаетъ. Онѣ начинаютъ съ того, что запутываются въ бечевѣ. Бечева обвертывается вокругъ ихъ ногъ, и вотъ онѣ садятся на землю и начинаютъ распутывать другъ дружку, а потомъ обматываютъ веревку вокругъ горла и чуть не давятся. Наконецъ, онѣ отпускаютъ бечеву и тянутъ лодку бѣгомъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Пробѣжавъ сотню ярдовъ, онѣ, конечно, задыхаются, разомъ останавливаются, садятся и начинаютъ болтать, а лодку относить на середину рѣки и начинатьъ вертѣть, прежде чѣмъ вы успѣте сообразить, въ чемъ дѣло.

— О, взгляните, — говорятъ онѣ, — какъ ее подхватило теченіемъ.

Затѣмъ онѣ усердно тянутъ ее нѣкоторое время, какъ вдругъ одна изъ нихъ вспоминаетъ, что ей нужно достать изъ лодки шаль; тогда всѣ оборачиваются, отпускаютъ бечеву, и лодка садится на мель.

Вы вскакиваете, сталкиваете ее и кричите имъ, чтобы не останавливались.

— Да въ чемъ дѣло? — отвѣчаютъ онѣ.

— Не останавливайтесь! — орете вы.

— Не... что?

— Не останавливайтесь... тяните... тяните!

-- Сходи, Эмилиа, узнай, что имъ тамъ нужно, —

говорить одна, и Эмилия бѣжитъ къ лодкѣ и спрашиваетъ:

— Что вы говорите? Что-нибудь случилось?

— Нѣтъ,—отвѣчаете вы,—все въ порядкѣ; только тяните, пожалуйста, не останавливаясь.

— Почему не останавливаться?

— Намъ трудно управлять лодкой, когда вы останавливаетесь. Нужно тянуть ее равномерно.

— Тянуть что?

— Тянуть лодку равномерно.

— А, хорошо, я скажу имъ. Вѣдь мы хорошо тянемъ?

— О, да, прекрасно, только не останавливайтесь!

— Это совсѣмъ не трудно. Я думаю, что это ужасно тяжелая работа.

— О, нѣтъ, это очень просто! Нужно только тянуть, не останавливаясь, ровно.

— Понимаю. Дайте мнѣ мою красную шаль, она подъ подушкой.

Вы отыскиваете и передаете шаль, а тѣмъ временемъ подбѣгаетъ другая, которой понадобилась ея шаль, а на всякій случай онѣ захватываютъ и третью для Мэри, но Мэри она не нужна, и вотъ онѣ приносятъ ее обратно и вмѣсто шали требуютъ гребенку. Въ этой вознѣ проходитъ минутъ двадцать, а за слѣдующимъ поворотомъ онѣ встрѣчаютъ корову, и вамъ приходится вылѣзть на берегъ и спасать ихъ отъ этого свирѣпаго животного.

Да, на лодкѣ не соскучишься, когда ее тянутъ барышни.

Въ концѣ концовъ Джорджъ справился съ бечевой и усердно тянулъ насъ до Пентонъ-Гука. Тутъ мы принялись обсуждать важный вопросъ о ночевкѣ. Мы рѣшили ночевать въ лодкѣ и остановиться либо у Пентона, либо проѣхать до Стэнса. Но останавливаться было рано, и потому мы рѣшили проплыть еще три съ половиною мили, къ Реннимеду, гдѣ берега покрыты лѣтомъ и гдѣ очень удобно ночевать.

Потомъ мы пожалѣли, что не остановились у Пентонъ - Гука. Три-четыре мили—сушіе пустыни утромъ, но довольно тяжелая работа въ концѣ долгаго дня. Всякій интересъ къ природѣ пропадаетъ. Шутка и болтовня не идутъ въ голову. Подмили кажутся двумя милями. Вы не хотите вѣрить, что подвинулись такъ мало впередъ, и седлоны думаютъ, что карта вретъ; а проѣхавъ десять миль, какъ вамъ кажется, и все еще не встрѣтивъ шлюза, начинаете ужъ серьезно опасаться, что кто-нибудь утащилъ его.

Мнѣ случилось однажды плыть въ лодкѣ съ молодой лэди — моей кузипой со стороны матери. Мы направлялись къ Горингу. Было довольно поздно, и намъ хотѣлось поскорѣе попасть домой; по крайней мѣрѣ, „ей“ этого хотѣлось. Въ половинѣ седьмого мы были у Бенсонскаго шлюза; тутъ поднялся туманъ, и моя спутница совсѣмъ разстроилась. Она сказала, что ей хочется ужинать. Я отвѣчалъ, что и самъ бы не прочь, и развернулъ карту, чтобы точно опредѣлить, много ли еще намъ осталось плыть. Оказалось, что до ближайшаго шлюза, Валлингфорда, полторы мили, а оттуда до Клива—пять.

— О, отлично,—сказалъ я.— Мы будемъ у ближайшаго шлюза ранѣе семи часовъ, а тамъ намъ останется только одинъ еще.—Съ этими словами я налегъ на весла.

Мы миновали мостъ, и немного погодя я спросилъ ее, видитъ ли она шлюзъ.

Она отвѣчала, что никакого шлюза не видитъ. Я сказалъ: „О!“ и продолжалъ грести. Минуть черезъ пять я повторилъ свой вопросъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,— не вижу никакихъ признаковъ шлюза.

— Вы... вы увѣрены, что замѣтите шлюзъ, если встрѣтите его,—спросилъ я нервнѣйшимъ тономъ, такъ какъ не хотѣлъ ее обидѣть.

Тѣмъ не менѣе она обидѣлась и сказала, что

если такъ, то лучше мнѣ самому посмотрѣть, и я положилъ весла и оглянулся. Рѣка простиралась передъ нами на милю впередъ, озаренная блѣднымъ свѣтомъ сумерекъ; никакихъ признаковъ шлюза не было замѣтно.

— Мы не могли сбиться съ дороги?—спросила моя спутница.

Я отвѣчалъ, что это довольно мудро, развѣ только мы свернули какъ-нибудь въ боковой притокъ.

Эта мысль вовсе не утѣшала ее, и она принялась плакать. Она сказала, что мы оба потонемъ и что это наказаніе за ея проступокъ, т.-е. за то, что она поѣхала со мной.

Мнѣ это наказаніе показалось слишкомъ жестокимъ. Но она не соглашалась со мною, и рѣшила, что мы вскорѣ погибнемъ.

Я попытался успокоить ее и выяснитъ положеніе. Я сказалъ, что, по всей вѣроятности, гребъ не такъ быстро, какъ мнѣ казалось, что мы во всякомъ случаѣ скоро увидимъ шлюзъ,—и принадлежъ на весла; такъ мы проплыли еще милю.

Тутъ я и самъ не на шутку встревожился. Я снова развернулъ карту.

Валлингфордскій шлюзъ былъ обозначенъ на ней совершенно ясно на полторы мили ниже Бенсонскаго. Карта была хорошая, четкая, при томъ же я помнилъ этотъ шлюзъ. Я дважды проплывалъ черезъ него. Гдѣ же онъ? Что такое случилось съ нами? Я начиналъ думать, что все это сонъ, что я лежу въ постели и вотъ-вотъ меня разбудятъ и скажутъ, что уже половина одиннадцатаго.

Я спросилъ кузину, не кажется ли ей, что все это сонъ; она отвѣтила, что хотѣла предложить мнѣ тотъ же вопросъ; и тутъ мы начали разсуждать, не спимъ ли мы оба, и если спимъ, то что же происходитъ въ дѣйствительности, и что во снѣ. Это становилось просто интереснымъ.

Какъ бы то ни было, я продолжалъ грести, а шлюза все не было видно, и рѣка становилась все мрачнѣе и таинственнѣе, а всѣ предметы принимали странный, необычайный видъ. Я вспомнилъ о водяныхъ и эльфахъ, о русалкахъ, которыя качаются на вѣтвяхъ и заманиваютъ путниковъ, и пожалѣлъ, что я такой грѣшный человекъ и знаю такъ мало молитвъ; вдругъ среди этихъ размышлений мой слухъ былъ пораженъ звуками гармоникъ, на которой кто-то прескверно игралъ,— и я понялъ, что мы спасены.

Я не поклонникъ гармоникъ, но какими божественно-прекрасными показались мнѣ эти звуки,— куда лучше игры Орфея на лирѣ Аполлона или чего-угодно въ этомъ родѣ. Божественная мелодія при нашемъ тогдашнемъ настроеніи только смутила бы насъ еще больше. Мы бы приняли ее за пѣніе духовъ и потеряли всякую надежду на спасеніе. Но звуки развеселой пѣсни, наигрываемой, спотыкаясь, на визгливой гармоникѣ, подѣйствовали на насъ самымъ ободряющимъ образомъ.

Вскорѣ эти сладкіе звуки приблизились, и лодка, откуда они исходили, поровнялась съ нашей.

Въ ней оказалась компанія поселянъ и поселенокъ, предпринявшихъ увеселительную поѣздку въ лунную ночь. (Луны, положимъ, не было, но это не ихъ вина.) Я въ свою жизнь не видѣлъ такихъ милыхъ и привлекательныхъ людей. Я крикнулъ имъ: „Какъ проѣхать къ Валлингфордскому шлюзу?“ и прибавилъ, что мы отыскиваемъ его уже добрыхъ два часа.

— Валлингфордскій шлюзъ!—повторили они.— Господи помилуй, сэръ, да онъ уничтоженъ съ годъ тому назадъ. Теперь уже нѣтъ Валлингфордскаго шлюза, сэръ. Сейчасъ будетъ Кливъ. Слышишь, Билль, джентльменъ отыскиваетъ Валлингфордскій шлюзъ.

Мнѣ и въ голову не приходило ничего подобнаго. Я хотѣлъ обнять и расцѣловать ихъ всѣхъ;

по теченіе было слишкомъ быстро, и я ограничился простыми словами благодарности.

Мы благодарили ихъ безъ конца, сказали, что сегодня прекрасная ночь, пожелали имъ веселой поѣздки, и помнится даже, я приглашалъ ихъ всѣхъ къ себѣ погостить на недѣлку, а моя кузина сказала, что ея матушка будетъ рада ихъ видѣть. Затѣмъ мы спѣли хоръ солдатъ изъ „Фауста“ и попали домой какъ разъ къ ужину.

ГЛАВА X.

Наша первая ночь. — Подъ покрывкой. — Волнъ о помощи. — Какъ преодолѣть упрямство чайника. — Ужинъ. — Какъ достигнуть добродѣтели. — Требуется необитаемый островъ со всѣми удобствами! Желательно въ Тихомъ океанѣ. — Забавное приключеніе съ отцомъ Джорджа. — Безсонная ночь.

Гаррисъ и я начинали думать, что Белль-Уэйрскій шлюзъ исчезъ такимъ же образомъ. Джоржъ тянулъ лодку до Стенса, а затѣмъ мы смѣнили его, и намъ показалось, что мы тащимъ грузъ въ пятьдесятъ тоннъ и прошли сорокъ миль. Въ половинѣ седьмого мы были уже на мѣстѣ, усѣлись въ лодку и направились на веслахъ вдоль лѣваго берега, высматривая мѣстечко, гдѣ бы высадиться.

Сначала мы хотѣли остановиться у острова Magna-Charta, гдѣ рѣка протекаетъ по красивой зеленой долинѣ и раздѣляется на живописные рукава и заводи. Но это было утромъ, а теперь, вечеромъ, у насъ совсѣмъ пропала охота къ живописнымъ ландшафтамъ. Мы вовсе не интересовались ландшафтами. Мы интересовались лишь ужиномъ и постелью.

Какъ бы то ни было, мы добрались до мѣста.— Оно называется „мѣстомъ пикниковъ“—и прича-

лили въ заливчикѣ, подѣ огромнымъ вязомъ, къ корнямъ котораго привязали лодку.

Мы было хотѣли приняться за ужинъ (отъ чая отказались, чтобы не терять времени), но Джорджъ протестовалъ. Онъ заявилъ, что намъ слѣдуетъ натянуть покрывку, пока не совсѣмъ стемнѣло. Потомъ, кончивъ работу, можно будетъ поужинать.

Оказалось, что натянуть покрывку гораздо затруднительнѣе, чѣмъ мы думали. Въ теоріи это казалось такъ просто. Вы берете пять стальныхъ прутьевъ, укрѣпляете ихъ надъ лодкой, натягиваете на нихъ парусину, прикрѣпляете ее къ бортамъ,—въ десять минутъ все готово.

Но мы обсчитались.

Мы взялись за прутья и принялись укрѣплять ихъ въ специально для того сдѣланныхъ углубленіяхъ. Намъ и въ голову не приходило, что это опасная работа; но теперь, вспоминая о ней, я удивляюсь, какъ могъ хоть одинъ изъ насъ остаться въ живыхъ. Это были не прутья, а черти. Во-первыхъ, они вовсе не хотѣли входить въ углубленія, и намъ пришлось втискивать ихъ и налегать на нихъ изо всей силы, и даже вколачивать ихъ багромъ; а когда удалось вколотить,—оказалось, что прутья вовсе не подходятъ къ углубленіямъ и выскакиваютъ вонъ.

Но выскакиваютъ именно въ ту минуту, когда мы перестаемъ съ ними возиться, и норовятъ зацѣпить насъ, выбросить въ воду и утопить. Крючками, которые имѣются у нихъ на серединѣ, они задѣваютъ насъ за самыя чувствительныя мѣста, а когда вы возитесь съ однимъ концомъ, другой выпрямляется и хлопаетъ васъ по лбу.

Наконецъ, мы кое-какъ справились съ ними и принялись натягивать парусину. Джорджъ развернулъ ее и прикрѣпилъ къ носу лодки. Гаррисъ стоялъ посерединѣ, чтобы принять парусину отъ Джорджа и передать мнѣ, а я стоялъ на кормѣ. Она не скоро дошла до меня. Джорджъ быстро

справился съ своей задачей, но для Гарриса это было незнакомое дѣло, и онъ запутался въ парусинѣ.

Какъ это случилось,—онъ и самъ не могъ разсказать; но такъ или иначе, онъ ухитрился, послѣ нечеловѣческаго напряженія, совершенно вернуться въ нее. Разумѣется, онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы выбраться на свободу—свобода прирожденное право всякаго британца—и при этомъ зацѣпилъ Джорджа; тотъ упалъ, и, проклиная Гарриса, тоже запутался въ парусинѣ.

Въ то время я не зналъ этихъ подробностей. Я совершенно не понималъ, въ чемъ дѣло. Я стоялъ честно, благородно на кормѣ и ждалъ, пока мнѣ не перебросятъ конецъ покрышки, а Монморанси стоялъ рядомъ со мной и тоже ждалъ. Мы оба видѣли, что парусина крутится, но думали, что такъ это и пужно, и не вмѣшивались.

Мы слышали глухіе голоса, раздававшіеся изъ-подъ покрышки, и по интонаціи ихъ заключали, что наши друзья недовольны своей работой, но это только заставляло насъ ждать, пока дѣло не выяснится.

Между тѣмъ дѣла, повидимому, шли все хуже и хуже. Внезапно изъ-подъ покрышки высунулась голова Джорджа и проговорила:

— Да помогите же намъ, чортъ васъ дери совѣмъ! Видить, что мы задыхаемся, и стоитъ, какъ чучело!..

Я никогда не остаюсь глухимъ къ просьбамъ о помощи. Итакъ, я поспѣшилъ къ нимъ и помогъ имъ освободиться—и во-время, потому что Гаррисъ совѣмъ почернѣлъ.

Провозившись еще съ полчаса, мы справились съ дѣломъ и принялись за ужинъ. Мы поставили чайникъ на спиртовую кухню на носу, а сами отошли на корму и занялись другими приготовлениями къ ужину.

Это единственный способ заставить чайникъ кипѣть на рѣвѣ. Если онъ замѣтитъ, что вы сидите надъ нимъ и ждете, онъ никогда не закипитъ. Вы можете сразу приниматься за ужинъ, точно у васъ вовсе нѣтъ чая. Вамъ лучше даже совсѣмъ не оглядываться на чайникъ. Тогда онъ скоро закипитъ, и вамъ останется только заварить чай.

Слѣдуетъ также—если вы торопитесь—громко говорить другъ другу, что вы не хотите чая, что вы вовсе не будете пить чай. Вы подходите ближе къ чайнику, чтобы онъ слышалъ ваши слова, и кричите: „Я не хочу чаю, а вы, Джорджъ?“, на что Джорджъ отвѣчаетъ вамъ такъ же громко: „О, я терпѣть не могу чай; онъ вреденъ для желудка; выпьемъ лучше лимонаду!“. Слушая это, чайникъ живо начинаетъ кипѣть.

Мы пустили въ ходъ эту безобидную хитрость, и въ результатъ все было готово въ свое время. Тогда мы зажгли фонарь и усѣлись ужинать.

Мы были голодны, какъ собаки.

Въ теченіе тридцати пяти минутъ тишина, царившая на рѣвѣ, оглашалась только стукомъ ножей и вилокъ да мѣрнымъ чавканьемъ четырехъ паръ челюстей. По истеченіи этого времени Гаррисъ сказалъ: „Ага!“, выпрямилъ лѣвую ногу и подогнулъ подъ себя правую.

Спустя пять минутъ, Джорджъ сказалъ „Ага!“ и выбросилъ свою тарелку на берегъ, а еще черезъ три минуты Монморанси проявилъ первые признаки довольства судьбой, повернулся на спину и заболталъ ногами, а затѣмъ и я сказалъ „Ага!“ и стукнулся головой о стальной обручъ, но не обратилъ на это вниманія,—даже не выбранился.

Какъ пріятно быть сытымъ, какъ ты доволенъ тогда самимъ собою и міромъ! Свѣдущіе люди утверждаютъ, что чистая совѣсть доставляетъ счастье и спокойствіе; но тотъ же результатъ можетъ быть достигнуть съ меньшими издержками

и усиліями при помощи полного желудка. Плотный, питательный ужинъ дѣлаеть человека такимъ кроткимъ, великодушнымъ, благороднымъ, снисходительнымъ.

Удивительная вещь эта зависимость нашего интеллекта отъ пищеварительныхъ органовъ. Мы не можемъ ни работать, ни думать безъ позволенія желудка. Онъ управляетъ нашими чувствами, нашими страстями. Послѣ яиць и ветчины онъ командуетъ: „Работай!“; послѣ бифштекса и портера: „Спи“; послѣ крѣпкаго чая (двѣ ложечки на чайникъ и кипятить не болѣе трехъ минутъ) онъ обращается къ вашему мозгу: „Ну-ка, покажи свою прыть! Будь глубокъ, нѣженъ, краснорѣчивъ; вникай въ природу и въ жизнь, разверни свои мощныя крылья и воспаря надъ суетнымъ міромъ въ безпредѣльныя сферы—къ пылающимъ звѣздамъ и вратамъ вѣчности!“; послѣ горячихъ гренковъ онъ говоритъ: „Не мысли, не чувствуй; уподобься безсловесному животному, безъ страха и надежды, безъ любви и мечты“. Накопецъ, послѣ водки, принятой внутрь въ достаточномъ количествѣ, онъ восклицаетъ:

— Теперь мели вздоръ, выкидывай нефныя штуки на потѣху товарищамъ, одурѣй, издавай нечленораздѣльные звуки заплетающимся языкомъ и покажи, что за жалкое созданіе человекъ, умъ и воля котораго потоплены въ стаканѣ спирта, точно котята въ лужѣ.

Мы—вѣрные, усердные рабы желудка. Не заботьтесь о добродѣтели, друзья мои: слѣдите лучше за желудкомъ и ухаживайте за нимъ усердно и тщательно. Тогда и добродѣтель, и душевное спокойствіе приложатся вамъ, и будете вы добрыми гражданами, любящими супругами, нѣжными отцами семейства—благочестивыми и добропорядочными людьми.

Передъ ужиномъ Гаррисъ, Джорджъ и я ссорились, злились и бранились; послѣ ужина мы

умильно взирали другъ на друга и любовались даже собакой. Мы любили другъ друга, мы любили всѣхъ и каждаго. Гаррисъ, вставая, наступилъ Джорджу на мозоль. Случись это передъ ужиномъ, Джорджъ разразился бы такими пожеланіями относительно участи Гарриса въ этомъ и будущемъ свѣтѣ, что мыслящему человѣку страшно бы сдѣлалось.

Теперь же онъ только сказалъ: „Осторожниѣе, старива!“

И Гаррисъ, вмѣсто того, чтобы пробурчать сердитымъ тономъ, что Джорджъ своими ногами не даетъ никому прохода, что такія длинныя ноги не могутъ помѣститься въ лодкѣ и что ему слѣдовало бы свѣсить ихъ за бортъ,—вмѣсто всего этого Гаррисъ отвѣчалъ: „О, виновать, дружище; надѣюсь, что я не сдѣлалъ вамъ больно?“

А Джорджъ сказалъ: „Ничего“, и прибавилъ, что это его вина; но Гаррисъ не соглашался и бралъ всю вину на себя.

Просто любо было ихъ слушать.

Мы закурили трубки и стали болтать.

Джорджъ выразилъ сожалѣніе, что мы не всегда ведемъ такой образъ жизни, какъ сейчасъ: вдали отъ міра съ его грѣхами и искушеніями, на лонѣ природы, тихо и мирно, занимаясь добрыми дѣлами. Я сказалъ, что это—мое давнишнее желаніе, и мы стали обсуждать вопросъ, какъ бы намъ поселиться гдѣ-нибудь на необитаемомъ островѣ или въ дѣвственномъ лѣсу.

Гаррисъ замѣтилъ, что необитаемые острова, насколько ему извѣстно, опасны своей сыростью, но Джорджъ отвѣчалъ, что это пустяки—стоитъ только ихъ хорошенько осушить.

По поводу путешествій Джорджъ вспомнилъ забавное приключеніе съ своимъ отцомъ. Отецъ его путешествовалъ по Валлису съ пріятелемъ; однажды они остановились на ночь въ маленькой гостиницѣ, встрѣтили тамъ еще нѣсколькихъ путеше-

твенникствъ, присселились къ нимъ и провели мѣстѣ вечеръ.

Вечеръ скоротали оживленно, засидѣлись позвѣно, и когда разошлись спать, отецъ Джорджа (въ то время онъ былъ еще очень молодъ) и его товарищъ были очень веселы. Ихъ (отца Джорджа и друга отца Джорджа) помѣстили въ одной комнатѣ съ двумя кроватями. Они взяли свѣчу и отправились. Когда они вошли въ комнату, свѣча упала и погасла, такъ что имъ пришлось раздѣваться въ темнотѣ. Они такъ и сдѣлали, но вмѣсто того, чтобы улечься на разныхъ кроватяхъ, забрались въ одну: одинъ—къ изголовью, другой—къ ногамъ.

Съ минуту царило молчаніе, затѣмъ отецъ Джорджа окликнулъ своего пріятеля:

— Джо!

— Что скажешь, Томъ?—отвѣчалъ Джо съ другого конца кровати.

— Кто-то забрался въ мою кровать, — сказалъ отецъ Джорджа, — тутъ на подушкѣ чьи-то ноги.

— Это удивительно, — отвѣчалъ Джо, — но представь себѣ, въ мою кровать тоже кто-то забрался.

— Что же ты намѣренъ предпринять?—спросилъ отецъ Джорджа.

— Я выброшу его съ кровати, — отвѣчалъ Джо.

— Я тоже, — храбро подхватилъ отецъ Джорджа.

Послѣдовала непродолжительная борьба, затѣмъ два тѣла тяжело шлепнулись на полъ, и чей-то голосъ спросилъ жалобнымъ тономъ:

— Томъ, а Томъ?

— Эй!

— Какъ дѣла?

— Представь себѣ, мой сосѣдъ сбросилъ меня на полъ.

— И мой тоже. Что за пакостная гостиница!

— Какъ называется эта гостиница?—спросилъ Гаррисъ.

— Гостиница „Пьянаго Поросенка“, — отвѣчалъ Джорджъ.

— А что?

— Ну, такъ это не та, — сказалъ Гаррисъ.

— Что вы хотите сказать? — допытывался Джорджъ.

— Странное дѣло, — пробормоталъ Гаррисъ, — совершенно такая же исторія случилась съ м о и м ъ отцомъ, тоже въ какой-то сельской гостиницѣ. Онъ часто рассказывалъ объ этомъ. Я думалъ, что это та же самая гостиница.

Мы улеглись спать въ десять часовъ, и я рассчитывалъ мигомъ заснуть послѣ утомительной работы; однако жъ, не заснулъ. Обыкновенно я раздѣваюсь, кладу голову на подушку, и просыпаюсь на другое утро, когда ко мнѣ постучать въ дверь и скажутъ, что уже половина восьмого. Но на этотъ разъ вышло иначе. Новизна обстановки, неудобная поза (я положилъ голову на одно сидѣнье, а ноги засунулъ подъ другое), журчаніе воды и шумъ вѣтра, — все это развлекало и беспокоило меня.

Наконецъ, я заснулъ, но проспалъ недолго, такъ какъ что-то жесткое воткнулось мнѣ въ спину. Мнѣ снилось, будто я проглотилъ соверень, и вотъ мнѣ сверлять буравомъ спину, чтобы вытащить его. Это было очень непріятно, и я сказалъ, что оставлю у себя монету и возвращу ее въ концѣ мѣсяца. Но мнѣ отвѣчали, что лучше достать ее сейчасъ же, потому что иначе на нее наростутъ проценты. Я разсердился и сталъ браниться, и тогда буравъ повернули такъ свирѣпо, что я проснулся отъ боли.

Въ одежѣ было душно, и голова у меня болѣла, такъ что я рѣшился выбраться на свѣжій воздухъ. Я напялилъ на себя, что попалось подъ руку, — кое-что изъ своей одежды, кое-что Джорджа и Гарриса — и выбрался изъ-подъ парусины на берегъ.

Ночь была чудная. Луна зашла, и земля осталась наединѣ съ звѣздами. Казалось, она бесѣдуетъ съ ними, своими сестрами, пока дѣти ея спятъ, бесѣдуетъ о великихъ тайнахъ на языкѣ, недоступномъ для человѣческаго слуха.

Насъ пугаютъ эти странныя, холодныя, свѣтлыя звѣзды. Мы точно дѣти, забравшіяся въ величавый храмъ, гдѣ обитаетъ божество, о которомъ они знаютъ, но которому не умѣютъ молиться. И стоя подъ высокими сводами, прислушиваясь къ отзвукамъ эхо, они томятся не то ожиданіемъ, не то страхомъ, что вотъ-вотъ явится какой-нибудь ужасный призракъ.

А между тѣмъ, ночь исполнена такого могущества и спокойствія. Въ ея присутствіи наши маленькія горести стыдливо прячутся. День былъ полонъ заботъ и суеты, и наши сердца были полны горечи и злобы, и міръ казался намъ такимъ жестокимъ и несправедливымъ. Но вотъ является ночь, и, подобно любящей матери, тихонько кладетъ руку на наши разгоряченныя головы, поворачиваетъ къ себѣ наши заплаканныя лица и улыбается намъ. И хотя она молчитъ, но мы чувствуемъ, что она готова прижать насъ къ своей груди, и наша скорбь утихаетъ.

Иногда наше горе такъ серьезно и глубоко, что мы перевозимъ его молча, не находя словъ для жалобы. Сердце ночи исполнено жалости; она не можетъ утолить нашей скорби, и беретъ насъ за руку и уноситъ на своихъ темныхъ крыльяхъ далеко отъ этого жалкаго міра. И хоть на мгновение мы ощущаемъ присутствіе Того, Кто могущественнѣе самой ночи, въ чьемъ присутствіи жизнь озаряется дивнымъ свѣтомъ и лежитъ передъ нами, какъ развернутая книга, и мы узнаемъ тогда, что Страданіе и Горе только ангелы Божіи.

Только тотъ, кто изнемогаетъ подъ игомъ скорби, могъ видѣть этотъ дивный свѣтъ; но рассказать о немъ онъ не можетъ.

Однажды въ дикой, угрюмой мѣстности ѣхало нѣсколько рыцарей и путь ихъ лежалъ черезъ темный лѣсъ, гдѣ колючіе кустарники сиделись въ густую сѣть и рвали тѣло того, кто сбивался съ тропинки. Листья и вѣтви были такъ густы, что ни единый лучъ не проникалъ сквозъ нихъ.

Одинъ изъ рыцарей отбился отъ товарищей и уже не вернулся къ нимъ, такъ что они оплакивали его, какъ мертваго.

Наконецъ, они добрались до прекраснаго замка, который и былъ цѣлью ихъ пути, и провели въ немъ много дней въ весельи и радости. Однажды вечеромъ, когда они сидѣли въ залѣ вокругъ камина и коротали время за бутылкой, явился тотъ товарищъ, котораго они считали погибшимъ. Платье его было въ лохмотьямъ, тѣло покрыто ранами, но лицо свѣтилось глубокой радостью.

Они окружили его и стали спрашивать; и онъ разсказалъ имъ, какъ заблудился въ лѣсу, какъ странствовалъ много дней и ночей и, наконецъ, изнемогая отъ усталости, истекая кровью, бросился на землю и рѣшилъ ждать смерти.

Въ эту тяжелую минуту передъ нимъ явилась прекрасная дѣвушка, взяла его за руку и повела по извиистой тропинкѣ, невѣдомой никому изъ друзей. Вскорѣ тьма озарилась свѣтомъ, въ сравненіи съ которымъ день показался бы мерцающимъ лампады, и передъ измученнымъ странникомъ предстало видѣніе, такое лучезарное, такое прекрасное, что рыцарь забылъ о своихъ ранахъ и стоялъ, какъ очарованный, какъ ясновидящій, чья радость глубока, какъ море, котораго никто не можетъ измѣрить.

ГЛАВА XI.

Какъ Джорджу разъ въ жизни случилось встать рано.—Джорджъ, Гаррисъ и Монморанси не любятъ холодной воды.—Героизмъ и рѣшимость Джорджа; Джорджъ и его рубашка: исторія съ нравоученіемъ.—Гаррисъ и его стряпня.—Историческая справка для пользованія въ школахъ.

Я проснулся въ шесть часовъ утра и убѣдился, что Джорджъ тоже проснулся. Мы повернулись на другой бокъ и попытались снова заснуть; но не могли. Намъ слѣдовало спать до десяти часовъ, и не было никакого смысла вставать раньше; однако, мы оба почувствовали, что рѣшительно не въ силахъ пролежать еще хоть пять минутъ.

Джорджъ разсказалъ, что нѣчто подобное, только еще худшее, случилось съ нимъ года полтора тому назадъ, когда онъ нанималъ комнату у нѣкой мистриссъ Джиппингсъ. Однажды вечеромъ часы его остановились на половинѣ девятаго. Онъ не замѣтилъ этого, потому что забылъ завести ихъ передъ сномъ, и повѣсилъ надъ изголовьемъ кровати, даже не взглянувъ на нихъ.

Происходило это зимою, когда дни были короткіе и стоялъ сильный туманъ, такъ что, проснувшись въ темнотѣ, Джорджъ не могъ поэтому рѣшить, поздно теперь или рано.

Онъ приподнялся и посмотрѣлъ на часы. Было половина девятаго.

— Ангелы Божіи,—воскликнулъ онъ,—а мнѣ вѣдь нужно въ Сити къ девяти часамъ. Отчего это никто не разбудилъ меня? Чортъ знаетъ, что такое!

Онъ бросилъ часы на кровать, вскочилъ, принялъ холодный душъ, умылся, одѣлся, побрился съ холодной водой, такъ какъ некогда было ее грѣть, затѣмъ снова схватилъ часы.

Потому ли, что онъ встряхнулъ ихъ или по другой какой-нибудь причинѣ, только они пошли и теперь показывали тридцать пять минутъ девятаго.

Джорджъ поскорѣ схватилъ ихъ и побѣждалъ внизъ. Въ гостиной было темно и пусто, ни огня не зажжено, ни завтрака не приготовлено. Джорджъ заключилъ, что это положительно свинство со стороны мистриссъ Джиппингсъ, и рѣшилъ сказать ей объ этомъ вечеромъ, когда вернется со службы. Затѣмъ онъ накинулъ пальто, нахлобучилъ шляпу, схватилъ зонтикъ и устремился къ парадной двери. Дверь была заперта и замкнута. Джорджъ выругалъ мистриссъ Джиппингсъ лѣнливой старой дурындой, отодвинулъ задвижки, отомкнулъ дверь и выбѣжалъ на улицу.

Онъ летѣлъ со всѣхъ ногъ и сначала не обращалъ вниманія на окружающее; но вскорѣ ему показалось, что улица выглядитъ какъ-то странно: народа почти нѣтъ, всѣ лавки заперты. Положимъ, утро было темное и туманное, но развѣ это причина для того, чтобы прекращать всѣ дѣла. Онъ - то вѣдь идетъ на службу, съ какой же стати другіе валяются въ постеляхъ изъ-за такого пустяка, какъ туманъ и темнота?

Наконецъ, онъ достигъ Гольборна. Ни признака жизни, ни единой ставни не открыто! На площади онъ замѣтилъ трехъ человекъ, въ томъ числѣ полисмѣна, телѣжку съ капустой и извозчичью карету, имѣвшую такой видъ, будто ее бомбардировали камнями. Джорджъ досталъ часы и посмотрѣлъ, безъ пяти минутъ девять! Онъ остановился, пощупалъ себѣ пульсъ, ущипнулъ себя за ногу. Потомъ, съ часами въ рукахъ обратился къ полисмѣну и спросилъ, который часъ.

— Который часъ?—повторилъ полисмѣнъ, окидывая Джорджа подозрительнымъ взглядомъ.—Да вотъ прислушайтесь.

Джорджъ прислушался, гдѣ-то поблизости часы пробили три.

— Да они пробили только три,—сказалъ Джорджъ обиженнымъ тономъ.

— Ну, а сколько же, по-вашему, они должны были пробить?—возразилъ полицмэнъ.

— По-моему, девять,—отвѣчалъ Джорджъ.

— Вы знаете, гдѣ вы живете?—спросилъ хранитель общественнаго спокойствія суровымъ тономъ.

Джорджъ зналъ и сказалъ свой адресъ.

— А, вотъ гдѣ? — отвѣчалъ полицмэнъ. — Ну, такъ вотъ, что я вамъ посоветую: ступайте вы домой, да возьмите съ собой ваши часы и оставьте ихъ въ покоѣ.

И Джорджъ пошелъ домой, размышляя объ этомъ странномъ происшествіи.

Хотѣлъ было онъ раздѣться и лечь въ постель, да какъ подумалъ, что придется снова одѣваться, мыться, брать новый душъ, всякая охота ложиться пропала, онъ рѣшилъ вздремнуть до утра въ креслѣ.

Однако, ему не спалось; никогда еще въ жизни не былъ онъ въ такомъ бодромъ настроеніи. Тогда онъ досталъ шахматную доску и сыгралъ самъ съ собою въ шахматы. Но и это не развлекло его; время тянулось убійственно медленно. Тогда онъ взялся за книгу, но не могъ заинтересоваться чтеніемъ, и, наконецъ, надѣлъ пальто и пошелъ гулять.

Городъ выглядѣлъ ужасно мрачно, полицмэны подозрительно осматривали Джорджа, направляя на него свои фонарики, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ началъ думать, ужъ не совершилъ ли онъ и впрямь какого-нибудь преступленія, и сталъ прятаться въ ворота и подъѣзды всякій разъ, когда приближался обходъ.

Разумѣется, это только усилило подозрѣнія, и вотъ его окружили и спросили, что онъ тутъ дѣлаетъ. Онъ отвѣтилъ „ничего“, объяснилъ, что ему просто вздумалось погулять (было около че-

тырехъ часовъ утра), но къ этому объясненію отнеслись съ явнымъ недовѣріемъ и два рослыхъ констэбля взялись проводить его до дома, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли онъ живетъ тамъ, гдѣ сказалъ. Они видѣли, какъ онъ досталъ ключъ и отперъ дверь, но помѣстились на другой сторонѣ улицы и остались наблюдать за домомъ.

Чтобы убить время, онъ рѣшилъ развести огонь и приготовить завтракъ, но долженъ былъ оставить эту затѣю. Онъ то и дѣло ронялъ то вилку, то ложечку, натыкался на стулья и всякій разъ замиралъ отъ страха, думая, что вотъ-вотъ мистриссъ Джиппингсъ проснется, вообразить, что вломилась разбойница, отворить окно и закричить карауль, и констэбли прибѣгутъ на крикъ, свяжутъ его и отведутъ въ полицію.

Ему уже мерещились залъ суда, допросъ, присяжные, и что онъ объясняетъ, какъ было дѣло; но судьи не вѣрятъ, приговариваютъ его къ двадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, и его матушка умираетъ съ горя. Итакъ, онъ оставилъ мысль о завтракѣ, завернулся въ пальто, усѣлся въ кресло и просидѣлъ до половины восьмого, когда мистриссъ Джиппингсъ сошла, наконецъ, внизъ.

Съ тѣхъ поръ онъ уже никогда не вставалъ слишкомъ рано; это происшествіе послужило ему урокомъ.

Когда Джорджъ кончилъ эту исторію, я взялъ весло и принялся будить Гарриса. На третьемъ толчкѣ онъ проснулся, повернулся на другой бокъ, сказалъ, что сейчасъ сойдетъ въ гостиную, и просилъ подать ему штилеты. Впрочемъ, мы живо привели его въ сознаніе багромъ, и онъ вскочилъ, какъ встрепанный, сбросивъ на дно лодки Монморанси, почивавшаго сномъ праведника на его груди.

Затѣмъ мы отдернули парусину, высунули головы, поглядѣли на воду и почувствовали невольную дрожь. Первоначальный планъ былъ таковъ:

утромъ, проснувшись, мы раздѣваемся, отдергиваемъ парусину, бросаемся съ веселымъ крикомъ въ воду и наслаждаемся купаньемъ. Теперь же это удовольствіе вовсе не казалось такимъ соблазнительнымъ. Вода выглядѣла такой сырой и студеной, да къ тому же дулъ холодный вѣтеръ.

— Ну, кто первый? — спросилъ, наконецъ, Гаррисъ.

Повидимому, никто не собирался показать примѣръ. Джорджъ ограничился тѣмъ, что присѣлъ на скамейку и сталъ надѣвать носки; Монморанси забылъ, какъ-будто самая мысль о купаньи причиняла ему нестерпимыя страданія, а Гаррисъ, замѣтивъ, что трудно будетъ вылѣзть изъ воды въ лодку, принялся натягивать брюки...

Я не послѣдовалъ ихъ примѣру, хотя мнѣ все не хотѣлось нырять. Я боялся наткнуться на затонувшій сукъ или запутаться въ водяныхъ растеніяхъ. Поэтому я придумалъ компромиссъ: выйти на берегъ и обливаться, зачерпывая воду горстями. Итакъ, я взялъ полотенце, вылѣзъ изъ лодки и помѣстился на вѣткѣ, выдававшейся надъ водой.

Холодъ былъ злющій. Вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ, что не стану обливаться, а лучше вернусь въ лодку и одѣнусь. Но въ эту минуту проклятая вѣтка выскользнула изъ-подъ моихъ ногъ, и я вмѣстѣ съ полотенцемъ шлепнулся въ воду и очутился на срединѣ рѣки, хлебнувъ добрый галлонъ воды, прежде чѣмъ сообразилъ, что случилось.

— Смотри-ка, ты, старый Джеромъ полѣзъ въ воду, — услышалъ я голосъ Гарриса, вынырнувъ на поверхность. — Не думалъ я, что у него хватить духа.

— Хорошо купаться? — крикнулъ Джорджъ.

— Отлично, — отвѣчалъ я. — Вы глупо сдѣлали что не захотѣли купаться. Полѣзайте-ка! Право, чудесно! Нужно только немножко рѣшимости.

Но мнѣ не удалось убѣдить ихъ.

Презабавная вещь случилась, когда я одѣвался. Я промерзъ, какъ собака, и, торопясь надѣть рубашку, уронилъ ее въ воду. Это страшно разозлило меня, особенно когда Джорджъ расхохотался. Я сказалъ, что нахожу его смѣхъ нелѣпнымъ, но онъ только пуще развеселился. Я, наконецъ, вышелъ изъ себя и назвалъ его безмозглымъ болваномъ и жалкимъ идиотомъ, но это только поддало ему жару. И вдругъ, доставая изъ воды рубашку, я увидѣлъ, что это вовсе не моя рубашка, а Джорджа, что я второпяхъ принялъ ее за свою. Мнѣ показалось это крайне забавнымъ, и тутъ ужъ я началъ смѣяться. И чѣмъ больше я смотрѣлъ на рубашку и Джорджа, катавшагося со смѣха, тѣмъ сильнѣе это меня забавляло, и я хотѣлъ до того, что снова уронилъ рубашку въ воду.

— Вытащите же ее!—проговорилъ Джорджъ, продолжая хохотать, какъ сумасшедшій.

Я не сразу могъ отвѣтить ему, но, наконецъ, кое-какъ пролепеталъ, задыхаясь отъ смѣха:

— Да вѣдь это не моя рубашка; это вапа.

Въ жизнь свою не видалъ, чтобы человѣкъ такъ быстро переходилъ отъ веселья къ бѣшенству.

— Какъ!—заоралъ онъ, вскакивая.—Чучело безмозглое! Да развѣ вы не могли быть осторожнѣе? Почему вы не вышли одѣваться на берегъ? Очень нужно было лѣзть въ лодку.

Я пытался уяснить ему комическую сторону этого происшествія, но онъ слушать не хотѣлъ. Джорджъ бываетъ иногда очень тугъ на собраніе.

Гаррисъ предложилъ на завтракъ яичницу и взялся приготовить ее. Повидимому, онъ былъ мастеръ готовить яичницу и не разъ пускалъ въ ходъ свое искусство на пикникахъ и поѣздкахъ. Онъ прославился этимъ. Изъ его словъ можно было заключить, что люди, попробовавшіе яични-

цы его приготовленія, навсегда отказывались отъ всякой другой пищи и, если не могли достать этого блюда, то чахли и умирали съ голода.

У насъ просто слюньки текли отъ одного его рассказа; мы поскорѣе достали спиртовую кухню, сковородку, всѣ яйца, которыя не были раздавлены, и просили его живѣе приняться за стряпню.

Видимо, его нѣсколько затруднялъ процессъ разбиванія яицъ, т.-е. разбить-то, собственно, было легко, но затруднительно было выпустить ихъ на сковородку, а не на собственные штаны или въ рукава. Однако, въ концѣ концовъ онъ выпустилъ полдюжины яицъ на сковородку, поставилъ ее на спиртовку и сталъ помѣшпвать вилкой.

Насколько мы, то-есть я и Джорджъ, могли судить, работа была нелегкая. Онъ то и дѣло обжигался, и тогда бросалъ вилку и принимался плясать вокругъ сковороды, потряхивая пальцами и ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ. Почти все время онъ этимъ только и занимался. Мы съ Джорджемъ думали, что это специфическій кулинарный приемъ. Мы вообразили, что яичница Гарриса—какое-то особенное блюдо, употребляемое у краснокожихъ или на Сандвичевыхъ островахъ, и что потому приготовленіе его должно сопровождаться пляской и заклинаніемъ. Монморанси сунулся было къ сковородкѣ, но обжегся и получилъ пивокъ, послѣ чего и онъ принялся танцовать и браниться (на своемъ языкѣ). Въ общемъ зрѣлище было въ высшей степени занимательное, такъ что мы съ Джорджемъ даже жалѣли, когда оно прекратилось.

Результатъ оказался не такой блестящій, какъ обѣщаль Гаррисъ. Врядъ ли даже онъ стоилъ такихъ хлопотъ. Шесть яицъ было выпущено на сковородку, а получился небольшой комокъ, подгорѣвшій и совсѣмъ не аппетитный.

Гаррисъ увѣрялъ, что во всемъ виновата сковородка, что если бы у него была кастрюлька

для рыбы и газовая кухня, вышло бы гораздо лучше. Мы рѣшили, что не станемъ ѣсть яичницы, пока не обзаведемся этими приспособленіями.

Пока мы завтракали, солнце поднялось довольно высоко, вѣтеръ улегся, и утро оказалось хоть куда. Ничто не напоминало намъ о XIX вѣкѣ, и, глядя на рѣку, струившуюся въ лѣсистыхъ берегахъ, на солнце, поднимавшееся надъ горизонтомъ, можно было подумать, что столѣтія, отдѣлявшія насъ отъ достославнаго іюннскаго утра 1215 года, исчезли, и что мы, сыновья англійскихъ іоменовъ, съ ножами за поясомъ, явились подписать знаменательную страницу исторіи, значеніе которой было объяснено простому народу Оливеромъ Кромвелемъ спустя лѣтъ четырехста.

Прекрасное лѣтнее утро — ясное, теплое, свѣтлое. Король Джонъ ночевалъ въ Дункрофтъ-Голдъ, и городою Стэпсъ цѣлый день оглашался звономъ оружія, кояскимъ топотомъ, командой начальниковъ, дикими клятвами и грубыми шутками бородатыхъ вонновъ, вооруженныхъ луками, бердышами, пиками, и иностранныхъ копейщиковъ съ ихъ непонятною рѣчью.

Нарядные рыцари и сквайры, усталые и запыленные, толпами съѣзжались въ городъ. Цѣлый вечеръ двери боазливыхъ горожанъ были открыты для солдатъ, которымъ требовались пріютъ и пища,—и не плохіе, иначе горе дому и всѣмъ обитателямъ. Въ эти смутныя времена мечъ—судья и присяжный, обвинитель и палачъ, и платитъ за то, что возьметъ, развѣ тѣмъ, что пощадитъ жизнь обобраннаго, если это ему заблагоразсудится.

На площади собираются вокругъ костровъ войска, явившіяся съ баронами, пьютъ и ѣдятъ, горланятъ застоольныя пѣсни, играютъ въ кости и ссорятся. Полосы свѣта отъ костровъ падаютъ на груды оружія. Городскіе ребяташки пробираются сюда поглазѣть на невиданное зрѣлище; а дебе-

лныя мѣстныя красавицы заигрываютъ со спесивыми воинами, такъ непохожими на деревенскихъ парней, которые теперь въ пренебреженіи, забыты и жмутся къ сторонкѣ, безсмысленно разинувъ рты.

На окрестныхъ поляхъ свѣтятся огни въ другихъ становищахъ; здѣсь собралась толпа воиновъ какого-нибудь знатнаго лорда, тамъ пробираются въ городъ, точно голодные волки, французскіе наемники Джона.

Такъ проходитъ ночь, и надъ старой Темзой занимается заря великаго дня, опредѣлившаго судьбы многихъ вѣковъ.

Съ раняго утра островокъ, лежащій немного повыше того, на которомъ мы остановились, оглашается шумомъ и гамомъ. Работники достраиваютъ большой павильонъ, поставленный вчера вечеромъ, наскоро сколачиваютъ скамьи, а лондонскіе купцы развертываютъ пестрыя ткани, шелкъ и бархатъ, золотую и серебряную парчу.

Но вотъ на дорогѣ, которая вьется по берегу рѣки, является группа дюжихъ алебардчиковъ; они останавливаются въ сотнѣ ярдовъ отъ насъ, на противоположномъ берегу, и ждутъ чего-то, опираясь на алебарды.

Мало-по-малу появляются новыя и новыя группы людей въ стальныхъ шлемахъ и панцыряхъ, сверкающихъ на солнцѣ, пока, наконецъ, вся дорога, насколько хватить глазъ, не покрывается конными и пѣшими воинами. Всадники переѣзжаютъ отъ группы къ группѣ, значки развѣваются въ воздухѣ; мѣстами суматоха усиливается, толпа раздается, и какой-нибудь важный баронъ, окруженный сквайрами, проѣзжаетъ на боевомъ конѣ, чтобы занять мѣсто во главѣ своихъ рабовъ и вассаловъ.

На противоположной сторонѣ, по склонамъ Куперегилля, собираются поселяне и городскіе жители, и никто изъ нихъ не понимаетъ, что, собственно, тутъ происходитъ, но каждый объ-

ясняетъ это по-своему; иные думаютъ, что этотъ день принесетъ много добра народу, но старики покачиваютъ головами: они уже не разъ слышали эти сказки.

Рѣка до самаго Стэнса пестрѣетъ парусами, лодками и рыбацкими душегубками, которыя нынѣ вышли изъ моды и употребляются только бѣднѣйшими людьми. Они толпятся поближе къ большой крытой баркѣ, которая должна отвести короля Джона туда, гдѣ онъ подпишетъ роковую хартію.

Уже поздно, и мы, и собравшійся народъ ждемъ уже нѣсколько часовъ. Прошелъ слухъ, что лукавый Джонъ вырвался изъ когтей бароновъ, бѣжалъ изъ Дункрофтъ-Голля съ своими наемниками и вовсе не намѣренъ подписывать хартію свободы своихъ подданныхъ.

Но нѣтъ. На этотъ разъ его схватили желѣзные когти, и тщетно онъ старается ускользнуть или вырваться изъ нихъ.

Вотъ на дорогѣ показывается облачко пыли; оно приближается, растетъ, и вскорѣ толпы собравшихся зрителей разступаются, очищая путь блестящей кавалькадѣ нарядныхъ лордовъ и рыцарей. Спереди и сзади, по обѣимъ сторонамъ ѣдутъ юмены бароновъ, а въ серединѣ король Джонъ.

Онъ направляется къ лодкамъ, и важные бароны выступаютъ навстрѣчу и привѣтствуютъ его. Онъ отвѣчаетъ ласковыми словами и сладкими улыбками, точно это праздникъ, устроенный въ честь его. Но, сходя съ лошади, онъ украдкой оглядывается на своихъ наемниковъ, которыхъ оттѣсняють отъ него суровые ряды вассаловъ.

Ужели все потеряно? Неожиданный ударъ всаднику, который безпечно ѣдетъ рядомъ съ королемъ, команда французскимъ копейщикамъ, отчаянный натискъ на разстроенные ряды и планы мятежныхъ бароновъ могутъ быть еще разрушены. Смѣлый игрокъ могъ бы еще выиграть. Будь

на мѣстѣ Джона Ричардъ, свобода Англїи была бы, пожалуй, отсрочена еще лѣтъ на сто!

Но при видѣ суровыхъ лицъ англійскихъ воиновъ король Джонъ падаетъ духомъ, и руки его безсильно опускаются. Онъ слѣзаетъ съ коня и входитъ на переднюю барку. Бароны слѣдуютъ за нимъ, не отнимая рукъ въ желѣзныхъ перчаткахъ отъ рукоятокъ мечей.

Тяжелыя, пестро украшенныя барки медленно отчаливаютъ отъ берега. Медленно подвигаются онѣ противъ теченія въ острову, который будетъ носить съ тѣхъ поръ названіе острова „Великой Хартїи“. Король Джонъ выходитъ на берегъ; мы ждемъ, затаивъ дыханіе, и вотъ торжествующіе крики оглашаютъ воздухъ и возвѣщаютъ намъ, что краеугольный камень британской свободы прочно заложенъ.

ГЛАВА XII.

Генрихъ VIII и Анна Бoleйнъ.—Неудобно жить въ домѣ, гдѣ есть влюбленная парочка.—Трудное время для Англїи.—Безъ прїюта.—Гаррисъ собирается умереть.—Ангель-утѣшитель.—Внезапная радость Гарриса.—Скромный ужинъ.—Завтракъ.—Все за горчицу.—Отчаянная битва.—Майденгедъ.—Подъ парусомъ.—Насъ ругаютъ.

Я сидѣлъ на берегу, представляя себѣ эту сцену, когда голосъ Джорджа, напомнившаго мнѣ, что я могъ бы помочь ему вымыть посуду, вывелъ меня изъ задумчивости, и я вернулся отъ славнаго прошлаго къ прозаичному настоящему, влѣзъ на лодку и принялся чистить сковороду щеткой и травой, а потомъ вытеръ ее мокрой рубашкой Джоржа.

Мы заглянули на островъ Великой Хартїи, любовались на камень, находящійся въ коттед-

жѣ,—камень, на которомъ, по преданію, была подписана великая хартія, хотя я съ своей стороны не берусь рѣшить, точно ли она была подписана здѣсь или, какъ утверждаютъ другіе, на берегу рѣки у „Рунингмеда“. Лично я склоняюсь въ пользу народнаго преданія объ островѣ Великой Хартіи. Будь я въ числѣ бароновъ, я стоялъ бы, имѣя дѣло съ такой шельмой, какъ король Джонъ, за островъ: на островѣ не такъ легко сплутовать и улизнуть.

Поблизости виднѣются развалины монастыря, подлѣ котораго Генрихъ VIII встрѣтился, по преданію, съ Анной Болейнь. Онъ встрѣчался съ ней также у Геверъ-Кэстля въ Кентѣ, какъ и у Сентъ-Альбана. Впрочемъ, врядъ ли найдется клочокъ англійской земли, гдѣ бы не пожуировали эти беззаботные люди.

Случалось ли вамъ жить въ домѣ, гдѣ имѣется влюбленная парочка? Предлюбопытно. Вамъ вздумалось посидѣть въ гостиной. Вы отправляетесь, беретесь за ручку двери, слышите какой-то шорохъ и суматоху. Входите: Эмилиа стоитъ у окна и съ величайшимъ интересомъ разсматриваетъ что-то на улицѣ, а вашъ другъ Джонъ Эдвардъ на другомъ концѣ комнаты погруженъ въ разсматриваніе фотографическихъ карточекъ чужихъ родственниковъ.

—Ахъ,—говорите вы, останавливаясь въ дверяхъ,—я думалъ, здѣсь никого нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сухо отвѣчаетъ Эмилиа тономъ, который ясно показываетъ, что она не вѣритъ вамъ.

Вы переминаетесь на мѣстѣ, потомъ замѣчаете:

— Какъ темно! Отчего вы не велите зажечь газъ?

Джонъ Эдвардъ возражаетъ: „О, я и не замѣтилъ, что темно!“, а Эмилиа говоритъ, что папа не любитъ, когда зажигаютъ газъ передъ обѣдомъ.

Вы заводите рѣчь о томъ, о семъ; излагаете свои взгляды и мнѣнія по ирландскому вопросу, но этотъ вопросъ, повидимому, вовсе не занимаетъ ихъ. Вамъ отвѣчаютъ только: „О!“.—„Скажите!“—„Въ самомъ дѣлѣ?“ — и „Это ваше мнѣніе?“. Побесѣдовавъ въ такомъ родѣ минутъ десять, вы пробираетесь къ двери и улепетываете, и съ удивленіемъ замѣчаете, что дверь захлопнулась за вами, точно по волшебству, хотя вы не дотрогивались до нея.

Полчаса спустя, вамъ вздумалось выкурить трубочку, и вы отправляетесь въ курильню. Единственный стулъ въ ней оказывается занятъ, а Джонъ, — объ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ его брюки—очевидно, сидѣлъ на полу. Они ничего не говорятъ вамъ, но взгляды ихъ говорятъ все, что можетъ быть высказано въ порядочномъ обществѣ безъ явнаго нарушенія приличія. Вы поснѣшно ретируетесь и запираете за собою дверь.

Послѣ этого вы боитесь показать посѣ въ какую бы то ни было комнату, и потому, повертѣвшись на лѣстницѣ, отправляетесь къ себѣ въ спальню. Но вамъ, наконецъ, становится скучно; вы берете шляпу и выходите въ садъ. Вы идете по дорожкѣ, заглядываете въ бесѣдку, — и что же? Эти юные идіоты пріютились въ уголкѣ, они видятъ васъ и, очевидно, приходятъ къ убѣжденію, что вы выслѣживаете ихъ съ какими-то злостными цѣлями.

— Почему бы имъ не выбрать какую-нибудь комнату для своихъ пашней?—ворчите вы; вы возвращаетесь въ домъ, берете зонтикъ и уходите на улицу.

Вѣроятно, что-нибудь подобное происходило, когда взбалмошный Генрихъ ухаживалъ за Анной Болейнъ. Обитатели Букингамшайра неожиданно наталкивались на нихъ подлѣ Виндзора и Рейсбюри, и восклицали: „Ахъ, это вы?“. А Генрихъ

сконфуженно отвѣчалъ: „Да, тутъ у меня есть дѣльце“, а Анна подхватывала: „Ахъ, здравствуйте, какъ я рада васъ видѣть! Какой странный случай! Я только что встрѣтилась съ мистеромъ Генрихомъ VIII, и оказывается, что намъ по пути“.

Затѣмъ обыватель проходилъ дальше и ворчалъ себѣ подъ носъ:

— О, лучше убраться отсюда, пока они тутъ воркуютъ. Поѣду-ка я въ Кентъ.

И обыватель отправлялся въ Кентъ, и съ перваго же шага по прїѣздѣ въ Кентъ наткнулся на Генриха и Анну подлѣ Геверъ-Кастля!

— А, ну васъ! — бормоталъ онъ. — Убраться до грѣха. Богъ съ ними совсѣмъ. Поѣду въ Сентъ-Альбанъ: мѣсто спокойное.

И онъ отправляется въ Сентъ-Альбанъ, и по прїѣздѣ въ Сентъ-Альбанъ его взорамъ представлялись Генрихъ и Анна, цѣлующіеся подъ стѣнами аббатства. Тогда обыватель, махнувъ рукой, рѣшался поступить въ пираты впредь до свадьбы влюбленныхъ.

Отъ острова Великой Хартіи до стараго Виндзорскаго шлюза рѣка очень красива. Тѣнистая дорога вьется вдоль берега мимо хорошенькихъ коттеджей, къ „Урслейскимъ Колоколамъ“, очень живописной гостиницѣ, въ которой притомъ можно достать отличное пиво. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Гаррисъ, а на авторитетъ Гарриса въ этомъ случаѣ можно положиться.

Виндзоръ тоже въ своемъ родѣ любопытное мѣсто. Король Эдуардъ Исповѣдникъ выстроилъ здѣсь замокъ и здѣсь же ярлъ Годвинъ былъ обвиненъ правосудіемъ того времени въ убійствѣ брата короля. Ярлъ Годвинъ отломилъ кусокъ хлѣба и сказалъ:

— Если я виновенъ, пусть я подавлюсь этимъ кускомъ.

Затѣмъ онъ положилъ этотъ кусокъ въ ротъ, проглотилъ его, подавился и умеръ.

За Виндзоромъ рѣка не такъ интересна вплоть до Бовенэя, гдѣ снова оживляется. Мы съ Джорджемъ тянули лодку мимо Гомъ-Парка, и когда поравнялись съ Дотчетомъ, Джорджъ спросилъ меня, помню ли я нашу первую поѣздку по рѣкѣ, когда мы высадились у Дотчета въ десять часовъ вечера и хотѣли идти спать.

Я отвѣчалъ, что помню и врядъ ли скоро забуду.

Это случилось въ субботу, въ августѣ мѣсяцѣ. Мы устали и проголодались, такъ что, прѣхавъ въ Дотчетъ, немедленно забрали корзину, два чемодана, пальто, пледы и тому подобныя вещи и устремились на поиски гостиницы. Намъ попался очень миленькій отель съ пучкомъ ломоноса и живучки надъ входомъ, но я люблю жимолость, а жимолости тутъ не было.

— Пройдемъ немного дальше,—сказалъ я,—навѣрное намъ попадется другая гостиница, съ жимолостью.

Мы пошли дальше и дѣйствительно нашли другую гостиницу. Она тоже показалась намъ очень хорошей и притомъ была украшена жимолостью, но Гаррису не понравился человѣкъ, стоявшій у дверей. У него были рваные сапоги и подозрительная наружность, по мнѣнiю Гарриса. Въ виду этого мы отправились дальше. Шли, шли, но гостиницы не попадалось. Наконецъ, мы остановили какого-то прохожаго и попросили его указать намъ отель.

— О, вы миновали ихъ,—отвѣчалъ онъ.—Вамъ нужно вернуться назадъ, къ „Олею“.

Мы отвѣчали:

— Мы тамъ уже были, но намъ не понравилась эта гостиница, тамъ нѣтъ жимолости.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ онъ,—ступайте въ Маноръ-Гаузъ.

Гаррисъ отвѣчалъ, что мы и тамъ были, но встрѣтили подозрительнаго человѣка. Гаррису не

понравились его волосы и сапоги, и потому мы ушли.

— Ну, так уж не знаю, что вамъ дѣлать,— сказалъ прохожій,—здѣсь только двѣ гостиницы.

— Только двѣ!—воскликнулъ Гаррисъ.

— Только,—подтвердилъ прохожій.

Тогда въ разговоръ вмѣшался Джорджъ. Онъ заявилъ, что мы съ Гаррисомъ можемъ, если угодно, выстроить для себя отель, а онъ отправится въ „Оленю“.

Возвышенные идеалы никогда не осуществляютъ. Мы съ Гаррисомъ вздохнули по поводу неосуществимости земныхъ желаній и послѣдовали за Джорджемъ.

— Мы втащили нашъ багажъ въ гостиницу и положили его въ общемъ залѣ.

Явился хозяинъ и сказалъ:

— Добрый вечеръ, джентльмены.

— Добрый вечеръ, — отвѣчалъ Джорджъ, — намъ нужно три кровати.

— Очень жаль, сэръ, — отвѣчалъ хозяинъ, — но врядъ ли онѣ найдутся у меня.

— О, ничего, — отвѣчалъ Джорджъ, — мы обойдемся и двумя. Двое изъ насъ могутъ улечься въ одной кровати, правда? — заключилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и Гаррису.

— Разумѣется, — отвѣчалъ Гаррисъ.

Онъ полагалъ, что мы съ Джорджемъ свободно умѣстимся въ одной кровати.

— Очень жаль, сэръ, — повторилъ хозяинъ, — но у меня во всемъ домѣ нѣтъ ни одной кровати. Намъ и то пришлось помѣстить въ каждую кровать по двое и по трое джентльменовъ.

Мы смутились.

Но Гаррисъ, опытный человекъ, скоро нашелся и сказалъ съ веселымъ смѣхомъ:

— Ну, нечего дѣлать. Въ такомъ случаѣ мы помѣстимся на бильярдѣ.

— Очень жаль, сэръ, но въ бильярдной уже

устроились три джентльмена. Рѣшительно некуда помѣстить васъ на ночь.

Мы забрали наши вещи и отправились въ Маноръ-Гаузъ.

— Мнѣ очень понравился этотъ отель; я замѣтилъ, что по-моему, онъ лучше „Оленя“.

А Гаррисъ сказалъ:

— О, да, это совершенно вѣрно, а на подозрительнаго человѣка не стоитъ обращать вниманія; притомъ же бѣдняга не виноватъ, что у него рыжіе волосы.

Гаррисъ говорилъ объ этомъ съ большимъ чувствомъ.

Въ Маноръ-Гаузѣ намъ не дали и рта разинуть. Хозяйка встрѣтила насъ на лѣстницѣ и заявила, что до насъ она отказала уже тринадцати посѣтителемъ. Къ нашимъ робкимъ намекамъ на бильярдную, сарай, погребъ она отнеслась съ полнымъ презрѣніемъ: всѣ эти помѣщенія были уже заняты.

— Неужели же во всей деревни нѣтъ мѣстечка, гдѣ мы могли бы укрыться на ночь.

— Есть по дорогѣ въ Итонъ, на полмили отсюда пивная, — только врядъ ли тамъ будетъ удобно...

Но мы не стали слушать дальше; мы схватили корзину, чемоданы, узелки, пальто, пледы и пустились бѣгомъ. Полмили показалось намъ съ добрую милю; но въ концѣ концовъ мы достигли пивной и ворвались въ нее.

Тутъ приняли насъ очень грубо. Во всемъ домѣ имѣлось только три постели, которыя пришлось раздѣлить между семью холостыми джентльменами и двумя семьями.

Какой-то сострадательный лодочникъ, оказавшійся въ пивной, посоветовалъ намъ обратиться въ колоніальную лавку, рядомъ съ „Оленемъ“, и мы помчались обратно.

Въ колоніальной лавкѣ мѣста не было. Какая-то старая дама любезно предложила проводить

насъ къ своей знакомой, которая сдасть комнаты джентльменамъ.

Старая леди плелась очень тихо, такъ что мы добрались до ея знакомой мицуть черезъ двадцать. По пути она развлекала насъ рассказами о своихъ ревматизмахъ.

Комнаты ея знакомой были уже заняты. Отсюда насъ отправили въ № 27. № 27 былъ полонъ и препроводилъ насъ къ № 34, который тоже былъ полонъ.

Тогда мы вышли на дорогу, и Гаррисъ усѣлся на корзину, заявивъ, что онъ не пойдетъ дальше. Онъ сказалъ, что это удобное мѣсто и что онъ ляжетъ здѣсь и умретъ; онъ просилъ поцѣловать за него матушку и передать его родственникамъ, что онъ прощаетъ ихъ и умираетъ счастливымъ.

Въ эту минуту ангель-избавитель явился къ намъ въ образѣ мальчишки (насколько я понимаю, ангелы и должны являться въ такомъ видѣ), съ кружкой пива въ одной рукѣ и какой-то штучкой на шнуркѣ въ другой. Штучкой этой онъ хлесталъ встрѣчные камни, производя такимъ образомъ отменно неприятный, жалобный звукъ.

Мы спросили этого посланника небесъ (что онъ дѣйствительно былъ имъ, мы убѣдились впоследствии), не знаетъ ли онъ какого-нибудь уединеннаго домика, обитатели котораго немногочисленны и слабы (лучше всего старья леди и разбитые параличомъ джентльмены), такъ что ихъ легко запугать и заставить уступить свои постели тремъ доведеннымъ до отчаянiя людямъ. Если же онъ не знаетъ такого домика, то не можетъ ли указать намъ пустой свиной хлѣвъъ, печь для обжиганiя извести или что-нибудь въ этомъ родѣ. Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ поблизости ничего подобнаго, но что мать его можетъ приютить насъ на ночь.

Мы бросились къ нему на шею при лунномъ свѣтѣ и призывали на него милость неба. Карти-

на была очень трогательная, и мальчику передано наше волненіе; но онъ не вынесъ его тяжести и повалился на землю, а мы всѣ трое на него. Гаррисъ отъ радости лишился чувствъ, схватилъ кружку, которую пилъ мальчикъ, и выпилъ половину, прежде чѣмъ пришелъ въ себя, а затѣмъ пустился во весь духъ, предоставивъ мнѣ и Джорджу тащить вещи.

Мальчикъ жилъ въ маленькомъ коттеджѣ, и его мать, добрая душа, дала намъ на ужинъ кусокъ ветчины, которую мы съѣли всю, пять фунтовъ, затѣмъ пирогъ съ вареньемъ и два чайника чая. Послѣ этого мы улеглись спать. Въ комнатѣ были двѣ кровати: на одной помѣстились я и Джорджъ, связавъ себя вмѣстѣ простыней; а на другой, на кровати мальчика, улегся Гаррисъ, и когда мы съ Джорджемъ проснулись утромъ, его голыя ноги высывались изъ кровати на два фута, такъ что мы вѣшали на нихъ полотенце, пока мылись.

Въ слѣдующій разъ, когда мы попали въ Дотчетъ, мы не были ужъ такъ разборчивы насчетъ отелей. Возвращаясь къ нашему теперешнему плаванію, скажу, что ничего экстраординарнаго не случилось и что мы усердно тащили лодку до острова Обезьяны, гдѣ остановились завтракать. Мы позавтракали холодной говядиной, при чемъ оказалось, что горчицу забыли. Никогда въ жизни, ни прежде, ни потсмъ, я не желалъ горчицы такъ страстно, какъ въ этотъ разъ. Вообще-то я вовсе не охотникъ до горчицы, часто совсѣмъ забываю о ней, но теперь я отдалъ бы за нее цѣлыя міры.

Не знаю, сколько во вселенной міровъ, но если бы кто-нибудь принесъ мнѣ въ эту минуту ложечку горчицы, онъ получилъ бы ихъ всѣ. Такой ужъ я человекъ: все отдамъ, лишь бы получить то, чего мнѣ хочется.

Гаррисъ тоже готовъ былъ отдать міры за горчицу. Жаль, что никто не догадался принести намъ

горчицы: мы бы надѣлили его мірами на всю жизнь.

А впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть, мы съ Гаррисомъ пошли бы на попятный дворъ, получивъ горчицу. Въ порывѣ страстнаго возбужденія часто даешь самыя экстравагантныя обѣщанія, но, когда одумаешься, начинаешь сознавать, что хватилъ черезъ край. Я знаю одного господина, который, странствуя по горамъ въ Швейцаріи, клялся, что отдастъ міры за кружку пива, а добравшись до харчевни, поднялъ дѣлшій скандалъ, когда съ него содрали пять франковъ за бутылку. Онъ сказалъ, что это безсовѣстный грабежъ, и написалъ объ этомъ въ „Таймс“.

Отсутствіе горчицы повергло насъ въ тоску. Мы ѣли говядину молча. Жизнь утратила всю прелесть въ нашихъ глазахъ. Мы вспомнили о дняхъ своего дѣтства и вздыхали. Впрочемъ, послѣ яблочнаго пирога мы повеселѣли немножко, а когда Джоржъ досталъ изъ корзины жестянку съ ананасами, мы почувствовали, что жизнь, какъ бы тамъ ни было, не лишена свѣтлыхъ сторонъ.

Мы всѣ трое—охотники до ананаса. Мы разсматривали картинку на жестянкѣ и мечтали объ ананасномъ сокѣ. Мы улыбались другъ другу, и Гаррисъ уже держалъ ваготовѣ ложку.

Мы стали искать ножикъ, чтобы откупорить жестянку. Перерыли корзину, обшарили чемоданы, осмотрѣли лодку, выбросили всѣ вещи на берегъ, перетрясли ихъ: ножика не было.

Гаррисъ попытался вскрыть жестянку перочиннымъ ножомъ,—сломалъ ножъ и сильно порѣзался. Джорджъ пустилъ въ дѣло ножницы: сломалъ ножницы и чуть не выкололъ себѣ глаза. Пока они возились съ своими рапами, я попытался провертѣть въ жестянкѣ дыру багромъ, но багоръ отскочилъ, я шлепнулся въ тину между лодкой и берегомъ, а жестянка покатила какъ ни въ чемъ не бывало и разбила чайный стаканъ.

Тутъ ужъ мы окончательно вышли изъ себя.

Мы выбросили жестянку на берегъ. Гаррисъ отыскалъ острый камень, я высвободилъ изъ лодки мачту, Джорджъ взялъ жестянку. Гаррисъ приставилъ къ ней камень острымъ концомъ, а я поднялъ мачту и со всего размаха опустилъ ее на камень.

Только благодаря соломенной шляпѣ, Джорджъ спасся отъ гибели. Онъ сохранилъ эту шляпу (т.-е. то, что отъ нея осталось) и въ долгіе зимніе вечера, когда молодежь коротааетъ время, рассказывая небылицы объ опасностяхъ, которымъ каждый изъ присутствующихъ подвергался. Джорджъ приноситъ шляпу, и она переходитъ изъ рукъ въ руки, а онъ рассказываетъ при этомъ исторію своего чудеснаго спасенія, всякій разъ съ новыми прикрасами.

Гаррисъ отдѣлался раной.

Послѣ этого я самъ принялся за жестянку и колотилъ ее мачтой до тѣхъ поръ, пока не выбился изъ силъ; тогда меня смѣнилъ Гаррисъ.

Мы били ее плашмя, долбили остриемъ, придавали ей всевозможныя формы, извѣстныя въ геометріи, но не могли продолбить въ ней дыру. Наконецъ, взялся за нее Джорджъ и превратилъ ее въ такой странный, нелѣпый, чудовищный комокъ, что испугался и бросилъ мачту.

Кончилось тѣмъ, что Гаррисъ, вѣ себя отъ бѣшенства, бросился на жестянку, схватилъ ее и швырнулъ на середину рѣки, и она пошла ко дну; мы, наутстовали ее проклятіями, бросились въ лодку, схватились за весла и плыли, не останавливаясь, до самаго Майденгеда.

Майденгедъ производитъ на меня отталкивающее впечатлѣніе своимъ фатовскимъ видомъ. Это — притонъ жуировъ. Это городъ пышныхъ отедей, посѣщаемыхъ франтами и балетными танцовщицами. Герцогъ изъ „Лондонскаго Журнала“ обязательно имѣетъ дачу въ Майденгедѣ, и героя

трехтомнаго романа не преминетъ пообѣдать здѣсь, удравъ изъ Лондона съ чужимъ мужемъ.

Мы проѣхали мимо Майденгеда, затѣмъ отдохнули и стправились дальше! Кливеденскій лѣсъ еще стоялъ въ своемъ зеленомъ весеннемъ уборѣ; это, пожалуй, самое красивое мѣсто на Темзѣ.

Мы пили чай подлѣ Кунгема, и когда прошли черезъ шлюзъ, день уже клонился къ вечеру. Поднялся довольно сильный вѣтеръ, къ удивленію, попутный. Обыкновенно на рѣкѣ вѣтеръ дуетъ вамъ въ лицо, въ какомъ бы направленіи вы ни плыли. Утромъ вы плывете на веслахъ противъ вѣтра, рассчитывая поставить парусъ на обратномъ пути. Но тотчасъ послѣ чая, когда вы отправляетесь домой, вѣтеръ переменяется и все время дуетъ вамъ въ лицо.

Если же вы забыли взять съ собой парусъ, вѣтеръ оказывается попутнымъ и утромъ и на обратномъ пути. Что будешь дѣлать? Испытанія посылаютъ намъ выше!

На этотъ разъ, однако, тамъ, наверху, ошиблись и послали намъ вѣтеръ въ спину, а не въ лицо. Мы поспѣшили воспользоваться этой ошибкой, пока ея не замѣтили, поставили парусъ, развалились въ лодкѣ въ задумчивыхъ позахъ, и вѣтеръ повесъ ее по рѣкѣ.

Я правиль.

Я не знаю болѣе пріятнаго ощущенія, какъ плыть на парусахъ. Вѣтеръ несетъ васъ на своихъ шумящихъ крыльяхъ Богъ вѣсть куда. Вы уже не тяжеловѣсный, неуловимый комокъ глины, медленно ползущій по землѣ, вы—часть природы. Ваше сердце бьется въ тактъ съ ея сердцемъ. Ея мощныя руки обвиваются вокругъ васъ, вашъ духъ сливается съ ея духомъ; ваше тѣло становится легкимъ. Земля уходитъ куда-то далеко, а облака, плывущія надъ вашей головой, кажутся вамъ братьями, и вы простираете къ нимъ руки.

Никого не было на рѣкѣ, только вдали виднѣ-

лась лодка, стоявшая посреди рѣки, и на ней три джентльмена, удившіе рыбу.

Я правилъ.

Джентльмены, удившіе рыбу, имѣли почтенный, даже торжественный видъ. Они сидѣли на скамеечкахъ, не спуская глазъ съ поплавокъ. А заходящее солнце обливало рѣку багрянымъ свѣтомъ, одѣвало въ пурпуръ и золото прибрежные лѣса. Былъ часъ таинственнаго очарованія, страстнаго томленія и неопредѣленныхъ надеждъ. Бѣлый парусъ такъ ярко блестѣлъ на фонѣ пурпурнаго неба, мгла ложилась кругомъ, окутывая міръ радужными тѣнями, тихонько подкрадывалась ночь.

Мы казались героями какой-нибудь старинной легенды, плывущими по заколдованному озеру въ невѣдомое волшебное царство.

Но мы не попали въ волшебное царство: мы наткнулись на лодку съ тремя рыбаками. Въ первую минуту мы не могли понять, въ чемъ дѣло, потому что парусъ закрывалъ отъ насъ лодку, но звуки и отдѣльныя фразы, раздававшіеся въ вечернемъ воздухѣ, обнаруживали близость человѣческихъ существъ и притомъ раздраженныхъ и недовольныхъ.

Гаррисъ опустилъ парусъ, и мы увидѣли, въ чемъ дѣло. Оказалось, что три старые джентльмена слетѣли со скамеекъ, свалившись въ кучу на дно лодки, и теперь, крихтя и охая, выползали другъ изъ-подъ друга. При этомъ они ругали насъ не простой вульгарной бранью, -- нѣтъ, брань ихъ была основательна и глубокомысленна: она касалась и насъ, и нашей судьбы, и нашего отдаленнаго будущаго, и нашихъ родственниковъ, и всего, что только имѣло отношеніе къ намъ.

Гаррисъ сказалъ имъ, что они должны были бы благодарить насъ за небольшое развлеченіе послѣ длиннаго, скучнаго дня, проведеннаго за рыбной ловлей. Онъ прибавилъ также, что его крайне огор-

чаютъ несдержанность и рѣзкія выраженія со стороны людей ихъ возраста.

Но эти слова не произвели никакого дѣйствія.

Послѣ этого Джорджъ взялся править и благополучно доставилъ насъ въ Марло. Тутъ мы привязали лодку у моста, а сами отправились ночевать въ гостиницу.

ГЛАВА XIII.

Марло.—Бишамское аббатство.—Медмонгемскіе монахи.—Монморанси намѣревается уничтожить стараго кота.—Но по нѣкоторымъ соображеніямъ соглашается оставить его въ живыхъ.—Безобразное поведеніе фоксъ-терьерера.—Нашъ отъѣздъ изъ Марло.—Внушительная процессія.—Пароходики.—Какъ ихъ догонять.—Мы не желаемъ выпить рѣку.—Смирная собака.—Странное исчезновеніе Гарриса и паштета.

Марло—одинъ изъ лучшихъ городовъ на Темзѣ. Онъ не особенно живописенъ, надо правду сказать, но есть тамъ хорошіе закоулки: напримѣръ, сводчатый мостъ на Темзѣ, переносящій ваше воображеніе къ отдаленнымъ днямъ, когда Марлоускій замокъ принадлежалъ саксонцу Альгару, прежде чѣмъ побѣдоносный Вильямъ захватилъ его для королевы Матильды, и до того какъ перешелъ онъ къ графамъ Варвикамъ, а потомъ—къ мудрому лорду Пэджету, совѣтнику четырехъ королей.

Окружающій ландшафтъ тоже манитъ на прогулки—если только васъ потянетъ на прогулку послѣ гребли—да и рѣка въ этомъ мѣстѣ очень живописна. Внизъ до Кукгема тянутся зеленые луга, прерываясь лѣсомъ Куари-Вудъ. Чудный старый лѣсъ, съ узкими извилистыми тропинками, съ тѣнистыми прогалинами, ты и теперь встаешь въ моей памяти, озаренный свѣтомъ яркаго солнечнаго дня! На твоихъ просѣкахъ рѣютъ тѣни

вселяхъ, смѣющихся лицъ, въ ропотъ твоихъ листьевъ я слышу давно умолкшіе голоса!

Путь отъ Марло къ Соинингу еще пріятнѣе. На правомъ берегу, на полмили отъ Марлоусскаго моста возвышается старинное бисамское аббатство, пережившее времена тамплиеровъ и бывшее когда-то жилищемъ королевы Елизаветы. Бисамское аббатство богато памятниками мелодраматическаго характера. Тамъ есть спальня, обитая коврами, и потаенная комната, скрытая въ массивной стѣнѣ. Тѣнь леди Голи, избившей до смерти своего ребенка, до сихъ поръ бродитъ въ замкѣ и моетъ тѣни своихъ рукъ въ тѣни умывальника.

Варвикъ, „дѣлатель королей“, еще обитаетъ здѣсь, но уже оставилъ попеченіе о такихъ пустякахъ, какъ земные короли и земныя царства; и Салисбюри, оказавшій такія важныя услуги при Пуатъе, еще посѣщаетъ замокъ. Передъ самымъ аббатствомъ, на правомъ берегу рѣки, раскинулось бисамское кладбище, и если есть могилы, которыя стоитъ посѣтить, такъ, пожалуй, именно могилы этого кладбища. Здѣсь, въ тѣни бисамскихъ буковъ, Шелли, жившій тогда въ Марло (его домъ можно видѣть и нынѣ въ Вестъ-стритѣ), создалъ „Возмущеніе Ислама“.

Немного повыше, у шлюза Гёрли, я могъ бы, кажется, прожить мѣсяцъ и не налюбовался бы на красоту ландшафта. Деревня Гёрли, въ пяти минутахъ ходьбы отъ шлюза, едва ли не самое старинное мѣстечко на рѣкѣ, выстроенное „во времена короля Зеберта и короля Оффы“. Тотчасъ за шлюзомъ (вверхъ по рѣкѣ) находится Датское Поле, гдѣ датчане стояли лагеремъ во время похода въ Глостерширъ; а немного подальше остатки медменгемскаго аббатства.

Пресловутые медменгемскіе монахи или „Адскій Клубъ“, какъ ихъ величали въ просторѣчій, представляли братство, поставившее своимъ девизомъ: „Дѣлай, что хочешь“, и этотъ девизъ до сихъ

норь красуется на полуразвалившихся ворѣтахъ аббатства. За много лѣтъ до основанія этого шутовскаго аббатства съ его безбожными гаерами, на этомъ мѣстѣ стоялъ другой монастырь, болѣе суроваго характера, населенный монахами, которые существенно отличались отъ своихъ преемниковъ.

Цистерціанскіе монахи носили рубахи изъ грубой матеріи и капюшоны, не ѣли ни мяса, ни рыбы, ни яицъ. Спали на соломѣ и въ полночь вставали на молитву. День проводили въ работѣ, чтеніи и молитвѣ и всю жизнь хранили молчаніе; ничто не нарушалъ этого обѣта.

Суровое было братство и суровую жизнь вело оно въ этомъ миломъ закоулкѣ, самымъ Богомъ предназначенномъ для веселья и радости. Странно, что голоса природы, раздававшіеся вокругъ нихъ,—вѣжное журчаніе воды, тихій шопотъ травы на прибрежныхъ лугахъ, мелодія, нацѣваемая вѣтромъ—не внушили имъ болѣе правильнаго представленія о жизни. По цѣлымъ днямъ въ глубокомъ безмолвіи напрягали они вниманіе въ надеждѣ услышать голосъ съ неба, а природа говорила съ ними и днемъ, и въ торжественную ночь тысячами голосовъ—и они не слышали ея.

Отъ Медменгема до красиваго Гомбльдонскаго шлюза рѣка исполнена мирной красоты, но за Голандомъ, совсѣмъ неинтересной лѣтней резиденціей моего редактора,—скромнаго, флегматичнаго стараго джентльмена, котораго вы часто можете встрѣтить въ здѣшнихъ мѣстахъ въ лѣтніе мѣсяцы бесѣдующимъ съ шлюзнымъ сторожемъ или въ лодкѣ усердствующимъ за веслами,—за Гриндландомъ мѣстность принимаетъ хмурый и суровый видъ.

Въ понедѣльникъ утромъ въ Марло мы встали довольно рано и передъ завтракомъ отправились купаться, а на обратномъ пути съ купанья Монморанси рѣшительно велъ себя свиньей. Единственный предметъ серьезныхъ разногласій между

мвою и Монморанси, — это кошки; я люблю кошекъ, Монморанси не любитъ ихъ.

Я, встрѣчая кошечку, говорю ей: „Кисенька, кисенька!“, наклоняюсь, щекочу за ушкомъ, и кошка выпрямляетъ хвостъ, выгибаетъ спину, тычется головой въ мои брюки; все происходитъ такъ мило и мирно. Встрѣчаетъ кошку Монморанси, — вся улица мигомъ оповѣщается объ этомъ, и въ какія-нибудь десять секундъ тутъ происходитъ нѣчто такое, что порядочный человѣкъ всю жизнь будетъ помнить.

Я не порицаю за это собаку (я ограничиваюсь обыкновенно тѣмъ, что колочу ее по головѣ или угощаю камнями), такъ какъ знаю, что это свойственно ея натурѣ. Фоксъ-террьеры заражены прирожденнымъ грѣхомъ вчетверо сильнѣе, чѣмъ остальные собаки, и только многіе годы терпѣливыхъ усилій со стороны пасъ, христіанъ, могутъ сколько-нибудь замѣтно умалить грубость природы фоксъ-террьера.

Помню, случилось мнѣ быть въ передней Геймаркета, гдѣ я засталъ цѣлую компанію собакъ, ожидавшихъ своихъ владѣльцевъ, которые торговали внутри зданія. Тутъ была большая дворняга, двѣ-три овчарки, сенъ-бернаръ, нѣсколько водолазовъ, гончая, французскій пудель съ обильной шевелюрой на головѣ, но съ шелудивымъ тѣломъ, бульдогъ, нѣсколько маленькихъ шпицовъ ростомъ съ крысу и пара іоркширскихъ собакъ.

Всѣ онѣ сидѣли и ждали терпѣливо, спокойно, глубокомысленно. Торжественное безмолвіе царствовало въ сѣняхъ. Духъ кротости и покорности судьбѣ, съ оттѣнкомъ тихой меланхоліи, носился въ воздухѣ.

Но вотъ явилась пріятная молодая леди съ маленькимъ и кроткимъ па видѣ фоксъ-террьеромъ, посадила его между бульдогомъ и пуделемъ, а сама ушла. Террьеръ усѣлся и посмотрѣлъ на своихъ сосѣдей; потомъ поднялъ глаза къ потолку и,

видимо, задумался о своей дорогой матери; затѣмъ залаялъ; потомъ оглянулся на другихъ собакъ—степенныхъ, важныхъ и молчаливыхъ. Посмотрѣлъ на бульдога, дремавшаго налѣво отъ него, потомъ на пуделя, сидѣвшаго въ гордой и высокомерной позѣ направо; потомъ, безъ всякаго предупрежденія, безъ всякаго намека на вызовъ, вшился пуделю въ ляшку—и мирныя дотогѣ сѣни огласились жалобнымъ воемъ.

Повидимому, результатъ этого перваго опыта показался ему удовлетворительнымъ, ибо онъ рѣшилъ продолжать въ томъ же духѣ. Онъ перескочилъ черезъ пуделя и атаковалъ одну изъ овчарокъ, тогда овчарка вскочила и вступила въ шумную и ожесточенную борьбу съ пуделемъ. Террьеръ между тѣмъ вернулся на свое мѣсто, схватилъ бульдога за ухо и потащилъ его вонъ, и бульдогъ—это удивительно безпристрастное животное—сталъ метаться рѣшительно на всѣхъ, не исключая швейцара, что дало возможность милому крошкѣ-террьеру затѣять, съ своей стороны, бой съ іоркширской собакой.

Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ собачьей натурой, пойметъ, что въ это время всѣ псы въ залѣ, начали борьбу не на животъ, а на смерть. Большіе дрались съ большими, маленькіе съ маленькими, а въ свободныя минуты маленькіе кусали большихъ за ноги.

Сѣни превратились въ настоящее сборище демоновъ; гвалтъ стоялъ ужасный. Снаружи собралась толпа; спрашивали, что это такое, не приходскій ли митингъ? А, если нѣтъ, то кого зарѣзали и почему? Сторожа сбѣжались съ палками и веревками разнимать собакъ; послали за полиціей.

Въ самый разгаръ этой суматохи явилась милая молодая леди, схватила своего милого крошкю-террьерера на руки (онъ ужъ оставилъ въ покоѣ іоркшира и сидѣлъ съ выраженіемъ новорожденного младенца), цѣловала его, спрашивала, не укусили

ли его большіе грубіяны, а онъ прижался къ ней и смотрѣлъ ей въ глаза, точно говорилъ: „О, какъ я радъ, что ты вернулась и избавишь меня отъ этой отвратительной сцены!“

Она бранила торгашей, которые приводятъ громадныхъ свирѣлыхъ псовъ въ такое мѣсто, гдѣ могутъ быть порядочныя собаки, и собиралась кому-то пожаловаться.

Такова натура фокс-терьеровъ; и потому я не считаю возможнымъ бранить Монморанси за его склонность ссориться съ кошками; но все-таки желалъ бы, чтобъ онъ удержался отъ ссоры въ это утро.

Какъ я уже сказалъ, мы возвращались съ купанья и встрѣтили на пути кошку, которая выскочила изъ какого-то дома и пустилась рысцей черезъ улицу. Монморанси испустилъ радостный вой—крикъ смѣлаго воина при видѣ непріятели, крикъ Кромвеля, когда онъ увидѣлъ шотландцевъ, спускающихся съ холма—и ринулся на свою добычу.

Его жертвой былъ большой черный котъ. Я всю свою жизнь не видалъ такого громаднаго кота съ такой подозрительной наружностью: у него не хватало половины хвоста, одного уха и значительной части носа.

Это было длинное, сухопарое, мускулистое животное. Физиономія его дышала спокойствіемъ и самодовольствомъ.

Монморанси устремился на бѣднаго кота съ быстротою двадцати миль въ часъ; но котъ не обнаружилъ никакой поспѣшности и, повидимому, не подозрѣвалъ, что жизнь его въ опасности. Онъ трусилъ себѣ рысцей, пока Монморанси не подлетѣлъ къ нему на разстояніи ярда; повернулся, сѣлъ посреди улицы и бросилъ на Монморанси ласковый, вопросительный взглядъ, говорившій: „Чѣмъ могу служить?“

Монморанси не трусь, но во взглядѣ кота было нѣчто такое, отъ чего дрогнуло бы сердце самаго

сѣлаго пса. Монморанси сразу остановился и устоялся на кота.

Оба молчали; но легко себѣ представить, какого рода разговоръ происходилъ между ними, пока они обмѣнивались взглядами.

Котъ. Что вамъ угодно?

Монморанси. Ничего, благодарю васъ.

Котъ. Пожалуйста, не стѣсняйтесь; я къ вашимъ услугамъ...

Монморанси (отступая). О, нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь, пожалуйста. Я... я, кажется, ошибся. Я принялъ васъ за своего знакомаго. Жалѣю, что потревожилъ васъ.

Котъ. Нисколько, сдѣлайте одолженіе. Но въ самомъ дѣлѣ, не могу ли я быть вамъ полезенъ?

Монморанси (продолжая пятиться). Нѣтъ, нѣтъ, благодарствуйте... вы очень любезны. До свиданія!

Котъ. До свиданія.

Затѣмъ котъ поднялся и потрусилъ дальше, а Монморанси, поджавъ хвостъ, вернулся къ намъ и занялъ скромную позицію въ аррьерградѣ.

Я увѣренъ, что если бы въ этотъ день вы обратились къ Монморанси со словомъ: „Кошки!“, онъ бросилъ бы на васъ жалостный взглядъ, какъ бы желая сказать: „Ахъ, нѣтъ, оставьте, пожалуйста!“.

Послѣ завтрака мы отправились по лавкамъ и запаслись провіантомъ на трое сутокъ. Джорджъ сказалъ, что мы должны купить овощей, такъ какъ обѣдъ безъ овощей вреденъ для здоровья.

Онъ увѣрялъ, что варить ихъ не составитъ никакого затрудненія и что онъ позаботится объ этомъ. Въ виду этого мы купили десять фунтовъ картофеля, мѣрку гороха и вочанъ кауусты. Купили также въ гостиницѣ паштетъ, два пирога съ вареньемъ, фруктовъ, булокъ, хлѣба, масла, пастилы, окорокъ, яицъ и другихъ припасовъ.

Отъѣздъ нашъ изъ Марло я считаю однимъ изъ крупнѣйшихъ нашихъ успѣховъ. Онъ былъ вву-

шителенъ и величественъ, безъ всякой рисовки, однако.

Во всѣхъ лавкахъ, куда мы ни заглядывали, мы добивались, чтобы покупки были отправлены съ нами немедленно. На насъ не дѣйствовали обѣщанія: „Будьте покойны, сэръ; мы сію же минуту пошлемъ съ мальчикомъ“, послѣ которыхъ приходится нѣсколько разъ возвращаться въ лавку и заводить ссору изъ-за того, что не шлютъ покупокъ. Мы дожидались, пока не увяжутъ корзину, и тащили мальчика съ собой.

Мы посѣтили много лавокъ, слѣдую все тому же принципу; и въ результатъ, когда мы покончили съ покупками, за нами слѣдовала цѣлая свора мальчиковъ съ корзинами, такъ что наше шествіе по Гайстриту къ рѣкѣ представляло внушительное зрѣлище, какое рѣдко удается видѣть жителямъ Марло.

Вотъ порядокъ слѣдованія процессіи:

Монморанси съ тросточкой въ зубахъ.

Подозрительнаго вида псы, пріатели Монморанси.

Джорджъ съ пледомъ и пальто и съ короткой трубкой въ зубахъ.

Гаррисъ съ чемоданомъ въ одной рукѣ и бутылкой лимоннаго сока въ другой, старающійся идти легко и граціозно.

Мальчикъ изъ зеленой лавки и мальчикъ изъ булочной съ покупками.

Слуга изъ гостиницы съ корзиной.

Мальчикъ изъ кондитерской съ коробкомъ.

Мальчикъ изъ колониальной лавки съ коробкомъ.

Собака съ длинной шерстью.

Мальчикъ изъ сырной лавки съ коробкомъ.

Непрезентабельный человѣкъ съ чемоданомъ.

Коллега непрезентабельнаго человѣка съ пустыми руками и коротенькой трубкой въ зубахъ.

Мальчикъ изъ фруктовой лавки съ коробкомъ.

Я съ тремя шлюпами и парой сапогъ, которыхъ точно какъ-будто не замѣчаю.

Шестеро мальчишекъ и четверо прибудныхъ собакъ.

Когда мы добрались до пристани, лодочникъ спросилъ:

— Вамъ что угодно, господа,—пароходикъ или барку?

И очень удивился, узнавъ, что намъ требуется лишь четырехвесельная лодка.

Намъ сильно надоѣдали пароходики въ это утро. Они то-и-дѣло мелькали рѣкѣ, то одни, то буксируя барки. Я ненавижу эти пароходики, какъ, по всей вѣроятности, и всякій, кто любитъ грести. Когда я гляжу на рѣчной пароходикъ, то чувствую желаніе завести его въ отдаленную часть рѣки и тамъ, въ тишинѣ и уединеніи, придушить.

Чванный видъ пароходика будитъ во мнѣ всѣ дурныя инстинкты я начинаю сожалѣть о добромъ старомъ времени, когда не стѣснялись расправляться со своими недругами топоромъ и стрѣлами. Фигура человѣка, который стоитъ на кормѣ, засунувъ руки въ карманы и покуривая сигару, сама по себѣ достаточно возмутительна, чтобы оправдать нарушеніе мира, а рѣзкій свистокъ, которымъ заставляютъ васъ убраться съ дороги, навѣрно, оправдалъ бы убійство въ глазахъ всѣхъ лодочниковъ.

Рискуя показаться хвастуномъ, скажу, что въ теченіе этой недѣли наша лодочка доставила пароходикамъ больше безпокойства, досады и непріятностей, чѣмъ всѣ остальные суда на рѣкѣ.

— Пароходъ!—кричитъ одинъ изъ насъ, завидѣвъ приближающагося врага, и мы моментально приготавливаемся къ встрѣчѣ. Я берусь за руль, Джорджъ и Гаррисъ садятся поближе ко мнѣ, всѣ мы поворачиваемся спиной къ пароходу, и лодка мирно покачивается посреди рѣки.

Пароходъ приближается, даетъ свистокъ. На

разстояніи сотни ярдовъ, видя, что наша лодка остается на мѣстѣ, онъ начинаетъ свистать, какъ сумасшедшій; пассажиры наклоняются надъ бортомъ и кричатъ намъ во всю глотку, но мы ихъ не слышимъ.

Гаррисъ рассказываетъ намъ анекдотъ о своей матушкѣ, и мы не хотимъ пропустить ни единого слова.

Наконецъ, пароходъ даетъ послѣдній свистокъ, такой оглушительный, что рискуеть лопнуть съ натуги и пойти ко дну; вся публика собралась къ борту, люди на берегу останавливаются и тоже кричатъ намъ, другія лодки вмѣшиваются въ дѣло, такъ что рѣка на нѣсколько миль вверхъ и внизъ по теченію приходитъ въ волненіе. Тогда Гаррисъ останавливается на самомъ интересномъ мѣстѣ, поднимаетъ голову съ выраженіемъ кроткаго удивленія и говоритъ Джорджу:

— Что это, Джорджъ, не пароходикъ ли?

А Джорджъ отвѣчаетъ:

— Да, знаете, я, кажется, тоже слышалъ, что то. Затѣмъ мы приходимъ въ волненіе и смущеніе. Начинаемъ поворачивать лодку, а публика на пароходѣ поучаетъ насъ:

— Держи правѣй... ты, олухъ, направо!.. Да нѣтъ, не вы... вовъ тотъ... Бросьте шнурокъ... Не туда! О, чтобъ васъ!..

Тогда они спускаютъ лодку и спѣшатъ къ намъ на помощь; спустя четверть часа, наша лодка отходитъ въ сторону, такъ что они могутъ продолжать путь, а мы благодаримъ ихъ за хлопоты и просимъ взять насъ на бурсиръ; но они не соглашаются.

Старья леди, непривычныя къ рѣкѣ, всегда пугаются пароходовъ. Помню, мнѣ случилось однажды плыть отъ Стэнса къ Виндзору—часть рѣки, особенно изобилующая этими механическими чудачами—въ обществѣ трехъ такихъ дамъ. Занятная была поѣздка! Лишь только показывался вдаль

пароходъ, какъ онѣ заставляли меня пристать къ берегу, выходили на землю и дожидались, пока онѣ не исчезнетъ изъ вида. Онѣ очень сожалѣли, что доставляютъ мнѣ столько безпокойства, но говорили, что ради своихъ семей не имѣютъ права рисковать жизнью.

У Гомбльдонскаго шлюза у насъ не хватило воды; мы взяли боченокъ и пошли къ сторожу.

Джорджъ велъ переговоры. Онѣ ласково улыбнулись и сказали:

— Нельзя ли у васъ достать водицы?

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ смотритель, — возьмите сколько вамъ нужно и оставьте остальное.

— Очень вамъ благодаренъ, — отвѣчалъ Джорджъ. Но... гдѣ же она у васъ?

— Все тамъ же, гдѣ была, любезнѣйшій, — былъ отвѣтъ, — за вашей спиной.

— Я не вижу ея, — отвѣчалъ Джорджъ, поворачиваясь.

— О, Богъ мой, да гдѣ же ваши глаза? — отвѣчалъ смотритель, указывая на рѣку. — Неужели вамъ мало этого?

— А, — воскликнулъ Джорджъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, — вы предлагаете для питья рѣку!

— Не всю, разумѣется; но вы можете выпить часть ея, — возразилъ старикъ. — Я пилъ изъ нею пятьдесятъ лѣтъ.

Джорджъ замѣтилъ, что внѣшній видъ старика, во всякомъ случаѣ, не говоритъ въ пользу рѣчной воды и что мы предпочли бы колодезную.

Мы нашли ее въ другомъ коттеджѣ. Я думаю, впрочемъ, что это тоже была рѣчная вода. Но мы не знали этого, и все обошлось благополучно. Чего глазъ не видитъ, того и желудокъ не чувствуетъ.

Однажды намъ пришлось попробовать рѣчную воду, но безъ особеннаго успѣха. Мы плыли внизъ по рѣкѣ и вздумали выпить чаю поблизости отъ Виндзора. Нашъ боченокъ былъ пустъ, такъ что

приходилось либо отказаться отъ чая, либо сварить его на рѣчной водѣ. Гаррисъ стоялъ за рѣчную воду. Онъ говорилъ, что ее можно вскипятить, и всѣ микробы будутъ убиты. Тогда мы наполнили чайникъ водой изъ Темзы и вскипятили ее.

Мы сварили чай, наполнили стаканы, усѣлись поудобнѣе, какъ вдругъ Джорджъ, уже подносившій стаканъ ко рту, остановился и сказалъ:

— Что это такое?

— Что такое?—воскликнули Гаррисъ и я.

— Что это за штука?—повторилъ Джорджъ, глядя на западъ.

Гаррисъ и я взглянули по указанному имъ направленію и увидѣли собаку, которая подплывала къ намъ, увлекаемая теченіемъ. Я еще не встрѣчалъ такой спокойной и глубокомысленной собаки. Я не видѣлъ собаки, которая имѣла бы такой самодовольный видъ. Она плыла, повернувшись на спину и задравъ кверху всѣ четыре ноги. Это была необычайно толстая собака, съ хорошо развитою грудью. Такъ она плыла, спокойная, ясная, торжественная, пока не поровнялась съ нашей лодкой, и не застряла въ тростникъ, рѣшившись, повидимому, провести тамъ ночь.

Джорджъ сказалъ, что не хочетъ чаю и выплеснулъ стаканъ въ рѣку. Гаррисъ замѣтилъ, что ему также не хочется пить, и послѣдовалъ примѣру Джорджа. Я выпилъ полстакана,—ахъ, лучше бы я его не пилъ!

Я спросилъ Джорджа, не угрожаетъ ли мнѣ тифъ.

Онъ отвѣчалъ: „О, нѣтъ!“

Онъ думалъ, что я, по всей вѣроятности, избѣгу его. Во всякомъ случаѣ, приходилось подождать сутки, чтобы убѣдиться, заболѣю я или нѣтъ.

Мы добрались до Варгрэвскаго шлюза. Небольшой каналъ съ правой стороны, на протяженіи нолумли, до Маршскаго шлюза—очень пріятное,

тѣнистое мѣстечко, да къ тому же сокращаетъ путь на полмили.

Разумѣется, входъ загороженъ сваями и цѣпями и украшенъ предостерегающими надписями, которыя угрожаютъ пытками, судомъ и казнью всякому, кто осмѣлится плавать по его водамъ. Я удивляюсь, что береговые владѣльцы не вздумали еще забрать въ свои руки воздухъ на рѣкѣ и наложить пеню въ сорокъ шиллинговъ на всякаго, кто осмѣлится дышать имъ. Но отъ свай и цѣпей нетрудно уберечься при нѣкоторой осторожности, а что касается надписей, то, если у васъ есть досугъ и по близости никого не видно, вы можете сорвать ихъ и побросать въ рѣку.

Немного выше плюва мы остановились, чтобы позавтракать, и во время этого завтрака я и Джорджъ испытали нешуточное потрясеніе.

Гаррисъ тоже испыталъ, но я думаю, что его потрясеніе не можетъ итти въ счетъ, если сравнивать съ нашимъ.

Вотъ какъ было дѣло: мы расположились на лугу, въ десяти ярдахъ отъ берега. Гаррисъ держалъ паштетъ между колѣнями и долженъ былъ разрѣзать его, а Джорджъ и я дожидались своей порціи.

— Нѣтъ ли у васъ ложки?—спросилъ Гаррисъ.— Ложкой удобнѣе подбирать начинку.

Мы съ Джорджемъ обернулись къ корзинѣ, она стояла позади насъ. Мы провозились съ ней не болѣе пяти секундъ. Когда мы обернулись къ Гаррису, онъ исчезъ вмѣстѣ съ паштетомъ.

Передъ нами разстилалось широкое, открытое поле. На сотни ярдовъ не было видно забора или рощицы. Онъ не могъ броситься въ рѣку, потому что она находилась позади насъ,—ему пришлось съ перескочить черезъ насъ.

Джорджъ и я съ изумленіемъ осмотрѣлись, потомъ уставились другъ на друга.

— Можетъ быть, его взяли живымъ на небо?—замѣтилъ я.

— Но въ такомъ случаѣ не взяли бы паштета,—возразилъ Джорджъ.

Возраженіе показалось мнѣ основательнымъ, и теорія насчетъ неба была оставлена.

— Вотъ, что я думаю,—сказалъ Джорджъ, переходя на реальную и практическую почву,—не поглотило ли его землетрясеніе?—И прибавилъ съ отгѣнкомъ меланхоліи:—и зачѣмъ онъ взялся рѣзать паштетъ!

Мы еще разъ обратили наши взоры на мѣсто, гдѣ сдѣлалъ Гаррисъ, и... кровь застыла у насъ въ жилахъ: надъ густымъ дерномъ показалась голова Гарриса—одна только голова, красная и съ выраженіемъ страшнаго пегодованія.

Первый опомнился Джорджъ:

— Говори,—крикнулъ онъ,—живъ ты или умеръ и гдѣ твое тѣло?

— Полно врать,—отвѣчала голова Гарриса,—я увѣренъ, что вы сдѣлали это нарочно.

— Что сдѣлали?—воскликнули Джорджъ и я.

— Посадили меня здѣсь, это просто подлость! Возьмите паштетъ!

И вотъ изъ нѣдръ земли—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось намъ—появился паштетъ въ очень жалкомъ видѣ, а за нимъ вылезъ Гаррисъ, грязный, мокрый и растрепанный.

Онъ, самъ того не зная, усѣлся на краю канавы, скрытой густой травой, и, подавшись немного назадъ, опрокинулся въ нее вмѣстѣ съ паштетомъ.

Онъ говорилъ, что еще ни разу въ жизни такъ не удивлялся, какъ въ тотъ моментъ, когда почувствовалъ, что летитъ неизвѣстно куда, прежде чѣмъ успѣлъ что-нибудь сообразить.

Гаррисъ до сихъ поръ думаетъ, что мы съ Джорджемъ умышленно подвели его.

Такъ недостойныя подозрѣнія обрушиваются на невинныхъ. Не даромъ поэтъ говоритъ: „Кто же избѣжитъ яда клеветы.“. Кто?

ГЛАВА XIV.

Варгрэвъ.—Восковыя фігуры.—Солнингъ.—Рагу по ирландски.—Битва Монморанси съ чайникомъ.—Музыкальныя упражненія Джорджа.—Его разочарованія.—Затрудненія, предстоящія любителю музыки.—Игра на волынкѣ.—Гаррисъ чувствуетъ себя скверно послѣ ужина.—Джорджъ и я уходимъ гулять. Возвращаемся мокрые и голодные.—Странное поведение Гарриса.—Замѣчательная исторія о Гаррисѣ и лебедяхъ.—Безпокойная ночь для Гарриса.

Послѣ завтрака подулъ попутный вѣтеръ, и мы очень комфортабельно плыли до Варгрэва и Скинлэка.

Облитый багрянцемъ угасающаго дня, Варгрэвъ, пріютившійся у изгиба рѣки, очень живописенъ и надолго остается въ памяти.

„Георгій, убивающій дракона“ въ Варгрэвѣ заслуживаетъ вниманія. Онъ изображенъ въ двухъ видахъ Лесли и Годгсономъ. Лесли нарисовалъ битву, Годгсонъ „Послѣ битвы“: Георгій, укокошивъ змѣя, прохлаждается кружкой пива.

Дэй, авторъ „Сандфорда и Мертонъ“, жилъ, и что еще болѣе придаетъ интересъ этому мѣстечку, былъ убитъ въ Варгрэвѣ. Въ церкви есть памятникъ м-съ Сарѣ Гилль, которая завѣщала одинъ фунтъ стерлинговъ ежегодно для выдачи двумъ мальчикамъ и двумъ дѣвочкамъ, которые никогда не нарушили долга повивовенія родителямъ; никогда не были уличены въ произнесеніи нехорошихъ словъ, во лжи, въ разбиваніи стеколъ. И все это изъ за пяти шиллинговъ въ годъ. Стоитъ хлопотать!

Въ городѣ ходитъ слухъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашелся мальчикъ, который никогда не нарушалъ ни одного изъ этихъ требованій, или по крайней мѣрѣ, его ни разу не могли ули-

читать въ этомъ, что, собственно, и требуется, и такимъ образомъ онъ удостоился награды. Потомъ его выставляли подъ стекломъ въ Тоунъ-Галлѣ въ теченіе трехъ недѣль.

Что потомъ сдѣлалось съ этими деньгами—никто не знаетъ. Говорятъ, будто онъ всегда наготовѣ для ближайшей выставки восковыхъ фигуръ.

Скиплэкъ очень милая деревушка, только ея не видно съ рѣки. Теннисонъ вѣнчался въ скиплэкской церкви.

Далѣе къ Сопнингу рѣка извивается между многочисленными островками и имѣетъ очень спокойный и пустынный видъ. На берегахъ почти не видно народа.

Эта часть рѣки особенно напоена воспоминаніями о минувшихъ дняхъ, объ исчезнувшихъ вещахъ, о событіяхъ, которыя могли бы совершиться, но не совершились.

Мы пристали къ берегу у Сопнинга и отправились погулять. Это—самая нарядная деревушка на Темзѣ. Она больше похожа на дачу, чѣмъ любое шале. Каждый домикъ обвитъ розами, напоявшими воздухъ благоуханіемъ. Если вамъ случится быть въ Сопнингѣ, сходите въ „Булль“, что за церковью. Это типичная старинная гостиница, съ низенькими комнатами, рѣшетчатыми окнами, опасными лѣстницами, длинными коридорами и зеленой квадратной лужайкой передъ подъездомъ, на которой по вечерамъ собираются старички и разсаживаются на скамейкахъ подъ деревьями выпить кружку пива и потолковать о деревенскихъ новостяхъ.

Мы бродили около Сопнинга болѣе часа, а затѣмъ, такъ какъ было слишкомъ поздно плыть въ Ридингъ, рѣшили пристать къ какому-нибудь изъ скиплэкскихъ острововъ и провести тамъ ночь.

Джорджъ предложилъ приготовить хорошій, плотный ужинъ, такъ какъ времени у насъ было достаточно. Онъ заявилъ, что намѣренъ показать

намъ, какъ нужно стряпать на рѣбѣ, и намекнулъ, что съ помощью картофеля, овощей, остатковъ холоднаго мяса и всякой другой дряни можно соорудить великолѣпнѣйшее рагу по-ирландски.

Эта мысль показалась намъ восхитительной. Джорджъ набралъ хворосту и зажегъ костеръ, а мы съ Гаррисомъ взялись чистить картофель. Я никогда не думалъ, что чистка картофеля—такое трудное дѣло. На дѣлѣ оказалось, что это самая кропотливая работа, какую только мнѣ случалось дѣлать. Мы принялись за нее съ веселымъ духомъ, почти что рѣзвясь, но наше легкомысленное веселье исчезло, прежде чѣмъ была очищена первая картофелина. Чѣмъ больше мы чистили, тѣмъ меньше оставалось матеріала для чистки, случалось, что послѣ того, какъ кожура была снята, у насъ оставался въ рукахъ почти микроскопическій кусочекъ картофеля. Джорджъ подошелъ и увидѣлъ картофелины величиной съ горошину.

— О, это совсѣмъ не годится,—сказалъ онъ.— Вы срѣзаете слишкомъ много. Нужно только скабливать кожуру.

Мы стали скоблить, но это оказалось еще труднѣе. У этихъ картофелинъ столько неровностей, бугровъ, ямочекъ. Мы работали двадцать пять минутъ самымъ усерднымъ образомъ и очистили всего четыре картофелины. Тогда мы наотрѣзъ отказались продолжать работу.

Не знаю работы, которая бы подвергла большому испытанію терпѣніе молодыхъ людей.

Мы возились съ картофелемъ до седьмого пота и очистили всего четыре штуки. Вотъ результатъ, котораго можно достигнуть путемъ экономіи и усердія.

Джорджъ сказалъ, что рагу по-ирландски нельзя приготовить изъ четырехъ картофелинъ; тогда мы вымыли еще съ поддюжины и положили ихъ въ кастрюлю въ мундирахъ. Мы прибавили туда ка-

пусты и стручковъ. Джорджъ перемѣшалъ все это и объявилъ, что теперь можно класть остальное; тогда мы выворотили корзины, перерыли все, что въ нихъ было, и всё остатки и объѣдки свалили туда же, въ рагу. Былъ тутъ кусокъ пирога со свиной, ломоть говядины—все это мы отправили въ кострюлю. Джорджъ отыскалъ жестянку съ остатками сосиски и опорожнилъ ее туда же.

Онъ замѣтилъ, что въ этомъ-то и заключается достоинство ирландскаго рагу: вы можете валить въ него всякую дрянь. Мнѣ попались подъ руку два раздавленныхъ яйца, я и ихъ сунулъ въ кострюлю. Джорджъ одобрилъ меня, замѣтивъ, что они пойдутъ на подливку.

Не помню, какіе еще ингредіенты вошли въ это блюдо; помню только, что Монморанси, наблюдавшій за нашими хлопотами съ достойнымъ и задумчивымъ видомъ, внезапно исчезъ и пять минутъ спустя явился съ дохлой водяной крысой въ зубахъ, которую и предоставилъ въ наше распоряженіе,—не знаю ужъ, серьезно или въ насмѣшку.

Мы стали обсуждать вопросъ, годится крыса для ирландскаго рагу или нѣтъ. Гаррисъ находилъ, что она будетъ очень кстати въ смѣси со всѣмъ остальнымъ; но Джорджъ ссылался на отсутствіе прецедента. Онъ никогда не слышалъ, что водяныя крысы входятъ въ составъ ирландскаго рагу, и находилъ, что намъ не стоитъ испытывать это нововведеніе.

Гаррисъ сказалъ:

— Если вы не будете дѣлать опытовъ, то какъ же оцѣните достоинство новыхъ изобрѣтеній? Кому же, какъ не намъ, работать для прогресса? Вспомните о томъ, кто впервые испыталъ нѣмецкія сосиски?

Ирландское рагу удалось какъ нельзя лучше. Не помню блюда, которое бы доставляло мнѣ такое удовольствіе. Было въ немъ нѣчто фдкое и пикантное. Вкусъ утомляется старыми привычны-

ми блюдами, а тутъ къ нашимъ услугамъ было блюдо, совершенно особеннаго, ни на что непохожаго вкуса.

Сверхъ того, оно оказалось очень питательнымъ. Въ немъ было много всякаго добра, какъ замѣтилъ Гаррисъ. Горохъ и картофель могли бы быть помягче, но у васъ хорошіе зубы, такъ что все обошлось благополучно. Что касается подливки, то это была цѣлая поэма, быть можетъ, слишкомъ богатая содержаніемъ для слабаго желудка, но зато питательная.

Мы завершили ужинъ чаемъ и пирожками съ вишневымъ вареньемъ. Тѣмъ временемъ Монморанси занялся чайникомъ и испыталъ большую непріятность.

Въ теченіе всей поѣздки чайникъ, видимо, возбуждалъ его любопытство. Онъ садился и смотрѣлъ на него, пока тотъ не закипалъ, и время отъ времени поощрялъ его лаемъ. Когда, наконецъ, чайникъ начиналъ шипѣть и бурлить, Монморанси принималъ это за вызовъ и однажды хотѣлъ даже вступить въ битву со своимъ врагомъ, но въ эту минуту кто-то изъ насъ снялъ чайникъ и такимъ образомъ унесъ добычу изъ-подъ его носа.

Въ этотъ день онъ рѣшился предупредить насъ. Лишь только чайникъ началъ бурлить и подпрыгивать, онъ всталъ, зарычалъ и направился къ нему съ угрожающимъ видомъ. Но чайникъ былъ хоть малъ, да удалъ, и продолжалъ подпрыгивать и бурлить, какъ ни въ чемъ не бывало.

— А, вотъ ты какъ!—зарычалъ Монморанси, оскаливъ зубы,—я научу тебя, какъ нужно относиться къ почтенному, трудолюбивому ису,—длинноногая, жалкая, несчастная носудина! Я тебѣ задамъ!

Съ этимъ рычагемъ онъ бросился на бѣдный маленькій чайникъ и схватилъ его за крышку.

Въ то же мгновеніе отчаянный визгъ раздался среди вечерней тишины, и Монморанси, выскочивъ

изъ лодки, трижды обѣжалъ островокъ съ быстрою тридцати пяти миль въ часъ, останавливаясь на мгновеніе и тыкаясь носомъ въ холодный иль.

Съ этого вечера Монморанси сталъ относиться къ чайнику съ недоувѣріемъ, страхомъ и ненавистью. Увидѣвъ его, онъ начиналъ лаять и пятиться, поджавъ хвостъ, а когда чайникъ ставили на огонь, выскакивалъ изъ лодки и дожидался на берегу, пока не кончится чаеніе.

Послѣ ужина Джорджъ досталъ балалайку и хотѣлъ поиграть; но Гаррисъ запротестовалъ, заявивъ, что у него болитъ голова и что онъ не въ силахъ слушать музыку. Джорджъ отвѣчалъ, что хорошая музыка успокаиваетъ нервы и можетъ облегчить головную боль, и взялъ нѣсколько аккордовъ собственно для примѣра.

Гаррисъ сказалъ, что предпочитаетъ головную боль.

Джорджъ такъ и не выучился играть. Онъ встрѣтилъ слишкомъ много затрудненій. Въ началѣ плаванія онъ упражнялся въ этомъ искусствѣ по вечерамъ. Но отзывы Гарриса могли бы обезкуражить самаго рѣшительнаго человѣка, да и Монморанси принимался выть, лишь только Джорджъ брался за свой инструментъ.

— Ну, что ты воешь, когда я играю?—съ негодованіемъ восклицалъ Джорджъ, запуская въ него сапогомъ.

— Ну, что вы играете, когда онъ воетъ?—возражалъ Гаррисъ, подхватывая сапогъ на лету.— Оставьте его въ покоѣ. Онъ не можетъ не выть. У него музыкальное ухо, и ваша игра заставляеть его выть.

Въ концѣ-концовъ Джорджъ рѣшилъ отложить свои музыкальныя упражненія до возвращенія домой. Но и дома не было ему удачи. Мистриссъ Поцетсъ всякій разъ являлась къ нему и говорила, что, къ ея великому сожалѣнію,—сама она была бы очень рада послушать его игру—музыка

можетъ повредить леди, которая проживаетъ въ верхнемъ этажѣ и находится въ интересномъ положеніи.

Тогда Джорджъ рѣшилъ ходить по вечерамъ въ скверъ и тамъ упражняться въ игрѣ. Но сосѣди пожаловались въ полицію, и сторожъ захватилъ Джорджа на мѣстѣ преступленія, послѣ чего его обязали подпиской не нарушать общественной тишины въ теченіе шести мѣсяцевъ.

Это совершенно обезкуражило его. По истеченіи шести мѣсяцевъ онъ еще раза два-три пытался возобновить свои упражненія, но всякій разъ встрѣчалъ ту же холодность, тотъ же недостатокъ симпатіи со стороны свѣта и въ концѣ концовъ, придя въ отчаяніе, продалъ свой инструментъ по дешевой цѣнѣ.

Вообще, кажется, не легкое дѣло обучиться игрѣ на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ. Вы, можетъ быть, думаете, что общество, ради собственной пользы, окажетъ всяческое содѣйствіе человѣку, который желаетъ выучиться игрѣ. Какъ бы не такъ!

Я зналъ одного молодого человѣка, который вздумалъ обучаться игрѣ на волынкѣ, и вы представить себѣ не можете, какую страшную оппозицію встрѣтилъ онъ въ окружающей средѣ. Даже со стороны членовъ своего семейства не встрѣтилъ онъ дѣятельной поддержки. Отецъ его съ самаго начала возсталъ противъ игры на волынкѣ и отзывался объ упражненіяхъ сына въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ.

Мой пріятель вставалъ рано утромъ и принимался за волынку, но долженъ былъ отказаться отъ этого по милости родной сестры. Она была религіозная особа и увѣряла, будто грѣшно начинать день такими занятіями.

Тогда онъ сталъ играть по ночамъ, послѣ того, какъ домашніе улягутся въ постель; но и это ни къ чему не привело, такъ какъ доставило дому дур-

ную славу. Запоздавшие прохожие останавливались у подъезда, прислушивались, и утром разносили по всему городу вѣсть, что въ домѣ мистера Джефферсона произошло пынче ночью кровавое убійство, что они сами слышали отчаянныя вопли убиваемаго, грубыя ругательства и проклятiя убійцы, за которыми слѣдовали мольбы о пощадѣ и послѣднее хрипѣнiе жертвы.

Пришлось ему заниматься волынкой днемъ въ кухнѣ, при закрытыхъ дверяхъ и окнахъ; тѣмъ не менѣе, лучшiя пассажи его музыки доносились даже до гостиной, несмотря на всѣ предосторожности, и доводили его матушку просто-таки до слезъ.

Она увѣряла, что эти звуки приводятъ ей на память покойнаго отца (онъ, бѣдняга, былъ проглоченъ акулой, купаясь у береговъ Новой Гвинен; но какое отношенiе имѣло это трагическое происшествiе къ волынкѣ—она не могла объяснить).

Наконецъ, ему отвели бесѣдку въ саду, на четверть мили отъ дома, куда онъ и отправлялся со своимъ инструментомъ, когда хотѣлъ поиграть. Случалось, что какой-нибудь гость, не знавшiй объ этомъ обстоятельстве, выходилъ въ садъ погулять, и внезапно его слухъ поражался звуками волынки. Людей мужественныхъ они только приводили въ возбужденное состоянiе, но болѣе слабонервные люди доходили почти до изступленiя.

Надо сознаться, игра начинающаго любителя на волынкѣ имѣетъ особенно непрiятныя стороны. Я самъ убѣдился въ этомъ, слушая моего молодого друга.

Онъ начиналъ великолѣпной, дикой, могучей, виновственной нотой, напоминавшей боевой крикъ. Но мало-по-малу она становилась все жалобнѣе и жалобнѣе и, наконецъ, завершалась какимъ-то пискомъ и хрипѣнiемъ.

Нужно обладать хорошимъ здоровьемъ, что-бы играть на волынкѣ.

Юный Джефферсонъ умѣетъ играть на волынкѣ только одну арію, но я никогда ни отъ кого не слыхалъ жалобъ на однообразіе его репертуара. Это какъ онъ увѣряетъ, арія „Комибели идутъ, ура, ура!“, хотя отецъ его утверждаетъ, что это „Голубые колокола Шотландіи“. Никто, повидимому, не знаетъ навѣрняка, что это такое, но всѣ согласны, что арія шотландская.

Гаррисъ былъ несносенъ послѣ ужина, — кажется, благодаря рагу: онъ не привыкъ къ такимъ тонкимъ блюдамъ, — и потому мы съ Джорджемъ рѣшили сходить въ Генли. Гаррисъ сказалъ, что выпьетъ стаканчикъ виски и выкурить трубку, а потомъ устроится на ночлегъ. Мы должны были крикнуть ему, когда вернемся, чтобы онъ привѣхалъ за нами и перевезъ насъ на островокъ.

→ Только не вздумайте заснуть, старина, — сказали мы, уходя.

— Заснешь тутъ, какъ же, послѣ этого рагу, — проворчалъ онъ и отчалилъ къ островку.

Генли готовился къ гонкамъ и былъ очень оживленъ. Мы встрѣтили тамъ кучу знакомыхъ и провели время въ очень пріятной компаніи. Было уже одиннадцать часовъ, когда мы отправились домой: такъ называли мы теперь нашу лодку.

Ночь была темная и холодная; моросилъ мелкій дождикъ. Мы шли по безмолвнымъ, потемнѣвшимъ полямъ, и толковали вполголоса, спрашивая другъ друга, туда ли мы идемъ; вспомнили объ уютной лодкѣ, гдѣ яркій огонекъ свѣтится подъ плотно натянутой парусиной, о Гаррисѣ и Монморанси, о виски, и страстно желали поскорѣе быть на мѣстѣ.

Намъ рисовалась картина рѣчки, одѣтой туманомъ, неясные силуэты деревьевъ, а подъ ними, точно гигантскій свѣтлякъ, наша милая старая лодка, теплая, уютная, веселая, а въ ней мы сами, усталые и съ хорошимъ аппетитомъ. Мы сплывемъ за ужиномъ, нарѣзаемъ холодное мясо, передаемъ

другъ другу хлѣбъ; веселый звонъ ножей, смѣющиеся голоса оглашаютъ тѣсное пространство, вырываясь наружу севозъ входное отверстіе. Мы ускоряли шаги, представляя себѣ все это.

Наконецъ, мы добрались до бечевника и очень обрадовались, такъ какъ не знали навѣрное, идемъ ли мы къ рѣкѣ или удаляется отъ нея, а такого рода сомнѣнія крайне неприятны для усталыхъ людей, которые мечтаютъ о постели.

Когда мы проходили черезъ Шиплэкъ, колоколь возвѣстилъ четверть двѣнадцатаго, и Джорджъ спросилъ задумчиво:

— Вы не помните, на какомъ именно островѣ онъ остановился?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, тоже задумываясь,—не помню. А сколько ихъ всѣхъ?

— Только четыре,—отвѣтилъ Джорджъ.—Хорошо, если онъ не спитъ.

— А если спитъ?—замѣтилъ я; но мы тотчасъ отказались отъ этой мысли.

Мы крикнули у перваго острова, но отвѣта не было; отправились ко второму, — тотъ же результатъ.

— О, теперь я вспомнилъ,—сказалъ Джорджъ,—онъ остановился на третьемъ!

Окрыленные надеждой, мы устремились къ третьему и закричали во всю глотку.

Нѣтъ отвѣта.

Дѣло принимало нешуточный оборотъ. Было уже за полночь. Гостиницы въ Генли и Шиплэкѣ биткомъ набиты, а будить мирныхъ обывателей и спрашивать, не сдаются ли у нихъ комнаты въ наймы, не приходилось. Джорджъ предложилъ вернуться въ Генли, напасть на полицмана и такимъ образомъ переночевать въ участкѣ. Но тутъ явилось такого рода соображеніе: а что если онъ позоветъ сторожей, прогонитъ насъ и все-таки не захочетъ тащить въ участокъ? Нельзя же цѣлую ночь колотить полицменовъ. Къ тому же за та-

кую штуку придется потомъ отсидѣть полгода подѣ арестомъ.

Мы тщетно отыскивали четвертый островъ. Дождь между тѣмъ усилился и, повидимому зарядилъ надолго. Мы промокли до костей, озябли и раскисли. Мы ужъ не могли сообразить, сколько тутъ острововъ, да и есть ли вообще острова, или мы находимся за милю отъ того мѣста, гдѣ намъ слѣдуетъ находиться.—быть можетъ, согрѣмъ въ другой части рѣки. Въ ночной темнотѣ всѣ предметы казались такими странными и незнакомыми. Мы начали понимать страданія мальчика съ пальчика въ лѣсу.

Въ ту самую минуту, когда мы начинали терять послѣдній лучъ надежды... Я знаю, что именно въ эту минуту случаются необычныя вещи въ сказкахъ и легендахъ; но что прикажете дѣлать? Взявшись за перо, чтобы писать эту книгу, я рѣшилъ сообщать правду, только правду, и намѣренъ держаться этого правила, хотя бы мнѣ пришлось употреблять избитыя фразы.

Это случилось въ ту самую минуту, когда мы начинали терять послѣднюю надежду, и я долженъ констатировать этотъ фактъ. Такъ вотъ, въ ту самую минуту, когда мы начинали терять послѣднюю надежду, я замѣтилъ слабый, мерцающій свѣтъ между деревьями, на противоположномъ берегу. Въ первую минуту я подумалъ о духахъ: свѣтъ былъ такой странный, какъ бы сверхъестественный; но затѣмъ мгновенно сообразилъ, что онъ исходитъ изъ нашей лодки, и испустилъ такой оглушительный крикъ, что сама ночь содрогнулась на своемъ ложѣ.

Съ минутой мы ожидали, затаявъ дыханіе, и вдругъ—о, божественная музыка!—улышались отвѣтный лай Монморанси. Мы принялись орать съ такимъ усердіемъ, что могли бы разбудить двѣнадцать спящихъ дѣвъ,—я не знаю, впрочемъ, почему двѣнадцать дѣвъ трудное разбудить, чѣмъ

одну,—и через нѣсколько времени увидѣли освѣщенную лодку, медленно направлявшуюся къ намъ и слышали сонный голосъ Гарриса, спрашивавшій, гдѣ мы.

Гаррисъ былъ въ самомъ странномъ состояніи. Повидимому, онъ совсѣмъ изнемогъ отъ усталости. Онъ подѣхалъ къ такому мѣсту, откуда невозможно было войти въ лодку, и тотчасъ заснулъ. Намъ стоило не мало брани и криковъ разбудить его и привести въ чувство; однако, въ концѣ концовъ это удалось, и мы благополучно усѣлись въ лодку.

Видъ у Гарриса былъ самый плачевный. Казалось, съ нимъ приключилось что-то неладное. Мы спросили его, въ чемъ дѣло, и онъ промямлилъ:

— Лебеди!

Оказалось, что онъ наткнулся на лебединое гнѣздо, и вскорѣ послѣ того, какъ мы съ Джорджемъ ушли, вернулась самка и бросилась на него. Гаррисъ, однако, прогналъ ее; тогда она полетѣла за самцомъ. Ему пришлося выдержать настоящую битву съ двумя лебедами; однако, мужество и сила одержали верхъ, и онъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ.

Полчаса спустя они вернулись съ восемнадцатью другими лебедами.

Начался, насколько мы могли понять изъ его разсказа, отчаянный бой. Лебеди хотѣли выбросить его и Мюнморанси изъ лодки и утопить; но онъ дрался, какъ герой, добрыхъ четыре часа, перебилъ ихъ всѣхъ, и они улетѣли умирать.

— Сколько, вы сказали, было лебедей? — спросилъ Джорджъ.

— Сорокъ два, — отвѣчалъ Гаррисъ соннымъ голосомъ.

— Вы только что говорили восемнадцать, — возразилъ Джорджъ.

— Вздоръ, — проворчалъ Гаррисъ, — я сказалъ двѣнадцать. Что вы думаете, не умѣю считать я?

Мы такъ и не могли добиться правды насчетъ этихъ двѣнадцати лебедей. Утромъ, когда мы спросили Гарриса объ этомъ, онъ отвѣчалъ: „Какіе лебеди?“ и увѣрялъ, что я съ Джорджемъ видѣли ихъ во всѣ.

Какъ хорошо и отрадно было намъ въ лодкѣ послѣ всѣхъ тревоженій и безпокойствъ! Мы поужинали вполтную,—Джорджъ и я,—а затѣмъ стали отыскивать виски, но не нашли и признаковъ его. Мы спросили у Гарриса, куда онъ дѣвалъ его, но тотъ, повидимому, не понималъ, что такое „виски“. Монморанси посматривалъ такъ, какъ будто зналъ кое-что, да не хотѣлъ говорить.

Я отлично спалъ въ эту ночь, и спалъ бы еще лучше, если бы не Гаррисъ. Я смутно припоминаю, что просыпался разъ десять по милости Гарриса, отыскивавшего свою одежду. И надоевъ же онъ намъ съ этой одеждою!

Раза два онъ будилъ Джорджа и меня, спрашивая, гдѣ его брюки. На второй разъ Джорджъ просто остервенился.

— На какого дьявола понадобились вамъ брюки ночью?—спросилъ онъ съ негодованіемъ.—Ложитесь и спите, да оставьте насъ въ покоѣ.

Когда я въ другой разъ проснулся, Гаррисъ разыскивалъ свои носки; а послѣднимъ моимъ воспоминаніемъ было, что Гаррисъ поворачиваетъ меня на бокъ, спрашивая, куда дѣвался его зонтикъ.

ГЛАВА XV.

Домашнія обязанности.—Любовь къ труду.—Скептицизмъ молодого поколѣнія.—Воспоминаніе о греблѣ.—Упраженія на плоту.—Методъ стараго лодчика.—Его спокойствіе.—Начинающій.—Упраженіе съ шестомъ.—Удовольствія дружбы.—Мой первый опытъ плаванья съ парусомъ.—Вѣроятная причина, по которой мы не утонули.

Мы проснулись поздно и, согласно требованію Гарриса, принялись готовить завтракъ „безъ вся-

нихъ причудъ". Затѣмъ мы принялись за уборку и чистку, привели все въ порядокъ (кропотливая работа, благодаря которой я могъ довольно опредѣленно отвѣтить на часто возникавшій у меня вопросъ: какъ убиваетъ время женщина, на рукахъ у которой имѣется всего-на-всего одно хозяйство) и около десяти часовъ тронулись въ путь.

Для разнообразія мы рѣшили идти на веслахъ: надобно двигаться бечевой. Гаррисъ предложилъ распределить работу такимъ образомъ: я и Джорджъ будемъ грести, а онъ править рулемъ. Мнѣ вовсе не понравилось это предложеніе, и я сказалъ, что со стороны Гарриса было бы гораздо достойнѣе приняться за греблю вмѣстѣ съ Джорджемъ, а меня оставить въ покоѣ. Мнѣ вазалось, что я уже слишкомъ достаточно поработалъ въ это плаваніе, и я начиналъ серьезно подумывать объ отдыхѣ.

Мнѣ всегда кажется, что я слишкомъ много работаю. Не то, чтобы я имѣлъ что-нибудь противъ работы, я люблю работу, она просто восхищаетъ меня. Я могу сидѣть сложа руки и любоваться ею по цѣлымъ часамъ. Я хотѣлъ бы удерживать ее при себѣ какъ можно дольше: мысль о томъ, что придется разстаться съ нею, просто сокрушаетъ меня.

Давайте мнѣ какъ можно больше работы; моя страсть—копить у себя работу; мой кабинетъ заваленъ ею до того, что не осталось мѣстечка свободнаго. Скоро я не въ состояніи буду разобрать-ся въ ней.

Я отношусь къ работѣ очень бережно. Есть, на примѣръ, въ моемъ кабинетѣ работы, заказанныя уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—и вы не найдете на нихъ ни единой помѣтки. Я горжусь своей работой, берегу ее, сдуваю съ нея пыль. Врядъ ли найдется человѣкъ, который бы такъ заботливо относился къ своей работѣ, какъ я.

Но при всей моей страсти къ ней, я люблю

справедливость. Я желаю дѣлать только то, что приходится на мою долю.

Гѣмъ не менѣе, на мою долю достается всегда больше, чѣмъ слѣдуетъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется,—и это огорчаетъ меня.

Джорджъ говоритъ, что, по его мнѣнію, мнѣ нечего беспокоиться на этотъ счетъ. Онъ приписываетъ моей черезчуръ добросовѣстной натурѣ постоянное безпокойство насчетъ излишней работы, которую я беру на себя, при чемъ увѣряетъ, что, вообще говоря, я не дѣлаю и половины того, что долженъ былъ бы дѣлать. Но я думаю, что онъ говоритъ такъ только для моего утѣшенія.

Въ люди я всегда замѣчалъ, что каждый изъ присутствующихъ помѣщанъ на томъ, будто на немъ лежитъ вся работа. Гаррисъ увѣренъ, что онъ одинъ работаетъ, а мы съ Джорджемъ бьемъ баклуши. Джорджъ, съ своей стороны, утверждаетъ, будто Гаррисъ только спитъ да ѣсть, а всю работу, достойную этого названія, продѣлываетъ онъ, Джорджъ.

Онъ говоритъ, что ему никогда еще не пришлось имѣть дѣло съ такими лѣнивыми чурбанами, какъ я и Гаррисъ.

Гаррисъ потѣшается надъ этимъ.

— Какъ вамъ это нравится? Старикашка Джорджъ толкуетъ о работѣ,—говоритъ онъ.—Да полчаса работы убьетъ его! Видали вы когда-нибудь Джорджа за работой?—обращается онъ ко мнѣ.

Я соглашаюсь съ Гаррисомъ, что никогда не видалъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нынѣшней поѣздки.

— Не в а м ъ бы говорить!—возражаетъ Джорджъ Гаррису.—Мудрено вамъ было видѣть меня за работой, когда вы почти все время спали. Видѣли вы Гарриса вполнѣ проснувшимся когда-нибудь, кромѣ какъ за обѣдомъ?—адресуется онъ ко мнѣ.

Любовь къ истинѣ заставляетъ меня поддерживать

Джорджа. Отъ Гарриса дѣйствительно было немного прока съ самаго начала.

— Ну, ужъ во всякомъ случаѣ я работалъ больше, чѣмъ старикашка Джеромъ,—объявляетъ Гаррисъ.

— Да, и мудро было бы работать меньше,—подхватываетъ Джорджъ.

— Джеромъ, кажется, считаетъ себя пассажиромъ,—продолжаетъ Гаррисъ.

Вотъ ихъ благодарность за то, что я тащилъ ихъ и эту проклятую старую лодку отъ самаго Квингстона, все для нихъ устраивалъ, заботился о нихъ, надрывался для нихъ. Таковъ свѣтъ!

На этотъ разъ мы порѣшили, что Гаррисъ и Джорджъ будутъ грести, пока не доберемся до Ридинга, а оттуда я потащу лодку бечевой. Гребля противъ сильнаго теченія не соблазняетъ меня теперь. Было время, когда я радовался этой тяжелой работѣ; теперь предоставляю ее болѣе молодымъ.

Я замѣчалъ, что всѣ старые гребцы поступаютъ такъ же. Вы сразу можете узнать стараго гребца, видя, какъ онъ покойно укладывается на днѣ лодки, поощряя другихъ разсказами о своихъ удивительныхъ подвигахъ въ прошлогоднѣй сезонъ.

— Такъ это, по-вашему, тяжелая работа,—хватается онъ, попыхивая сигарой и обращаясь къ двумъ изнемогающимъ отъ усталости новичкамъ, которые гребли противъ теченія битыхъ полтора часа,—посмотрѣли бы вы, какъ работали Джимъ Бигглсъ, Джекъ и я въ прошломъ году. Мы въ одинъ вечеръ проплыли отъ Марло до Горинга, ни разу не останавливаясь. Помнишь, Джекъ?

Джекъ, устроившій себѣ постель на носу изъ всѣхъ пледовъ и пальто, какіе только попались ему подъ руку, и мирно дремавшій въ теченіе послѣднихъ двухъ часовъ, пробуждается при этомъ напоминаніи и прибавляетъ, что тогда былъ ужасно сильный противный вѣтеръ.

— Вѣдь это будетъ миль тридцать пять,—замѣ-

чаетъ первый рассказчикъ, доставая другую подушку и подкладывая ее подъ голову.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты преувеличиваешь, Томъ,—съ упрекомъ бормочетъ Джэкъ,—самое большее тридцать три.

Затѣмъ Томъ и Джэкъ, совершенно истомленные разговоромъ, снова начинаютъ дремать. А простодушные юнцы положительно готовы гордиться, что удостоились грести за такихъ мастеровъ этого дѣла, какъ Томъ и Джэкъ, и сильнѣе налегаютъ на весла.

Когда я былъ молодымъ человѣкомъ, я жадно слушалъ подобныя рассказы, вѣрилъ каждому слову и моталъ себѣ на усы; но нынѣшнее поколѣнiе, пѣвидимому, утратило наивную вѣру старыхъ временъ. Мы—Джорджъ, Гаррисъ и я—плыли какъ-то разъ въ прошлый сезонъ съ такимъ юнцомъ и, какъ водится, старались втереть ему очки рассказами о своихъ чудесныхъ подвигахъ.

Мы рассказали обычные, освященные временемъ анекдоты, повторяемые каждымъ ветераномъ гребли, и сверхъ того, семь оригинальныхъ, лично нами сочиненныхъ для этого случая, изъ коихъ одинъ даже опирался на три дѣйствительныхъ эпизода, случившіеся въ разное время съ нашими друзьями. Этой послѣдней исторiи даже ребенокъ могъ бы повѣрить безъ обиды для себя.

А молодой человѣкъ не вѣрилъ ни одной, подсмѣивался надъ нами и предлагалъ биться объ закладъ, что мы ничего такого не дѣлали.

Въ это утро мы вспоминали о своихъ первыхъ упражненiяхъ въ греблѣ. Мое первое воспоминаiе заключается въ томъ, что мы впятеромъ начинаемъ въ складчину, по три пенса съ cadaго, удивительной постройки посудину на озерѣ въ Реджентъ-Паркъ.

Получивъ такимъ образомъ вкусъ къ родѣ, я принялся за упражненiя въ плаванiи на плоткахъ у кирпичныхъ заводовъ въ окрестностяхъ города,—

упражненія, представляющія много интереса и тревоженій, въ особенности, когда на берегу появляется владѣлецъ матеріала, изъ котораго сдѣлавъ плотъ, съ толстою палкой въ рукахъ.

При видѣ этого джентльмена вы чувствуете, что вамъ не слѣдуетъ встрѣчаться и разговаривать съ нимъ, и что лучше всего уклониться отъ встрѣчи, если только это возможно сдѣлать, не показавшись невѣжливымъ; поэтому вы стараетесь какъ можно скорѣе пристать къ противоположной сторонѣ пруда и улепетнуть домой, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаете его. Онъ, напротивъ, во что бы то ни стало, желаетъ пожать вамъ руку и побесѣдовать съ вами.

Повидимому, онъ хорошо знаетъ вашего отца и близко знакомъ и съ вами, но это огнюдь не привлекаетъ васъ къ нему. Онъ говоритъ, что научить васъ дѣлать плоты изъ его досокъ, но такъ какъ вы уже хорошо ознакомились съ этимъ дѣломъ, то не находите возможнымъ принять это любезное приглашеніе, не желая затруднять его.

Ваша холодность не можетъ, однако, охладить его пылаго желанія поближе познакомиться съ вами; усердіе, съ которымъ онъ старается встрѣтить васъ, когда вы будете выходить на берегъ, положительно лестно для васъ.

Если это грузный и неповоротливый джентльменъ, вамъ не трудно уклониться отъ его любезностей, но если вы имѣете дѣло съ молодымъ и длинноногимъ человѣкомъ,—встрѣча становится неизбежной. Въ такомъ случаѣ происходитъ разговоръ, во всякомъ случаѣ крайне непродолжительный, при чемъ говорите главнымъ образомъ вы, изъясняясь односложными восклицаніями и междометіями, и при первой возможности удираете.

Я практиковался такимъ образомъ мѣсяца три а затѣмъ счелъ возможнымъ приняться за настоящую греблю и записался въ рѣчной клубъ на рѣкѣ Ли.

Плаванье на рѣкѣ Ли, особенно въ субботу подъ вечерь, скоро научить васъ управлять лодкой, ловко лавировать между другими судами и барками, быстро и граціозно бросаться на дно лодки, когда бечева угрожаетъ сбросить васъ въ воду.

Но оно не дастъ вамъ стиля. Только Темза можетъ дать стиль. Моему стилю гребли теперь всѣ удивляются. Его находятъ изящнымъ.

Джорджъ не брался за весла до шестнадцати лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ онъ и еще восемь джентльменовъ отправились однажды въ субботу въ Кью, намѣреваясь нанять тамъ лодку и съѣздить въ Ричмондъ и обратно; одинъ изъ нихъ, довольно придурковатый молодой человекъ, по имени Джоскинъ, которому случилось раза два кататься въ лодкѣ по Серпентайну, увѣрилъ ихъ, что грести очень легко и весело.

Когда они явились на мѣсто, приливъ отступалъ довольно быстро и дулъ сильный вѣтеръ, но это ихъ нисколько не смутило.

На берегу лежала восьмивесельная шлюпка; она имъ очень понравилась. Они заявили, что хотятъ отправиться на ней. Хозяина не было дома; случился только его помощникъ, мальчикъ. Мальчикъ попытался охладить ихъ пылъ; указалъ имъ нѣсколько обыкновенныхъ небольшихъ лодокъ для катанья; но они и слышать ничего не хотѣли, такъ понравилась имъ шлюпка.

Въ концѣ концовъ она была спущена и компанія стала усаживаться. Мальчикъ замѣтилъ, что Джорджу, который уже тогда отличался внушительными размѣрами, слѣдуетъ быть номеромъ четвертымъ.

Джорджъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ быть номеромъ четвертымъ, и живо усѣлся на мѣсто рулевого, обернувшись лицомъ къ кормѣ. Однако, его водворили на надлежащее мѣсто, а затѣмъ усѣлись и остальные.

Правильно поручили крайне нервному парню, и Джоскинсъ объяснилъ ему, какъ нужно дѣйствовать рулемъ. Самъ онъ взялся за весла и сказалъ другимъ, что грести вовсе не трудно: пусть только они дѣлаютъ то же, что онъ.

Наконецъ, все было готово, и мальчикъ оттолкнулъ лодку багромъ.

Что за тѣмъ послѣдовало, Джорджъ не могъ рассказать подробно. У него осталось только смутное воспоминаніе, что тотчасъ по отплытіи онъ получилъ сильный ударъ въ затылокъ рукояткой весла номера пятого, и въ ту же минуту, точно по волшебству, сидѣнье исчезло изъ-подъ него, и онъ очутился на днѣ лодки. Онъ запомнилъ также, какъ курьезную деталь, что номеръ второй оказался тоже на днѣ лодки, гдѣ лежалъ на спинѣ, задравъ ноги кверху.

Они понеслись подъ Кьюсскій мостъ съ быстрою восьми миль въ часъ. Гребъ только Джоскинсъ. Джорджъ, снова усѣвшися на мѣсто, попытался было помочь ему, но лишь только онъ опустилъ весло въ воду, какъ оно, къ величайшему его изумленію, исчезло подъ лодкой и чуть не утащило его за собой.

Затѣмъ рулевой выпустилъ оба шнурка за бортъ и залился слезами.

Какъ они ухитрились вернуться назадъ, Джорджъ никогда не могъ понять, но это заняло ровно сорокъ минутъ. Густая толпа собралась на мосту, и всѣ кричали имъ, давая самые разнообразные совѣты. Три раза пытались они выбраться изъ-подъ арки, и три раза ихъ относило обратно, и всякій разъ рулевой, видя надъ собою мостъ, разражался рыданіями.

Въ то время Джорджъ не думалъ, что когда-нибудь полюбитъ катанье на лодкѣ.

Гаррисъ больше привыкъ кататься по морю, чѣмъ по рѣкѣ, и предпочитаетъ первое. Я не согласенъ съ нимъ. Прошлымъ лѣтомъ я нанялъ

однажды лодку въ Эстбернѣ: я довольно часто катался по морю нѣсколько лѣтъ тому назадъ и думалъ, что справлюсь съ этимъ дѣломъ. Оказалось, однако, что я совершенно забылъ это искусство. Когда одно весло находилось глубоко подъ водой, другое стремительно и самымъ нелѣпымъ образомъ взлетало наверхъ. Мнѣ пришлось встать, чтобы дѣйствовать равномерно обоими веслами, и въ такой смѣшной позѣ прокатиться мимо набережной, гдѣ толпилось много публики. Я присталъ къ берегу ниже набережной и панялъ стараго лодочника отвести меня обратно.

Я люблю смотреть на стараго лодочника за греблей, въ особенности, если онъ паняетъ по часамъ. Въ его работѣ есть нѣчто удивительно спокойное и безмятежное. Онъ совершенно свободенъ отъ суетливой поспѣшности, которая все болѣе и болѣе становится девизомъ XIX вѣка. Онъ отнюдь не стремится перегонять другія лодки. Если другая лодка перегонитъ его, онъ ничуть не огорчится: и дѣйствительно, всѣ онъ перегоняютъ его, всѣ, которые плывутъ въ томъ же направленіи. Нѣкоторыхъ это раздражаетъ и бѣситъ; но возвышенное спокойствіе лодочника, панятаго по часамъ, во всякомъ случаѣ представляетъ прекрасный урокъ для честолюбцевъ и заносчивыхъ.

Научиться грести одному не особенно трудно; но требуется большая практика, чтобы умѣть приспособляться къ неопытному гребцу. Онъ раздражается на ваше неумѣнье. „Что за дьявольщина, — говоритъ онъ, зацѣпивъ за ваше весло въ двадцатый разъ въ теченіе пяти минутъ — у меня отлично идетъ дѣло, когда гребу одинъ“.

Забавно видѣть двухъ неопытныхъ гребцовъ въ одной лодкѣ. Второй гребецъ утверждаетъ, что къ загребному невозможно подладиться, потому что онъ совсѣмъ не умѣетъ грести. Тотъ приходитъ въ сильнѣйшее негодованіе и заявляетъ, что въ послѣднія десять минутъ онъ только и дѣлалъ,

что подлаживался къ ограниченнымъ способностямъ своего товарища. Этотъ, въ свою очередь, обижается и не безъ ѣдкости замѣчаетъ, что загребному лучше бы не ломать головы надъ чужой работой, а исполнять получше свою.

— Пустите-ка меня на ваше мѣсто,—прибавляетъ онъ съ явной увѣренностью, что тогда дѣло пойдетъ какъ нельзя лучше.

Затѣмъ они подвигаются еще съ сотню ярдовъ съ весьма посредственнымъ успѣхомъ, какъ вдругъ причина ихъ неудачъ сразу становится ясной загребному.

— Вотъ въ чемъ дѣло: вы взяли мои весла,—воскликаетъ онъ,—передайте-ка ихъ мнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, то-то я чувствую, что мнѣ съ ними неловко! — восклицаетъ его товарищъ и спѣшитъ обмѣняться веслами. — Теперь дѣло пойдетъ на ладъ.

Но и теперь дѣло не идетъ на ладъ. Загребной чуть не вывихнулъ руки отъ усердія, стараясь дѣйствовать веслами какъ слѣдуетъ, и при каждомъ взмахѣ своего сосѣда получаетъ сильный ударъ въ грудь. Тогда они снова мѣняются мѣстами и рѣшаютъ, что лодочникъ подсунулъ имъ неподходящія весла. Это рѣшеніе восстанавливаетъ между ними миръ и согласіе.

Джорджъ замѣтилъ, что для разнообразія пріятно иногда плыть на дощаникѣ, толкаясь шестомъ. Это дѣло вовсе не такое легкое, какъ кажется. Какъ и въ греблѣ, вы скоро научаетесь дѣйствовать шестомъ, но требуется продолжительная практика, чтобы дѣлать это съ достоинствомъ, не замочивъ въ водѣ рукавовъ.

Я знаю одного молодого человѣка, съ которымъ случилось непріятное приключеніе. Онъ дѣйствовалъ шестомъ, можно сказать, играючи, прогуливался взадъ и впередъ по дощанику такъ граціозно, что любо было смотрѣть. Пробѣжить къ переднему концу, воткнуть шестъ и устремляется

къ заднему, точно старый опытный лодочникъ. О, это было величественно.

Оно бы и кончилось величественно, если бы, къ несчастію, онъ не сдѣлалъ лишняго шага, любуясь на окружающій ландшафтъ, — такъ что совсѣмъ сошелъ съ дощаника. Шестъ крѣпко воткнулся въ илистое дно, и онъ повисъ на немъ, уцѣпившись за конецъ. Это было подоженіе, совершенно недостойное его. Мальчишка на берегу немедленно заоралъ товарищамъ, чтобы они спѣшили „посмотрѣть на настоящую обезьяну на палкѣ“.

Я не могъ помочь ему, потому что, какъ это ни странно, мы захватили съ собой только одинъ шестъ. Я могъ только сидѣть и смотрѣть на него. Никогда не забуду его выраженія въ то время, какъ шестъ медленно опускался въ воду: оно было такъ глубокомысленно.

Я видѣлъ, какъ онъ понемногу окунался въ рѣку и выкарабкивался изъ нея грязный и мокрый. Я не могъ удержаться отъ смѣха, у него былъ такой комичный видъ. Я подсмѣивался надъ нимъ нѣкоторое время, но вдругъ вспомнилъ, что мое-то положеніе, въ сущности, вовсе не смѣшно. Я сидѣлъ одинъ въ дощаникѣ, безъ шеста, безпомощно увлекаемый внизъ по теченію.

Я начиналъ серьезно негодовать на моего товарища за то, что онъ ступилъ въ рѣку и оставилъ меня на произволь судьбы. Могъ бы, по крайней мѣрѣ, оставить мнѣ шестъ.

Я плылъ такимъ образомъ съ четверть мили и, наконецъ, замѣтилъ другой дощаникъ, стоявшій посреди рѣки, на которомъ сидѣли два старика-рыболова. Они увидѣли, что я плыву прямо на нихъ, и крикнули: чтобы я взялъ въ сторону.

— Не могу,—заеричалъ я.

— Но попытайтесь же объѣхать насъ,—отвѣчали они.

Подплывъ ближе, я объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло; тогда они поймали мой дощаникъ и дали

миѣ шесть. Я очень радъ, что они случились на моемъ пути.

Въ первый разъ я отправился плавать съ шестомъ въ компаніи трехъ другихъ парней; они взялись научить меня. Но мы не могли отправиться вмѣстѣ, и я сказалъ, что пойду впередъ, найму дощаникъ и въ ожиданіи ихъ поупражняюсь немного.

Нанять дощаникъ миѣ не удалось; они всѣ уже были разобраны, и миѣ осталось только усѣсться на берегу и ждать моихъ друзей.

Вскорѣ мое вниманіе было привлечено господиномъ, который плылъ на дощаникѣ и, къ удивленію моему, былъ одѣтъ въ точно такое же пальто и шляпу, какъ у меня. Онъ, очевидно, былъ новичокъ въ этомъ дѣлѣ, и его манера представляла много интереснаго. Вы никогда не могли сказать, что случится послѣ того, какъ онъ воткнетъ шесть, да онъ и самъ не зналъ. То онъ упиралъ въ одну сторону, то въ другую, то вертѣлся вокругъ шеста. И всякій разъ результатъ, повидимому, одинаково раздражалъ его.

Вскорѣ вся публика, бывшая на рѣкѣ, заинтересовалась этимъ пловцомъ.

Тѣмъ временемъ подошли мои друзья, съ противоположной стороны рѣки, остановились на берегу и тоже стали смотрѣть на него. Онъ стоялъ къ нимъ спиною, и имъ видны была только его пальто и шляпу. Отсюда они тотчасъ заключили, что это я, ихъ любезный товарищъ, обрадовались до крайности и принялись безжалостно подшучивать надъ нимъ.

Сначала я не сообразилъ, въ чемъ дѣло, и подумалъ: „Какъ, однако, невѣжливо позволять себѣ такія шутки съ совершенно незнакомымъ человекомъ!“ Но въ ту же минуту понялъ, что они принимаютъ его за своего пріятеля, и спрятался за дерево. О, какъ они потѣшались надъ этимъ молодымъ человекомъ! Деврыхъ пять минутъ они забавля-

лись на его счетъ, дразнили, осмѣивали, вышучивали его. Они повторяли всѣ ходячія остроты и даже придумали нѣсколько новыхъ. Они выебрикивали ему домашнія шуточки, извѣстныя только въ нашемъ кружкѣ и совершенно непонятныя для посторонняго человѣка. Наконецъ, терпѣніе его лопнуло, онъ повернулся къ нимъ, и они увидѣли его лицо.

Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что въ нихъ сохранилось еще настолько порядочности, чтобы сконфузиться. Они объяснили ему, что приняли его за своего знакомаго. Они выразили надежду, что онъ не считаетъ ихъ способными оскорблять кого-либо, кромѣ своихъ близкихъ друзей.

Конечно, то обстоятельство, что они приняли его за близкаго друга, вполне извиняло ихъ. Я помню, Гаррисъ рассказывалъ мнѣ о происшествіи, которое случилось съ ними на купаньѣ въ Булони. Онъ плавалъ подлѣ берега, какъ вдругъ чья-то рука схватила его за шею и погрузила въ воду. Онъ отчаянно огбивался, но человѣкъ, схватившій его, оказался настоящимъ Геркулесомъ, и всѣ его усилія оставались тщетными. Онъ уже готовился къ смерти и пытался направить свои мысли къ высокимъ предметамъ, когда незнакомецъ выпустилъ его.

Онъ всталъ на ноги и оглянулся на предполагаемаго убійцу. Убійца стоялъ рядомъ съ нимъ, заливаясь самымъ добродушнымъ смѣхомъ, но, взглянувъ въ лицо Гаррису, отшатнулся, повидимому, ошарашвъ.

— Простите, пожалуйста, — пробормоталъ онъ сконфуженно, — я принялъ васъ за своего друга.

Гаррисъ радовался, что не былъ родственникомъ этого господина, а то, пожалуй, тотъ бы совсѣмъ утопилъ его.

Плаваніе съ парусомъ тоже требуетъ практики и знанія, хотя мальчикомъ я не понималъ этого. Мнѣ казалось, что, разъ поставленъ парусъ, лодка

идеть сама собою, какъ заведенная. Былъ у меня знакомый мальчикъ, который придерживался такихъ же взглядовъ, такъ что въ одинъ вѣтренный день мы рѣшились испытать это удовольствіе. Мы отправились въ Ярмутъ и рѣшили предпринять небольшую поѣздку по Ярѣ. Мы наняли парусную лодку подлѣ моста и отправились.

— Погода-то вѣтреная,— сказалъ намъ лодочникъ,— будете огибать луку, возьмите рифъ и держите подъ вѣтромъ.

Мы сказали „хорошо“ и весело простились съ нимъ, спрашивая другъ у друга, что такое „держатъ подъ вѣтромъ“ и гдѣ мы найдемъ „рифъ“, и что съ нимъ дѣлать, если найдемъ.

Мы плыли на веслахъ, пока не потеряли изъ вида города, а затѣмъ, когда передъ нами открылось широкое пространство воды, и вѣтеръ забушевалъ, какъ ураганъ, мы почувствовали, что время поставить парусъ.

Гекторъ—такъ, помнится, звали моего товарища—продолжалъ грести, пока я развертывалъ парусъ. Это оказалось довольно хитрой задачей; однако, въ концѣ концовъ я справился съ ней. Тогда возникъ вопросъ, гдѣ верхній конецъ паруса.

Руководимые естественнымъ инстинктомъ, мы приняли основаніе за верхушку и стали укрѣплять парусъ вверхъ ногами. Но прошло много времени, пока намъ удалось укрѣпить его хоть какимъ-нибудь способомъ. Повидимому, парусъ былъ того мнѣнія, что мы устраиваемъ похороны и что я покойникъ, а онъ, парусъ,—саванъ.

Убѣдившись въ своей ошибкѣ, онъ хлопнулъ меня рейкой по лбу и затѣмъ уже рѣшительно ничего не хотѣлъ дѣлать.

— Намочи-ка его,—сказалъ Гекторъ,—сверни и помочи въ водѣ.

Онъ прибавилъ, что матросы на корабляхъ всегда мочатъ паруса, прежде чѣмъ развернуть ихъ. Итакъ, я помочилъ парусъ; но отъ этого дѣло пошло еще

хуже. Не особенно приятно, когда сухой парусъ хлопаетъ васъ по ногамъ и обертывается вокругъ васъ, но, когда онъ при этомъ еще мокрый, становится просто невыносимо.

Наконецъ, мы укрѣпили парусъ,— не совсѣмъ вверхъ ногами, скорѣе наискось.

Что лодка не перевернулась, я, просто, констатирую какъ фактъ. Почему она не перевернулась, рѣшительно не понимаю. Я часто думалъ объ этомъ потомъ, но никогда не могъ найти удовлетворительнаго объясненія.

Можетъ быть, это обстоятельство нужно приписать упрямству, которое свойственно всѣмъ вещамъ въ этомъ мѣрѣ. Лодка могла прійти къ заключенію, судя по нашимъ аллюрамъ и хлопотамъ, что мы рѣшились предпринять самоубійство, и, съ своей стороны рѣшилась разочаровать насъ въ это утро. Вотъ единственное объясненіе, которое кажется мнѣ вѣроятнымъ.

Лодка неслась по рѣкѣ на протяженіи мили (съ тѣхъ поръ я не ѣздилъ въ этомъ мѣстѣ, да и не желаю ѣздить). Потомъ, на поворотѣ, накренилась такъ, что парусъ до половины погрузился въ воду. Потомъ какимъ-то чудомъ выпрямилась и врѣзалась въ полосу жидкой грязи.

Эта грязь спасла насъ. Лодка вѣхала въ нее, да тутъ и застряла. Получивъ возможность двигаться по произволу—до тѣхъ поръ насъ трясло и швыряло, какъ горохъ въ мѣшкѣ—мы кое-какъ оправились и отрѣзали парусъ.

Мы были удовлетворены вполне. Мы не желали начинать дѣла съ начала и доходить до издешествъ. Мы вполне насладились плаваніемъ подъ парусомъ, и теперь хотѣли плыть на веслахъ—собственно для разнообразія.

Мы взялись за весла и попытались выбраться съ отмели, но вскорѣ сломали одно изъ веселъ. Тогда мы стали дѣйствовать осторожнѣе, но проклятыя весла оказались нигде негодными, и вто-

рое сломалось такъ же, какъ и первое, оставивъ насъ въ самомъ безпомощномъ положеніи.

Передъ нами, ядровъ на сто, простиралась грязная илистая отмель, за нами была вода. Оставалось одно: сидѣть и ждать, не явится ли кто-нибудь на выручку.

Погода была не такая, чтобы выманить на рѣку много публики, такъ что битыхъ три часа по близости отъ насъ не показалось ни единой души. Наконецъ, появился какой-то старый рыбакъ, который съ великимъ трудомъ вытащилъ насъ изъ ила, а затѣмъ мы съ позоромъ были приведены на буксирѣ къ пристани.

Вознагражденіе этому человѣку, да сломанныя весла, да наше отсутствіе изъ дома въ теченіе четырехъ съ половиною часовъ лишили насъ карманныхъ денегъ на много недѣль. Зато мы приобрѣли опытъ, а вѣдь извѣстно, что ради опыта не пожалѣешь никакихъ денегъ.

ГЛАВА XVI.

Ридингъ.—Насъ буксируетъ пароходикъ.—Несносное поведеніе маленькихъ лодокъ.—Какъ онѣ мѣшаютъ пароходикамъ.—Джорджъ и Гаррисъ снова увиливаютъ отъ работы.—Довольно обыкновенная исторія.—Стретли и Горингъ.

Мы были въ виду Ридинга къ одиннадцати часамъ. Рѣка здѣсь имѣетъ грязный и мрачный видъ. Не замѣшкаешься въ окрестностяхъ этого города. Это—знаменитое старинное мѣстечко, памятное со временъ короля Этельреда, когда датчане приставали на своихъ ладьяхъ въ Кеннетъ и отпраплялись изъ Ридинга грабить область Вессекса; здѣсь же Этельредъ съ своимъ братомъ Альфредомъ навесъ имъ пораженіе, при чемъ Этельредъ молился, а Альфредъ дрался.

Позднѣ Ридингъ служилъ мѣстомъ, куда бѣжали изъ Лондона, когда тамъ становилось скверно. Парламентъ удалялся въ Ридингъ, когда въ Лондонѣ свирѣпствовала чума, а въ 1625 г. за нимъ послѣдовалъ судъ; скоро и весь дворъ собрался тамъ. Я думаю, лондонцы не прочь были заполучить иногда чуму, чтобы избавиться разомъ и отъ законниковъ и отъ парламента.

Во время парламентской войны Ридингъ былъ завоеванъ графомъ Эссексомъ, а четверть вѣка спустя принцъ Оранскій разбилъ здѣсь войско короля Іакова I.

Генрихъ I покоится въ Ридингѣ, въ Бенедиктинскомъ аббатствѣ, имъ же выстроенномъ, развалины котораго сохранились до сихъ поръ. Въ томъ же аббатствѣ великій Джоуъ Гонтъ женился на леди Бланкѣ.

У Ридингскаго шлюза мы встрѣтили паровой катеръ, принадлежащій моимъ знакомымъ, который принялъ насъ на буксиръ на разстояніи мили отъ Стретли. Пріятно плыть вверхъ по теченію на буксирѣ у парходика. Я самъ предпочитаю это греблѣ. Было бы еще лучше, если бъ проклятыя лодки не совались то и дѣло навстрѣчу парходу и не заставляли его останавливаться или замедлять ходъ изъ опасенія потопить ихъ. Дѣйствительно, эти мелкія лодчонки страшно докучаютъ парходикамъ; слѣдовало бы предпринять что-нибудь противъ этого.

Кромѣ того, онѣ страшно нахальны. Вы можете свистать имъ до того, что котель вотъ-вотъ разлетится вдребезги, а онѣ и въ усъ себѣ не дуютъ. Я бы не прочь былъ утопить одну или двѣ изъ нихъ, чтобы дать имъ хорошій урокъ.

Повыше Ридинга рѣка снова хорошеетъ. Желѣзная дорога нѣсколько портитъ ее у Тайльгерста, но отъ Мэилдургэма до Стретли она великолѣпна. Немного выше Мэилдургэма вы проѣзжаете мимо Гардвикъ-Гауза, гдѣ Карлъ I игралъ въ

крикетъ. Окрестности Пангбёрна, гдѣ находится красивая маленькая гостиница „Лебедь“, должны бы быть такъ же знакомы завсегдатаямъ художественныхъ выставокъ, какъ и своимъ обитателямъ.

Пароходикъ моего друга оставилъ насъ у грота, и Гаррисъ намекнулъ, что не мѣшало бы мнѣ приняться за весла. Это показалось мнѣ въ высшей степени неосновательнымъ. Вѣдь мы рѣшили утромъ, что я буду вести лодку три мили вверхъ отъ Ридинга. Ну вотъ, мы были теперь на десять миль вверхъ отъ Ридинга. Не ясно ли, что теперь наступила ихъ очередь.

Однако, мнѣ не удалось внушить Джорджу и Гаррису надлежащую точки зрѣнія на этотъ предметъ, и, не желая спорить, я взялся за весла. Не прогребъ я и минуты, какъ Джорджъ замѣтилъ въ водѣ что-то черное, и мы направились къ этому предмету. Когда мы подѣхали, Джорджъ наклонился надъ нимъ и схватилъ его. Но въ ту же минуту отшатнулся съ крикомъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

Передъ нами было мертвое тѣло женщины. Оно легко покачивалось на водѣ; лицо было пріятно и спокойно. Оно не отличалось красотой, было для этого слишкомъ худо, слишкомъ вытянуто и носило признаки преждевременнаго развитія, но все же это было миловидное, хорошее лицо, на которомъ лежала печать спокойствія, какую замѣчаешь иногда у больного послѣ того, какъ его страданія минуютъ.

Къ счастью для насъ,—мы бы вовсе не желали возиться съ судебнымъ слѣдователемъ—нѣсколько человекъ на берегу тоже видѣли тѣло и избавили насъ отъ всякихъ хлопотъ по этому предмету.

Впослѣдствіи я узналъ исторію этой женщины. Разумѣется, это была старая, вульгарная трагедія. Она любила и была обманута или сама обманулась. Во всякомъ случаѣ она согрѣшила — это случается иногда съ нѣкоторыми изъ насъ—и две-

ри ея родныхъ и друзей, естественно возмущенныхъ и вознегодовавшихъ, закрылись передъ нею.

Оставшись одинокой, съ камнемъ позора на шеѣ, она опускалась все ниже и ниже. Въ теченіе нѣкотораго времени она содержала себя и ребенка на двѣнадцать шиллинговъ въ недѣлю, окторые доставляла ей двѣнадцатичасовая черная работа, уплачивая шесть шиллинговъ за ребенка а на остальные шесть — поддерживая свое тѣло и душу.

Шесть шиллинговъ не могутъ поддержать тѣло и душу въ особенномъ согласіи. При такой слабой связи они всегда готовы разстаться, и вотъ, въ одинъ прекрасный день, горечь и томительная скука ея существованія яснѣе чѣмъ когда-либо встали передъ ея глазами, и насмѣшливый призракъ ужаснулъ ее. Она въ послѣдній разъ обратилась къ своимъ друзьямъ, но голосъ жалкой бродяги не могъ проникнуть сквозъ глухую стѣну ихъ респектабельности; и вотъ она пришла къ своему ребенку, взяла его на руки, поцѣловала его тоскливымъ, вялымъ поцѣлуемъ и, не выразивъ никакихъ особенныхъ признаковъ волненія, ушла, сунувъ ему въ руку грошовую плитку шоколада, а на оставшіеся нѣсколько шиллинговъ взяла билетъ и отправилась въ Горингъ.

Кажется, худшія воспоминанія въ ея жизни были связаны съ лѣсистыми склонами и зелеными лугами Горинга; но у женщины странная привычка хвататься за ножъ, который убиваетъ ихъ; а можетъ быть, къ горечи и тоскѣ примѣшивались у нея и свѣтлыя воспоминанія о блаженныхъ часахъ, проведенныхъ на тѣнистыхъ прогалинахъ, подъ высокими деревьями, опускающими почти до земли свои развѣсистыя вѣтви.

Весь день бродила она по рощамъ, а подъ вечеръ, когда сѣрая сумерки развернули надъ рѣкой свой тусклый покровъ, она протянула руки къ молчаливой рѣкѣ, видѣвшей ея горе и ея радость. И

старая рѣка приняла ее въ свои нѣжныя объятія, прижала усталую голову къ своему лону и утѣлила ее скорбь.

Такъ согрѣшила она во всемъ, — согрѣшила въ жизни, согрѣшила и въ смерти. Да поможетъ ей Богъ, и всемъ остальнымъ грѣшникамъ.

Горингъ на лѣвомъ берегу, и Стретли на правомъ — хорошія мѣстечки, гдѣ пріятно провести день-другой. Мы хотѣли въ этотъ день добраться до Валлингфорда, но веселый, улыбающійся видъ рѣки соблазнилъ насъ остаться. Мы оставили лодку у моста и завтракали въ „Быкъ“, къ полному удовольствію Монморанси.

Говорятъ, что холмы, находящіеся по обѣимъ берегамъ рѣки, когда-то соединялись, образуя барьеръ, нынѣ прорванный Темзой. Выше Горинга разстилалось обширное озеро. Не знаю, насколько вѣрно или ошибочно это утвержденіе, я просто упоминаю о немъ.

Стретли, какъ и большинство прибрежныхъ городовъ и деревень, старинное мѣстечко, извѣстное еще со временъ бриттовъ и саксовъ. Горингъ не такъ милъ, какъ Стретли, но въ своемъ родѣ недурень, и находится по близости отъ желѣзной дороги, такъ что вамъ не трудно удрать, если вы не желаете заплатить по счету въ гостиницѣ.

ГЛАВА XVII.

День стирки.—Рыба и рыбаки.—Способъ уженія.—
Совѣстливый удильщикъ.—Исторія съ форелью.

Мы провели въ Стретли два дня и попытались выстирать свое платье. Мы попытались сдѣлать это сами, въ рѣкѣ, подъ руководствомъ Джорджа, и потерпѣли неудачу. Въ сущности, больше чѣмъ неудачу, потому что послѣ стирки мы выглядѣли хуже, чѣмъ до нея. Правда, наше платье до стир-

ки было очень, очень грязно, но все-таки сносно: послѣ же стирки — рѣка между Ридингомъ и Генли оказалась гораздо чище, чѣмъ до того. Мы собрали и впитали въ свои платья всю грязь, находившуюся въ водѣ между Ридингомъ и Генли.

Прача въ Стретли заявила, что считаетъ себя въ правѣ потребовать съ насъ тройную плату.

Мы заплатили эту контрибуцію, не поморщившись.

Окрестности Горинга и Стретля — центръ рыбной ловли. Для рыбака тутъ раздолье. Рѣка изобилуетъ щуками, язями, плотвой, окунями и угрями; и вы можете сидѣть на берегу и удить ихъ цѣлый день.

Нѣкоторые такъ и дѣлаютъ. Но имъ никогда не удастся поймать что-нибудь. Вообще, я не знаю человека, которому бы удалось выудить въ Темзѣ что-нибудь, кромѣ пискарей и дохлыхъ кошекъ. Но это, конечно, имѣетъ мало общаго съ рыболовствомъ! Путеводитель рыболова ничего не говоритъ о поимкѣ рыбы. Въ немъ сказано только, что здѣсь „хорошее мѣсто для ужения“, и все, что я знаю объ этой мѣстности, заставляетъ меня подтвердить эти слова.

Врядъ ли во всемъ свѣтѣ найдется мѣстечко, гдѣ бы вы встрѣтили больше рыбаковъ и могли бы удить столько времени. Иные пріѣзжаютъ поудить на денекъ, другіе на мѣсяцъ, вы можете проудить хоть цѣлый годъ, результатъ получится одинаковый.

„Спутникъ рыболова по Темзѣ“ говоритъ: „тамъ попадаются также маленькія щуки и окуни“. Но это ошибка. Можетъ быть, тамъ и водятся щуки и окуни. Я даже навѣрное знаю, что водятся. Дѣйствительно, вы можете видѣть ихъ цѣлыми стаями, гуляя вдоль рѣки: они подплываютъ къ берегу, высовываются до половины изъ воды, развѣвая ротъ, и ловятъ хлѣбныя крошки. Но ска-

зять, что они „попадаютъ“ на удочку, на червяка,—нѣтъ, этого отъ нихъ не дождешься!

Я лично плохой рыболовъ. Одно время я усердно занимался этимъ дѣломъ, и достигъ, какъ мнѣ казалось, хорошихъ результатовъ; но знатоки увѣряли, что я никогда не сдѣлаюсь настоящимъ рыболовомъ, и совѣтовали мнѣ бросить это занятіе. Они увѣряли, что я ловко забрасываю удочку, что у меня есть способность къ ужению и совершенно достаточно природной склонности къ бездѣлю. Тѣмъ не менѣе, я не могу сдѣлаться рыболовомъ. Для этого у меня не хватаетъ воображенія.

По ихъ словамъ, я могу быть сноснымъ поэтомъ или репортеромъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, но для того, чтобы удить рыбу на Темзѣ, нужно болѣе игривое воображеніе, болѣе пылкая фантазія.

Нѣкоторые думаютъ, что для хорошаго рыболова достаточно простой способности лгать, не загинаясь и не краснѣя; но это ошибка. Простое вранье не годится; къ нему способенъ самый зеленый новичокъ. Нужно изобрѣтать подробности, прикрашивать рассказъ правдоподобными деталями, придавать ему характеръ строгой — почти до педантизма — правдивости: вотъ въ чемъ искусство опытнаго рыболова.

Всякій можетъ сказать: „О, вчера вечеромъ я поймалъ пятнадцать дюжинъ окуней“, или: „Въ послѣдній разъ я выудилъ плотицу въ 18 фунтовъ вѣсомъ и въ три фута длиною отъ головы до хвоста“.

Но это слишкомъ элементарно; тутъ нѣтъ искусства, мастерства, которыя требуются для такого дѣла. Тутъ видна смѣлость, и только.

Нѣтъ; опытный рыболовъ презираетъ такую ложь. Его методъ самъ по себѣ требуетъ долгаго изученія.

Онъ входитъ въ залъ, не снимая шляпы, усаживается на самомъ удобномъ стулѣ, закуриваетъ

трубку и нѣкоторое время курить молча. Онъ представляетъ молодымъ людямъ болтать и хвастаться, а затѣмъ, пользуясь минутной паузой, вынимаетъ трубку изъ рта и замѣчаетъ, выбивая пепель о каминную рѣшетку:

— Въ четвергъ вечеромъ былъ со мной такой случай, что и рассказывать охоты нѣтъ.

— О, почему же? — спрашиваютъ его.

— Да потому, что врядъ ли кто повѣритъ, — спокойно отвѣчаетъ старый рыбакъ, безъ малѣйшаго отбѣнка горечи въ голосъ; набиваетъ трубку и приказываетъ хозяину подать шотландскаго пива.

Наступаетъ молчаніе, никто не увѣренъ въ себѣ настолько, чтобы противорѣчить старому джентльмену. Между тѣмъ онъ продолжаетъ:

— Да, — говоритъ онъ задумчиво, — я бы и самъ не повѣрилъ, если бы кто-нибудь рассказалъ мнѣ такую исторію, а между тѣмъ это фактъ. Я удиль цѣлый день и не поймалъ буквально ничего, кромѣ нѣсколькихъ дюжинъ плотницъ и десятковъ двухъ шукъ я хотѣлъ ужъ оставить это мѣсто, какъ вдругъ что-то сильно дернуло за лесу. Я подумалъ, опять какая-нибудь мелюзга, хотѣлъ вытащить удочку, и едва-едва удержалъ ее. Битыхъ полчаса, — полчаса, сэръ, я провозился съ этой рыбой и каждую минуту ждалъ, что вотъ — вотъ леса лопнетъ. Наконецъ, вытащилъ — кого бы вы думали? Осетра... пудоваго осетра... вытащилъ на удочкѣ, сэръ! Удивляетесь? Да, тутъ есть чему дивиться... Еще кружку, хозяинъ.

Затѣмъ онъ рассказываетъ объ изумленіи всѣхъ, видѣвшихъ его удачу, и о томъ, что сказала его жена, когда онъ вернулся домой, и о томъ, что замѣтилъ по этому поводу Джо Биггльсъ.

Я спросилъ однажды у хозяина гостиницы, неужели не оскорбляютъ его слухъ рассказы старыхъ рыболововъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ:

— О, нѣтъ, теперь нѣтъ, сэръ! Въ первое время я зонфузился, но теперь мы, то-есть я и моя

хозяйка, слушаемъ ихъ по цѣлымъ днямъ совершенно равнодушно. Привычка, сэръ, привычка!

Я зналъ одного молодого человѣка, очень добросовѣстнаго малаго, который, занявшись уже нѣмъ, рѣшилъ привирать не болѣе какъ на 25⁰/₀.

— Если я поймаю сорокъ штукъ, — объяснялъ онъ, — я буду говорить, что поймалъ пятьдесятъ, и такъ далѣе. Но больше этого я не стану лгать: нехорошо!

Но двадцать пять процентовъ лжи оказались недостаточными. Онъ не могъ ничего съ ними подѣлать. Наибольшій уловъ въ теченіе дня, который достался однажды на его долю, составлялъ три штуки; а вѣдь не можете же вы прибавить 25⁰/₀ на три, по крайней мѣрѣ, когда рѣчь идетъ о рыбахъ.

Итакъ, онъ увеличилъ проценты лганья до 33¹/₂⁰/₀, но и это оказалось неудобнымъ, когда уловъ состоялъ изъ одной или двухъ рыбинъ. Итакъ, чтобы упростить дѣло, онъ рѣшилъ удвоивать число.

Онъ выдерживалъ характеръ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, но, наконецъ, не выдержалъ. Никто не вѣрилъ ему, когда онъ говорилъ, что только удвоилъ число, а въ то же время его скромность ставила его въ невыгодное положеніе сравнительно съ другими удильщиками. Когда ему случалось поймать три маленькія рыбки и рассказывать затѣмъ, что изловилъ полдюжины, ему просто обидно было слушать другого рыбака, поймавшего всего-на-всего одну штуку, но сдѣлавшаго изъ нея двѣ дюжины.

Тогда, по здоровомъ обсужденіи, онъ далъ себѣ слово, — и свято исполнялъ его съ тѣхъ поръ — считать каждую рыбу за десятокъ и начинать всегда съ десятка. Напримѣръ, не поймавъ ни одной рыбы, онъ говорилъ, что поймалъ десять штукъ: при такой системѣ вы никогда не можете поймать менѣе десятка, это ея основа. Поймавъ двѣ рыбки, онъ говорилъ, что поймалъ тридцать; три — сорокъ и т. д.

Система, какъ видите, очень практичная и простая; позднѣ были толки о томъ, чтобы ввести ее въ общее употребленіе среди удильщиковъ. Года два тому назадъ комитетъ ассоціаціи удильщиковъ на Темзѣ рекомендовалъ ее своимъ сочленамъ, но нѣкоторые изъ старыхъ членовъ воспротивились этому. Они находили, что основное число нужно удвоить и каждую рыбу считать за два десятка.

Если вамъ случится быть на рѣкѣ и не жаль будетъ потратить даромъ вечеръ, зайдите въ маленькую деревенскую гостиницу и сядьте въ общей комнатѣ. Вы, навѣрно, встрѣтите тамъ двухъ-трехъ опытныхъ рыбаковъ, которые въ полчаса расскажутъ достаточно рыболовныхъ исторій, чтобы испортить вамъ пищевареніе на мѣсяць.

Джорджъ и я (я не знаю, что сдѣлалось съ Гаррисомъ; онъ пошелъ постричься, потомъ вернулся и ровно сорокъ минутъ чистилъ себѣ сапоги; съ тѣхъ поръ мы его не видали)... Джорджъ и я да собака отправились въ Валлингфордъ, а по возвращеніи зашли въ прибрежную гостиницу, ради отдыха и всего прочаго.

Тутъ мы застали какого-то пожилого субъекта съ длинной глиняной трубкой во рту, и естественно разговорились.

Онъ сообщилъ намъ, что сегодня прекрасная погода, а мы сказали ему, что вчера была прекрасная погода, а затѣмъ мы общимъ хоромъ выразили надежду, что завтра будетъ прекрасная погода. Джорджъ прибавилъ, что урожай, повидимому, будетъ отличный.

Послѣ этого выяснилось, что мы пріѣзжіе и уѣзжаемъ завтра утромъ.

Затѣмъ наступила пауза, въ теченіе которой наши взоры блуждали по комнатѣ. Наконецъ, они остановились на запыленной стеклянной витринѣ, стоявшей высоко надъ каминомъ. Въ вит-

ринѣ заключалась форель. Это рыба крайне заинтересовала меня; я не видалъ никогда такой странной форели. Съ перваго взгляда я принялъ ее за треску.

— Что,—сказалъ пожилой джентльменъ, слѣдя за направлениемъ моего взгляда, — какова штука, а?

— Необычайная,—пробормоталъ я, а Джорджъ спросилъ, сколько она вѣсила.

— Восемнадцать съ половиной фунтовъ, — сказалъ нашъ пріятель, вставая и снимая со стѣны пальто. — Да, — продолжалъ онъ, — я поймалъ ее шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Поймалъ подъ мостомъ на пискаря. Мнѣ сказали, что ее видѣли въ рѣкѣ, и я объявилъ, что изловлю ее, и изловилъ. Врядъ ли вамъ часто случалось видѣть такую рыбку! Покойной ночи, джентльмены, покойной ночи!

Съ этими словами онъ ушелъ, а мы остались.

Послѣ этого мы не могли отвести глазъ отъ рыбы. Дѣйствительно, рыба была громадная. Мы еще смотрѣли на нее, когда въ комнату вошелъ какой-то носильщикъ, съ кружкой пива въ рукахъ, и тоже взглянулъ на рыбу.

— Крупная штука, — сказалъ Джорджъ, обращаясь къ нему.

— Ваша правда, сэръ,—отвѣчалъ носильщикъ и прибавилъ, опорожнивъ кружку, — можетъ быть, вы были здѣсь, сэръ, когда эта рыба была поймана?

— Нѣтъ,—отвѣчали мы,—мы пріѣзжіе.

— А, — сказалъ онъ, — тогда, конечно, вы не могли этого видѣть. Я поймалъ ее пять лѣтъ тому назадъ.

— О, такъ это вы поймали ее?—замѣтилъ я.

— Да, сэръ, — отвѣчалъ этотъ остроумный малый.—Поймалъ однажды въ пятницу, у самыхъ шлюзовъ, и, что всего замѣчательнѣе, поймалъ на муху. Я ловилъ шукъ, совсѣмъ не рассчитывалъ

на форель, и это чудовище чуть не утащило меня въ воду. Въ ней оказалось двадцать шесть фунтовъ вѣсу. Покойной ночи, джентльмены, покойной ночи!

Пять минутъ спустя явился третій посѣтитель и разсказалъ намъ, какъ онъ поймалъ эту рыбину рано утромъ, на улейку; а затѣмъ явился тупоумный на видъ и надутый джентльменъ^ъ среднихъ лѣтъ и усѣлся у окна.

Сначала мы всё молчали, но, наконецъ, Джорджъ обратился къ нему и сказалъ:

— Прошу извинить, надѣюсь, вы не взыщите, если мы, прїѣзжіе, попросимъ разсказать намъ, какъ вы поймали эту форель.

— Кто вамъ сказалъ, что я поймалъ эту форель?—возразилъ онъ съ удивленіемъ.

Мы отвѣчали, что никто намъ не говорилъ этого, но намъ почему-то показалось, что поймалъ именно онъ.

— Да, это замѣчательно, въ высшей степени замѣчательно,—отвѣчалъ тупоумнаго вида незнакомецъ,—представьте, вѣдь вы угадали. Да, я поймалъ ее. Но какъ вы могли догадаться? Это замѣчательно.

Затѣмъ онъ разсказалъ намъ, какъ ему пришлось полчаса возиться съ этой рыбиной и какъ она сломала его удочку. Онъ тщательно взвѣсилъ ее, оказалось—тридцать четыре фунта.

Ушелъ и онъ, и къ намъ явился хозяинъ. Мы пересказали ему всё эти исторіи о поимкѣ форели, и онъ отъ души, хохоталъ.

— Такъ Джимъ Бэтсъ, Джо Муггльсъ, мистеръ Джонсъ и старикашка Билли Маундерсъ поймали эту рыбу! Ха, ха, ха... вотъ чудесная выдумка!—говорилъ старый добрякъ, заливаясь смѣхомъ.—Такъ бы они и отдали ее „мнѣ“, въ „мою“ гостиную, если бы изловили! Ха, ха, ха!

Затѣмъ онъ разсказалъ намъ, какъ было дѣло. Въ дѣйствительности, онъ поймалъ ее самъ много

лѣтъ тому назадъ, когда былъ еще мальчишкой. Поймалъ безъ всякихъ ухищреній, просто благодаря необычайному счастью, которое всегда выпадаетъ на долю школьниковъ, когда имъ случится удрать изъ школы, чтобы половить рыбы на шнурокъ, привязанный къ палкѣ.

Когда онъ принесъ домой эту рыбку, она избавила его отъ наказанія за отлучку, и даже учитель сказалъ, что эта штука стоитъ тройного правила.

Въ эту минуту хозяина зачѣмъ-то вызвали, и мы съ Джорджемъ снова устали на рыбу.

Поистинѣ это была удивительная форель. Чѣмъ больше мы вглядывались въ нее, тѣмъ сильнѣе она поражала насъ.

Наконецъ, Джорджъ вскарабкался на спинку стула, чтобы разсмотрѣть ее поближе.

Стулъ выскользнулъ изъ-подъ его ногъ, Джорджъ инстинктивно ухватился за витрину, она грохнулась на полъ, а Джорджъ вмѣстѣ со стуломъ на нее.

— Надѣюсь, вы не повредили рыбы!—воскликнулъ я, подбѣгая къ нему.

— Надѣюсь, что нѣтъ,—отвѣчалъ Джорджъ, вставая.

Но онъ повредилъ ее. Форель разлетѣлась на тысячу кусковъ,—я говорю на тысячу, но можетъ быть и на девятьсотъ. Я не считалъ ихъ.

Намъ казалось крайне страннымъ и необычайнымъ, что набитая форель разлетѣлась на куски.

Оно и было бы странно и необычайно, если бы эта форель дѣйствительно была набитая, но этого и не было.

Форель была гипсован!

ГЛАВА XVIII.

Шлюзы.— Джорджъ и я снимаемси.— Валлингфордъ.— Дорчестеръ.— Абингдонъ.— Семейный челобѣкъ.— Удобное мѣсто, чтобы утопиться.— Деморализующее [вліяніе рѣчного воздуха.

Мы оставили Стретли рано утромъ, добрались до Кульгема и тамъ переночевали въ лодкѣ.

Между Стретли и Валлингфордомъ рѣка не особенно интересна. Начиная отъ Клива, вы на протяженіи шести съ половиной миль не встрѣчаете ни одного шлюза. Кажется, это самый длинный промежутокъ безъ шлюзовъ выше Теддингтона; Оксфордскій клубъ пользуется имъ для испытанія большихъ лодокъ.

Но если это отсутствіе шлюзовъ радуетъ профессиональнаго гребца, то диллетанту оно врядъ ли доставитъ удовольствіе.

Я, съ своей стороны, люблю шлюзы. Они такъ пріятно нарушаютъ однообразіе гребли. Я люблю сидѣть въ лодкѣ и медленно подниматься изъ холодной глубины къ новымъ видамъ и картинамъ; или опускаться куда-то въ преисподнюю и ждать, пока не заскрипятъ ворота и снопъ свѣта не ворвется въ вашу темницу и улыбающаяся рѣка снова приметъ въ свои объятія вашу лодку.

Вообще шлюзы—живописныя и веселыя мѣстечки. Вы можете поболтать съ рослымъ добродушнымъ сторожемъ или его веселой женой, или сѣроглазой дочкой. Встрѣчаете другихъ пловцовъ и обмѣниваетесь съ ними шуточками. Не будь шлюзовъ, Темза потеряла бы свой праздничный видъ.

Шлюзы напомнили мнѣ о приключеніи, которое пришлось испытать мнѣ и Джорджу въ одно лѣтнее утро у Гамптонъ-Корта.

День былъ чудесный; въ шлюзахъ столпилось множество лодокъ; и, какъ это часто случается

на рѣвѣ, какой-то фотографъ вздумалъ снять со всѣхъ насъ фотографію.

Сначала я не замѣтилъ этого и потому былъ крайне удивленъ, увидивъ, что Джорджъ быстро отряхнулъ свои брюки, взъерошилъ волосы, нагнулъ шапку на бекрень самымъ захватскимъ манеромъ и затѣмъ, съ выраженіемъ нѣжной грусти, усѣлся въ небрежной позѣ, стараясь спрятать ноги.

Предполагая, что онъ увидѣлъ какую-нибудь знакомую барышню, я оглянулся. Всѣ, кто былъ въ шлюзѣ, внезапно точно одеревенѣли. Всѣ стояли или сидѣли въ самыхъ причудливыхъ и курьезныхъ позахъ, какъ мнѣ случалось видѣть только на японскихъ вѣрахахъ. Всѣ барышни улыбались. О, какъ умильно онѣ смотрѣли! А молодые люди хмурились и принимали надменные и благородныя позы.

И вдругъ я увидѣлъ, въ чемъ дѣло, и испугался, что не успѣю притготовиться. Наша лодка находилась впереди всѣхъ, и я считалъ нелюбезнымъ съ своей стороны испортить фотографію.

Итакъ, я быстро оглянулся и усѣлся на носу, облокотившись въ небрежной граціей на бортъ, въ позѣ, обнаружившей ловкость и силу. Я спустилъ прядь волосъ на лобъ и принялъ выраженіе мечтательное, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, которая, говорить, очень идетъ къ моей физиономіи.

Такъ мы сидѣли въ ожиданіи рѣшительнаго момента, какъ вдругъ я услышалъ чей-то голосъ:

— Эй, взгляните на вашъ носъ!

Я не могъ оглянуться, чтобы узнать, въ чемъ дѣло и на чей носъ нужно смотрѣть. Я искоса взглянулъ на носъ Джорджа. Онъ былъ въ порядкѣ, по крайней мѣрѣ, я ничего особеннаго не замѣтилъ; я опустилъ глаза, стараясь осмотрѣть собственный носъ: тоже ничего экстраординарнаго не оказалось.

— Взгляните же на вашъ носъ, разиня! — заоралъ тотъ же голосъ.

Въ ту же минуту еще кто-то крикнулъ:

— Вытащите вашъ носъ, живѣе! Вы, двое съ собакой!

Ни я, ни Джорджъ не рѣшились повернуть головы. Фотографъ установилъ свой инструментъ и долженъ былъ сейчасъ приступить къ съемкѣ. Зачѣмъ они кричатъ? Какое имъ дѣло до нашихъ носовъ? И откуда вытащить эти носы?

Но тутъ заоралъ весь шлюзъ и чей-то голосъ покрылъ всѣ остальные:

— Да оглянитесь же на лодку, вы, въ красной и бѣлой шапкѣ! Скорѣе, не то придется снимать развѣ ваши трупы!

Мы оглянулись и увидѣли, что носъ нашей лодки завязъ между бревнами шлюза, тогда какъ прибывающая вода грозилъ захлестнуть и перевернуть лодку. Еще минута, и мы бы опрокинулись. Быстрѣ молвіи схватили мы весла, изо всѣхъ силъ уперлись въ шлюзъ, освободили лодку и покатались вверхъ тормашками на дно.

Не въ пзщномъ же видѣ вышли мы на фотографіи. Надо же было фотографу пустить въ ходъ свою проклятую машину въ тотъ самый моментъ, когда мы лежали навзничъ, не понимая, гдѣ мы и что съ нами, а двѣ пары нашихъ ногъ безпомощно болтались въ воздухѣ.

Ноги эти были безспорно главнымъ объектомъ фотографіи. Почти ничего остального не было видно. Наши ноги заняли весь передній планъ. Виднѣлись правда изъ-за нихъ другія лодки и обрывки ландшафта, но все это выглядѣло такъ мизерно въ сравненіи съ нашими ногами, что остальная публика сконфузилась и отказалась отъ фотографій.

Владѣлецъ парового катера, заказавшій шесть снимковъ, отказался отъ нихъ, когда увидѣлъ негативъ. Онъ прибавилъ, что возьметъ ихъ, если

кто-нибудь укажетъ ему на фотографіи катеръ. Но никто не могъ ему указать. Пароходикъ скрылся гдѣ-то за правой ногой Джорджа.

Вообще пренепріятная вышла исторія. Фотографъ требовалъ, чтобы мы взяли по дюжинѣ снимковъ, такъ какъ девять десятыхъ фотографіи было заято нами. Но мы отказались, заявивъ, что вовсе не просили его снимать насъ вверхъ ногамъ.

Валлингфордъ—въ шести миляхъ отъ Стретли; это очень старинный городъ, игравшій немаловажную роль въ исторіи Англии. Во времена бриттовъ онъ представлялъ группу мазанокъ, но римляне выгнали коренное населеніе и на мѣсто земляного вала соорудили укрѣпленія, остатки которыхъ удѣлѣли и понынѣ. Старики умѣли строить!

Но, пощадивъ римскія постройки, время уничтожило самихъ римлянъ. Ихъ смѣнили саксы и гордые датчане, а затѣмъ явились норманны.

Во времена Парламентской войны Валлингфордъ былъ хорошо укрѣпленнымъ городомъ и выдержалъ продолжительную осаду со стороны Фэрфакса. Онъ палъ, наконецъ, и стѣны его были разрушены.

Между Валлингфордомъ и Дорчестеромъ берега становятся болѣе холмистыми, разнообразными и живописными. Дорчестеръ расположенъ въ полумилѣ отъ рѣки. До него можно добраться по Тѣму, на небольшой лодкѣ, но всего лучше выйти на берегъ у Дэйскаго шлюза и пройти пѣшкомъ резъ поля.

Дорчестеръ—восхитительное странное мѣстечко, погруженное въ дремоту и безмолвіе.

Какъ Валлингфордъ, Дорчестеръ былъ въ старыя времена городомъ и назывался „Саег Доген“ (городъ у воды).

Позднѣе римляне устроили здѣсь укрѣпленіе, остатки котораго сохранились въ видѣ низенькихъ валовъ. Въ эпоху саксовъ онъ былъ столицей Вессекса. Онъ очень старъ и былъ когда-то великъ и

славенъ. Теперь онъ лежитъ въ сторонѣ отъ шумнаго міра и дремлетъ.

У Клифтонъ-Гамидена, удивительно милой старинной деревушки, утопающей въ цвѣтахъ, вы можете любоваться прекраснымъ ландшафтомъ. Если вамъ случится почевать въ Клифтонѣ, остановитесь въ „Ячменномъ Снопѣ“. Это самая курьезная старомодная гостиница на Темзѣ. Она находится по правую руку отъ моста, въ сторонѣ отъ деревни. Съ своей остроконечной кровлей и рѣшетчатыми окнами, она имѣетъ видъ исторической книги, а внутреннее убранство еще болѣе нахнетъ древностью.

Для героини современной новеллы эта гостиница не годится. Героиня современной новеллы всегда „высока и стройна, какъ богиня“ и „выпрямившись во весь ростъ, гордо откидываетъ голову“. Въ „Ячменномъ Снопѣ“ она бы всякій разъ стучалась головой о потолокъ при такой продѣлкѣ.

Для пьянаго это тоже не подходящее мѣсто. Тутъ онъ натыкался бы на самыя неожиданныя лѣсенки и ступеньки, а забраться въ свою спальню, или, ужъ забравшись туда, отыскать постель, было бы для него рѣшительно невозможно.

На слѣдующее утро мы встали пораньше, такъ какъ хотѣли къ обѣду попасть въ Оксфордъ. Удивительно рано встаешь во время экскурсіи. Какъ-то совсѣмъ не хочется „подремать еще пять минутъ“, когда лежишь не въ кровати, а на днѣ лодки, завернувшись въ пледъ и подложивъ подъ голову чемоданъ. Мы позавтракали и выѣхали изъ Клифтона въ половинѣ восьмого.

Между Клифтономъ и Кольгемомъ берега становятся плоскими, однообразными и неинтересными, но за Кольгемскимъ шлюзомъ—самымъ холоднымъ и глубокимъ шлюзомъ на рѣкѣ—ландшафтъ принимаетъ болѣе привѣтливый характеръ.

Въ Абингдонѣ рѣка пересѣкаетъ улицы. Абин-

гдонъ—типичный провинціальный городъ, спокойный, чистенькій, весьма респектабельный и нестерпимо скучный. Онъ гордится своей древностью, но, сомнительно, можно ли его сравнивать въ этомъ отношеніи съ Валлингфордомъ и Дорчестеромъ. Въ немъ стояло когда-то знаменитое аббатство, на развалинахъ котораго устроена теперь пивоварня.

Въ церкви св. Николая въ Абингдонѣ имѣется памятникъ Джону Блауоллю и женѣ его Джэпъ, которые, проживъ счастливо въ бракѣ, скончались оба въ одинъ и тотъ же день, 21-го августа 1625 г., а въ церкви св. Елены записано, что В. Ли, умершій въ 1637 г., „породилъ отъ чреслъ своихъ двѣсти безъ трехъ отпрысковъ“. Другими словами, семейство мистера В. Ли состояло изъ ста девяносто семи душъ. Мистеръ В. Ли, пять разъ состоявшій въ должности мэра Абингдона, былъ, безъ сомнѣнія, благодѣтелемъ своего потомства, но я надѣюсь, что въ нашемъ и безъ того многолюдномъ XIX вѣкѣ у него не найдется много подражателей.

Между Абингдономъ и Ненгэмомъ мѣсто хорошее. Ненгэмскій паркъ стоитъ посѣтить. Входъ свободенъ по вторникамъ и четвергамъ. Въ домѣ много картинъ и рѣдкостей, а паркъ очень красивъ.

Прудъ неподалеку отъ шлюза—превосходное мѣсто для того, кто желаетъ утопиться. Тутъ чрезвычайно сильное подводное теченіе, и разъ вы въ него попадете, утонете какъ нельзя лучше. Двое утонули здѣсь во время купанья; на томъ мѣстѣ поставленъ обелискъ. Со ступеней его очень удобно бросаться въ воду, что и дѣлаютъ обыкновенно молодые люди, желающіе испытать, дѣйствительно ли это мѣсто такъ опасно.

Иффлейскій шлюзъ, на разстояніи мили отъ Оксфорда, — приманка живонисцевъ, любящихъ воду. Правду сказать, въ дѣйствительности онъ имѣетъ гораздо худшій видъ, чѣмъ на картинахъ. Я вообще замѣчалъ, что на картинахъ все въ этомъ мірѣ кажется наряднѣе.

Мы миновали Иффлейскій шлюзъ въ половинѣ перваго, а затѣмъ привели въ порядокъ лодку, уложили вещи и пустились къ Оксфорду.

Между Иффлейскимъ шлюзомъ и Оксфордомъ самое трудное мѣсто для плаванья. Нужно побывать тамъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Сколько разъ мнѣ приходилось плавать въ этомъ мѣстѣ, и всегда повторялась одна и та же исторія. Человѣкъ, который сумѣетъ проплыть изъ Оксфорда въ Иффлей по прямому направленію, не сбиваясь въ стороны, могъ бы прожить подъ одной кровлей съ женой, тещей, старшей сестрой и старой служанкой, поступившей въ его семью, когда онъ былъ еще ребенкомъ.

Сначала теченіе относитъ васъ къ правому берегу, потомъ къ лѣвому, потомъ въ середину; тамъ повернетъ раза три вашу лодку и помчитъ ее назадъ, все время наровя натолкнуть на барку.

Вслѣдствіе этого мы, разумѣется, не разъ сталкивались съ другими лодками, а другія лодки съ нашей, при чемъ, какъ водится, обмѣнялись крѣпкими словцами.

Не знаю почему, на рѣкѣ всѣ дѣлаются ужасно раздражительными. Маленькія недоразумѣнія, которыя на сушѣ проходятъ совершенно безслѣдно, способны довести васъ до изступленія на водѣ. Когда Гаррисъ или Джорджъ дурачатся на сушѣ, я снисходительно улыбаюсь, когда же они вздумаютъ подурачиться на рѣкѣ, ругаюсь на чемъ свѣтъ стоитъ.

Самые кроткіе люди на сушѣ становятся грубыми и кровожадными въ лодкѣ.

Случилось мнѣ какъ-то плыть съ одной молодой лэди. Эта особа—самое кроткое и милое созданіе, какое только можно себѣ представить, но тутъ просто страшно было ее слушать.

— Какой увалень,—воскликнула она, когда какой-нибудь злополучный гребецъ не кстати понадался ей навстрѣчу, — не видитъ онъ, что ли, куда плыветъ.

Или:

— Ахъ, эта мерзкая тряпица, — говорила она (негодованиемъ, когда парусъ не слушался, и дегала его самымъ безжалостнымъ образомъ.

А между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, на сушѣ она отличалась кротостью и любезностью.

Рѣчной воздухъ оказываетъ деморализующее влияние на характеръ человѣка, и потому-то, вроятно, лодочники нерѣдко ссорятся и приблигаются къ выраженіямъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, сами раскаиваются въ спокойныя минуты.

{XIX.}

Оксфордъ. — Представленіе Монморанси о раѣ. Удобства и невгоды наемной лодки. — „Гордость Темзы“. — Погода мѣняется. — Рѣка при различныхъ обстановкѣ. — Невеселый вечеръ. — Сремленіе къ недостижимому. — Веселый разговоръ. — Джорджъ урываетъ. — Плачевная мелодія. — Еще ненастный день. Бѣгство. — Ужинъ (и тоска).

Мы пріятно провели два дня въ Оксфордѣ. Въ этомъ городѣ множество собакъ. Въ первый день Монморанси имѣлъ одиннадцать схватокъ, во второй — четырнадцать и, очевидно, воображалъ себя въ раю.

Люди, отъ природы слишкомъ слабые или слишкомъ лѣнливые — чтобы плыть противъ теченія, нимаютъ лодку въ Оксфордѣ и отправляются внизъ. Но люди энергичные предпочитаютъ плыть вверхъ по рѣкѣ. Не всегда хорошо плыть по теченію. То ли дѣло итти напроломъ и пролагать себѣ дорогу, несмотря на сопротивленіе. В крайней мѣрѣ, я всегда чувствую удовольствіе при такомъ плаваньи, когда Гаррисъ и Джорджъ гребутъ, а я правлю рудемъ.

Тому, кто предпочитаетъ отправляться изъ Оксфорда, я бы посоветовалъ обзавестись со-

железной лодкой, если, конечно, онъ не можетъ подтирить чужую и улизнуть благополучно. Лодки, которыя сдаются въ наемъ на Темзѣ выше Марло, вообще говоря, хорошія лодки. Онѣ просятъ немного воды, и если управлять ими осторожно, не разобьются и не потонуть. Въ нихъ есть мѣсто для гребцовъ и все, или почти все необходимое для того, чтобы грести и править.

Но онѣ некрасивы. Лодка, которую вы наймете выше Марло, не такова, чтобы въ ней можно было задать форсу. Напротивъ, она живо собьется борсь со всякаго. Это ея главное и, можетъ быть, даже единственное достоинство.

Человѣкъ, нанявшій лодку у верховья рѣки, бережливъ и любитъ уединеніе. Онъ держится берега, подъ деревьями, и путешествуетъ рано утромъ или поздно вечеромъ, когда на рѣкѣ мало народу.

Мнѣ случилось однажды съ компаніей друзей нанять лодку у верховья рѣки. Никому изъ насъ не случалось дѣлать этого раньше, и мы даже не знали, что это за лодки.

Мы написали, чтобы для насъ была оставлена четырехвесельная лодка, и когда мы явились на мѣсто съ поклажей и назвали свои имена, хозяинъ сказалъ:

— А, да, вы писали насчетъ четырехвесельной лодки. Лодка готова. Джимъ, приведи-ка „Гордость Темзы“.

Мальчуганъ, къ которому онъ обратился, исчезъ и нѣсколько минутъ спустя явился съ какой-то опотопной посудиною, имѣвшей такой видъ, будто ее недавно вырыли изъ земли и при томъ очень неосторожно, такъ что сильно повредили.

При первомъ же взглядѣ на эту штуку я рѣшилъ, что это какая-то римская древность, кака именно, я не могъ рѣшить; можетъ быть, гробъ.

По сосѣдству съ Темзою находятъ много римскихъ древностей, такъ что мое предположеніе

казалось мнѣ очень основательнымъ, но серьезный молодой человекъ изъ нашей компаніи, занимавшійся отчасти геологіей, разбилъ въ пухъ и прахъ мою теорію и сказалъ, что самый ограниченный человекъ (повидимому, онъ не могъ, къ своему крайнему сожалѣнію, включить меня даже въ эту категорію) пойметъ, что эта штука—остатокъ ископаемаго кита; при этомъ онъ указалъ различные признаки, доказывавшіе, что ископаемое относится къ доледниковой эпохѣ.

Чтобы разрѣшить споръ, мы позвали мальчика. Мы сказали ему, чтобы онъ не боялся и говорилъ всю правду: что это за ископаемое, допотопный китъ или древне-римскій гробъ?

Мальчикъ отвѣчалъ, что это „Гордость Темзы“.

Мы нашли этотъ отвѣтъ очень остроумнымъ, и одинъ изъ насъ даже сунулъ мальчишкѣ два пенса за находчивость, но когда онъ вздумалъ настаивать, мы нашли шутку слишкомъ длинной и, наконецъ, разсердились.

— Будетъ, будетъ, мальчикъ! — оборвалъ его нашъ капитанъ, — довольно чепухи. Отнеси это корыто своей матери и дай намъ лодку.

Тогда явился самъ хозяинъ и увѣрялъ насъ честнымъ словомъ, какъ дѣловой человекъ, что это дѣйствительно лодка, четырехвесельная лодка, приготовленная по нашему заказу.

Мы принялись ворчать. Мы замѣтили, что онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, ее выкрасить или осмолить, вообще сдѣлать что-нибудь, чтобы привести ее въ болѣе благообразный видъ; но онъ не видѣлъ въ ней никакихъ недостатковъ.

Мало того, онъ обидѣлся. Онъ сказалъ, что это лучшая изъ его лодокъ, и что онъ не ожидалъ отъ насъ такой неблагодарности.

Онъ сказалъ, что „Гордость Темзы“ прослужила на его памяти въ этомъ видѣ сорокъ лѣтъ, и что никто до сихъ поръ на нее не жаловался, мы—первые.

Мы не стали спорить.

Мы связали лодку веревками, купили обоим и заклеили самыя крупныя щели, помолились и усѣлись въ лодку.

Съ насъ содрали тридцать пять шиллинговъ за шесть дней, а такую посудину мы могли бы купить за четыре съ половиной на любой распродажѣ стараго дѣса.

На третій день погода перемѣнилась,—я говорю о налемеъ теперешнемъ плаваніи,—и мы пустились изъ Оксфорда въ обратный путь въ отчаянное невастье.

Когда солнечныя лучи искрятся на легкихъ волнахъ, золотять сѣдые стволы прибрежныхъ буковъ, прокрадываются въ тѣнь прохладныхъ дѣсныхъ тропинокъ, горять брилліантами въ брызгахъ отъ мельничныхъ колесъ, посылають поцѣлуи водянымъ лиліямъ, соперничающимъ бѣлизной съ пѣною у плотинъ, серебрятся на заросшихъ мохомъ стѣнахъ и оградахъ, обливають свѣтомъ—каждый городишко, каждую лужайку, каждую прогалину, придавая всему веселый, радостный видъ,—тогда вы плывете въ волшебномъ царствѣ.

Но когда моросить дождь, и капли его падаютъ въ тусклыя свинцовыя волны съ жалобнымъ звукомъ, напоминающимъ тихій плачь женщины гдѣ-нибудь въ темной комнатѣ; когда мрачныя, безмолвныя дѣса, закутавшись въ сѣдой туманъ, возвышаются на берегу, точно духи, молчаливые духи съ полными упрека глазами, призракъ дурныхъ дѣлъ, тѣни забытыхъ друзей,—тогда это заколдованная рѣка въ царствѣ скорби.

Солнечный свѣтъ—жизненная сила природы. Безъ него мать-земля глядитъ на насъ такимъ мрачнымъ, мертвеннымъ взоромъ. Тогда намъ тяжело оставаться съ ней наединѣ, она точно не знаетъ насъ и не заботится о насъ. Она подобна вдовицѣ, потерявшей горячо любимаго супруга; напрасно дѣти цѣлуютъ ей руки и стараются

заглянуть ей въ глаза, имъ не удастся вызвать улыбку на ея уста.

Весь день мы гребли въ дождь, и что это за работа была! Никакого удовольствія, одно огорченіе! Сначала мы дѣлали видъ, что ненастье насъ радуетъ. Мы говорили, что это все-таки перемѣна и что пріятно видѣть рѣку при всякой обстановкѣ. Мы увѣряли, будто никто изъ насъ не ожидалъ, что погода все время будетъ хорошая, да никто и не желалъ этого. Мы доказывали другъ другу, что природа прекрасна, даже когда плачетъ.

Гаррисъ и я положительно приходили въ восторгъ по этому поводу. Мы даже спѣли пѣсню о цыганѣ и о томъ, какъ чудесно ему живется на вольномъ воздухѣ, съ головой, открытой для солнца и для бури, для всякаго порыва вѣтра, и какъ онъ радуется дождю, и какъ полезенъ для него дождь, и какъ онъ смѣется надъ тѣми, кто не понимаетъ прелести дождя.

Но Джорджъ смотрѣлъ на дѣло болѣе трезвыми глазами и развернулъ зонтикъ.

Послѣ завтрака парусину мы натянули, оставивъ свободное мѣстечко на носу, чтобы выплзать и осматриваться въ случаѣ надобности. Такъ мы проплыли девять миль и остановились на ночлегъ немного ниже Дэйсакаго шлюза.

Но правдѣ сказать, вечеръ былъ не особенно веселый. Дождь моросилъ съ спокойной настойчивостью. Все въ лодкѣ промокло и отсырѣло. Ужинъ былъ неудачный. Холодный пирогъ съ телятиной не особенно привлекателенъ, когда вы не голодны. Я мечталъ о котлеткѣ; Гаррисъ пробормоталъ что-то насчетъ камбалы подъ бѣлымъ соусомъ и отдалъ остатки своей порціи Монморанси, который отказался отъ этого блюда и съ обиженнымъ видомъ всталъ и ушелъ на другой конецъ лодки.

Джорджъ просилъ насъ не говорить о другихъ

блюдахъ, по крайней мѣрѣ, пока онъ не кончитъ холодной говядины безъ горчицы.

Послѣ ужина мы усѣлись играть въ карты. Мы играли полчаса, при чемъ Джорджъ выигралъ четыре пенса—Джорджъ всегда счастливъ въ картахъ,—а Гаррисъ и я проиграли ровно по два пенса каждый.

Тогда мы рѣшили прекратить игру. Гаррисъ замѣтилъ, что это очень нездоровое возбужденіе, особенно если его тянуть долго. Джорджъ предлагалъ дать намъ реваншъ; но мы съ Гаррисомъ рѣшили, что не слѣдуетъ бороться съ судьбой.

Затѣмъ мы приготовили прогъ, усѣлись въ кружокъ и занялись разговоромъ. Джорджъ рассказывалъ намъ объ одномъ изъ своихъ знакомыхъ, который переночевалъ однажды въ лодкѣ въ точно такую же погоду и схватилъ горячку, такъ что никакія усилія врачей не могли спасти его, и онъ скончался спустя десять дней. По словамъ Джорджа, онъ былъ человѣкъ молодой и собирался жениться. Онъ прибавилъ, что это одно изъ самыхъ плачевныхъ происшествій, какія только ему извѣстны.

Этотъ рассказъ напомнилъ Гаррису о его знакомомъ, который служилъ въ арміи и переночевалъ однажды въ палаткѣ подлѣ Альдершота, „въ совершенно такую же ночь, какъ сегодняшняя“, прибавилъ Гаррисъ, а утромъ оказался калѣкой на всю жизнь. Гаррисъ обещалъ насъ сводить къ нему, когда прїедемъ въ Лондонъ, прибавивъ, что наши сердца просто кровью обольются при видѣ этого несчастнаго.

Послѣ этого мы естественно перешли къ веселой бесѣдѣ о простудѣ, лихорадкахъ, горячкахъ, воспаленіи легкихъ, бронхитѣ, и Гаррисъ замѣтилъ, что будетъ ужасно, если кто-нибудь изъ насъ заболѣетъ въ эту ночь: гдѣ мы добудемъ доктора?

Послѣ такого разговора чувствовалась потреб-

ность въ какомъ-нибудь развлеченіи, и я въ минуту слабости попросилъ Джорджа взять свою балалайку и спѣть комическую арію.

Долженъ сознаться, что Джорджъ не заставилъ себя упрашивать. Онъ не отговаривался какими-нибудь глупостями, въ родѣ того, напримѣръ, что будто бы забылъ свой инструментъ дома. Нѣтъ, онъ тотчасъ вытащилъ его и сталъ наигрывать „Черные глазки“.

До этого вечера я всегда считалъ „Черные глазки“ веселой аріей. Но характеръ мрачнаго отчаянія, который она получила въ исполненіи Джорджа, поразилъ меня.

Онъ испускалъ такіе плачевные звуки, что мы съ Гаррисомъ хотѣли броситься другъ другу въ объятія и зарыдать, но съ великимъ усиленіемъ удержали слезы и молча слушали заунывный напѣвъ.

Когда пришла очередь хора, мы сдѣлали отчаянное усиленіе, стараясь развеселиться. Мы наполнили стаканы и начали: Гаррисъ затянулъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, а мы съ Джорджемъ подхватили:

О, черные глазки,
Волшебныя сказки!
Какое веселье...

Тутъ мы оборвались. Невыразимая скорбь, которую Джорджъ вложилъ въ это „веселье“, была рѣшительно не по силамъ намъ въ нашемъ угнетенномъ настроеніи. Гаррисъ вскрикнулъ, какъ малое дитя; Монморанси завылъ такъ отчаянно, что я испугался, какъ бы онъ не издохъ отъ разрыва сердца или глотки.

Джорджъ хотѣлъ попробовать другую арію. Онъ сказалъ, что если ему удастся попасть въ тонъ, то, по всей вѣроятности, она не будетъ такой печальной. Но мнѣніе большинства было противъ опыта.

Такъ какъ больше дѣлать было нечего, то мы улеглись спать, то-есть раздѣлись и ворочались на двѣ лодки часа три-четыре, послѣ чего забылись безпокойнымъ сномъ и въ пять часовъ утра были уже на ногахъ и принялись за завтракъ.

Второй день былъ совершенно такой же, какъ первый. Дождь моросилъ безъ перерыва, а мы сидѣли въ непромокаемыхъ пальто подъ парусиной и медленно плыли внизъ по теченію.

Одинъ изъ насъ — не помню, кто именно, но сдается мнѣ, что это былъ я самъ — попытался было напомнить о цыганѣ и о привольной жизни дѣтей природы, но безъ всякаго успѣха. Что

Насъ мочить дождь!

было слышномъ ясно для всякаго и безъ пѣсни.

Въ одномъ только пунктѣ мы были всѣ согласны, что, несмотря ни на какія невзгоды, мы претерпимъ до конца. Мы рѣшили отправиться на двѣ недѣли для собственнаго удовольствія и должны выполнить наше рѣшеніе. Если это удовольствіе убьетъ насъ, тѣмъ хуже; это будетъ прискорбно для нашихъ друзей и родственниковъ, но ничего не подѣлаешь. Мы знали, что уступить непогодѣ при нашемъ климатѣ значило бы создать самый нежелательный прецедентъ.

— Всего два дня осталось потерпѣть, — сказалъ Гаррисъ, — а мы молоды и сильны. Въ концѣ концовъ мы, можетъ быть, и доберемся благополучно.

Около четырехъ часовъ мы стали толковать о ночлегѣ. Мы были въ это время у Горинга и рѣшили провести ночь въ гостиницѣ въ Пангбёрнѣ.

— Еще пріятный вечеръ, — пробормоталъ Джорджъ.

Мы усѣлись и стали обдумывать нашъ планъ. Мы будемъ въ Пангбёрнѣ въ пяти часамъ. Къ половинѣ седьмого кончимъ обѣдъ. Затѣмъ мы можемъ гулять подъ дождемъ по деревнѣ или сидѣть въ законченной гостиной и читать календарь.

— Да, въ Альгамбрѣ-то было бы повеселѣе,— замѣтилъ Гаррисъ, высунувъ голову наружу и осматривая небо.

— Особенно, если закончить ужиномъ у...¹⁾— прибавилъ я почти безсознательно.

— Я просто жалѣю, что насъ занесло въ эту лодку,—отвѣчалъ Гаррисъ.

Затѣмъ наступило молчаніе.

— Если бы мы не рѣшились заполучить горячку въ этомъ поганомъ старомъ корытѣ,—замѣтилъ Джорджъ, оглядывая лодку съ самымъ недоброжелательнымъ выраженіемъ,—то можно было бы напомнить, что изъ Пангбёрна отходитъ поѣздъ послѣ пяти часовъ и что онъ могъ бы насъ доставить въ Лондонъ какъ разъ къ ужину.

Никто не отвѣчалъ. Мы взглянули другъ на друга, и каждый изъ насъ увидѣлъ отраженіе своихъ собственныхъ преступныхъ мыслей на лицѣ сосѣда. Мы молча собрали поклажу. Мы взглянули вверхъ по рѣкѣ, потомъ взглянули внизъ по рѣкѣ: не было видно ни души.

Двадцать минутъ спустя три человѣческія фигуры, сопровождаемая сконфуженной, судя по наружности, собакой, пробирались отъ жилища лодочника къ желѣзнодорожной станціи въ слѣдующихъ неизящныхъ и нечистыхъ костюмахъ:

Черные кожаные сапоги, грязные; матросская фланелевая одежда, очень грязная; коричневая полярковая шляпа, скомканная; макинтошъ мокрый; зонтикъ.

Мы надули лодочника въ Пангбёрнѣ. Мы не говорили ему, что бѣжали отъ дождя. Мы оста-

1) Превосходный маленькій ресторанчикъ подлѣ.. гдѣ вы можете получить за три шиллинга шесть пенсовъ отличный французскій обѣдъ или ужианъ съ бутылкой хорошаго вина, только я не такъ глупъ, чтобы указать его вамъ.

вили на его попеченіи лодку со всей поклажей и велѣли приготовить ее къ девяти утра.

— Если же,—прибавили мы,—что-нибудь помѣшаетъ намъ вернуться, то мы напишемъ.

Въ семь часовъ мы были въ Паддингтонъ и направились прямехонько въ ресторанъ, о которомъ я говорилъ; тамъ заморили червячка и, оставивъ Монморанси, заказавъ ужинъ, продолжали путь къ Лейчестеръ-скверу.

Въ Альгамбрѣ мы возбудили общее вниманіе. Когда мы потребовали билеты, кассиръ направилъ насъ въ Кэстль-Стритъ, прибавивъ, что мы опоздали на полчаса.

Не легко было намъ убѣдить этого господина, что мы вовсе не „всемирно-извѣстные жонглеры съ Гималайскихъ горъ“. Наконецъ, онъ взялъ наши деньги и пропустилъ насъ.

Внутри мы тоже имѣли большой успѣхъ. Наши бронзовые лица и живописныя одежды возбуждали общее изумленіе. Мы были предметомъ любопытныхъ взглядовъ.

Мы чрезвычайно гордились этимъ.

Послѣ перваго балета мы ушли и отправились обратно въ ресторанъ, гдѣ насъ ожидалъ ужинъ.

Не стану скрывать: этотъ ужинъ доставилъ намъ много удовольствія. Десять дней подъ рядъ мы питались почти исключительно холодной говядиной, пирогами, хлѣбомъ и пастилой. Это хорошій пользительной режимъ; но въ немъ не было ничего возбуждающаго, такъ что ароматы бургундскаго, запахъ французскихъ соусовъ, видъ бѣлыхъ скатертей были желанными гостями въ жилищѣ нашего внутренняго челоѣка.

Мы жевали и чавкали молча въ продолженіе нѣкотораго времени, а потомъ, когда можно было оставить вилку и ножикъ и принять болѣе свободныя позы, откинулись на спинки стульевъ, вытянули ноги подъ столомъ, уронили салфетки

на полъ, и такъ сидѣли въ крѣтвой задумчивос
съ полными стаканами въ рукахъ.

Затѣмъ Гаррисъ, сидѣвшій у окна, отдернул
штору и взглянулъ на улицу.

Тусклые фонари мерцали въ туманѣ, дождь
упорно барабанилъ въ окна, запоздалые прохожіе
плелись, свернувшись подъ зонтиками, женщины
подбирали юбки.

— Ну,—сказалъ Гаррисъ, поднимая стаканъ
наша поѣздка удалась, и я сердечно благодарю
старушкѣ-Темзѣ, но мы во-время кончили. По-
троимъ проститься съ лодкой.

Монморанси, стоявшій на заднихъ лапахъ
рядъ окномъ, вперивъ взоры въ ночную тьму
привѣтствовалъ этотъ спичъ короткимъ и одобри-
тельнымъ лаемъ.

- Метерлинкъ. Аглавена и Селизета.
 Лагерлёфъ. Деньги г-на Арне.
 Шницлеръ. Марионетки.
 Эчегарай. Великій Галеотто.
 Гальбе. Юность.
 Шницлеръ. Интермеццо.
 11. Ибсенъ. Кесарь и Галилеянинъ. II. Императоръ Юлианъ.
 13. Шибышевскій. Сыны земли.
 Г. Манъ. Флеиты и кинжалы.
 Анценгруберъ. Нашла коса на камень.
 17. Шницлеръ. Покрывало Беатриче.
 Роденбахъ. Мертвый Брюгге.
 Седербергъ. Гертруда.
 Бергстремъ. Карэнъ Борнеманъ.
 Гамсунъ. Вечерняя заря.
 Понтопиданъ. Молодая любовь.
 Тетмайеръ. Рассказы и фантази.
 Шницлеръ. Крикъ жизни.
 Вилье де-Лиль-Аданъ. Тайна эшафота.
 Д'Оревилли. Дьявольскія маски.
 Д'Аннуцио. Джованни Эпископо.
 Метерлинкъ. Жуазель.
 130. Гамсунъ. Подъ осенними звѣздами.
 Шницлеръ. Одинокій путь.
 3. Сигурдъ. Исторія одной жизни.
 Шницлеръ. Греческ. танцовщица.
 Лультатули. Письма любви.
 Шницлеръ. Анатоль.
 Вилье де-Лиль-Аданъ. Жестокіе рассказы.
 Энгель. Надъ лучиной.
 Гофмансталь. Авантюристъ и пѣвица.
 -143. Шибышевскій. Homo Sapiens.
 Уайльдъ. Идеальный мужъ.
 Долэ. Тартаренъ изъ Тараскона.
 Гамсунъ. Мечтатель.
 147. Ибсенъ. Джонъ Габриэль Боркманъ.
 149. Ибсенъ. Брандъ.
 150. Гейбергъ. Трагедія любви.
 Обстфельдеръ. Крестъ.
 Шибышевскій. De profundis.
 154. Гамсунъ. Редакторъ Люнге.
 156. Д'Аннуцио. Мертвый городъ.
 158. Гюго. Послѣдній день осужденнаго на смерть.
 157. Шницлеръ. Послѣдняя воля.
 158. Метерлинкъ. Принцесса Малэнъ.
 159-160. Роденбахъ. Звонарь.
 161-162. Гейерстамъ. Книга о маленькомъ братцѣ.
 163. Золя. Осада мельницы и др.
 164-165. Гамсунъ. Поросль.
 166. Шибышевскій. Requiem aeternam. Стезею Каина. Тиртей.
 167-8. Шибышевскій. Дѣти сатан
 169. Шибышевскій. Андрогина и др.
 170. Д'Аннуцио. Дж. оконда.
 171. Д'Аннуцио. Факиель подъ мѣсяцемъ
 172. Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ!
 173. Гарборгъ. Проловѣдникъ.
 174. Розеггеръ. Молитва плотника и др.
 175. Ибсенъ. Фру Ингеръ изъ Эстрот
 176-177. Гонкуръ. Элиза.
 178. Бангъ. Таинственные рассказы
 179. Д'Аннуцио. Сонъ весенняго утра. Сонъ осенняго заката.
 180. Ожье. Клерикалы.
 181. Омптеда. О смерти и др. новеллы
 182. Уайльдъ. De profundis.
 183. Гамсунъ. Волнствующая жизнь
 184. Прево. Куколка.
 185. Гамсунъ. Подъ полумѣсяцемъ.
 186. Конопницкая. Прометей и Сизисъ
 187. Гаукландъ. Бѣлая ночь.
 188. Г. Манъ. Антриса.
 189. Мюссе. Сынъ Тицана. Мушка.
 190-191. Уэллсъ. Борьба мировъ.
 192. Рейтеръ. Женскія души.
 193-194. Додэ. Письма съ мельницы
 195-196. Гауптманъ. Заложница Кар Великаго.
 197-199. Г. Манъ. Голосъ крови.
 200. Метерлинкъ. Семь принцессъ. Алладина и Паломидъ.
 201-202. Гамсунъ. Съеста.
 203. Гамсунъ. Драма жизни.
 204. Д'Аннуцио. Слава.
 205-7. Уайльдъ. Портретъ Доріана Грей
 208. Килландъ. Маленькія новеллы
 209-211. Бангъ. Безнадѣжно погибающіе
 212. Прево. Мѣшаночка.
 213-214. Ибсенъ. Борцы за престолъ
 215. Гамсунъ. Царица Тамара.
 216. Ибсенъ. Союзъ молодежи.
 217-218. Вассерманъ. Сестры.
 219. Гофманъ. Дождь и Догаресса. А томать.
 220. Гейбергъ. Балконъ. Тетя Ульрихъ
 221-223. урже. Ученикъ.
 224. Т. Манъ. Тристанъ. Тон'о Крегеръ
 225. Д'Аннуцио. Дѣвственницы.
 226-229. Шибышевскій. День Судъ
 230. Бангъ. Избранныя новеллы.
 231. Г. Манъ. Бунтъ и др.
 232. Ванъ Лербергъ. Панъ.
 233. Шницлеръ. Графиня Мицци.
 234-235. Красинскій. Ирдюмъ.

5. Зудерманъ Огни Ивановой ночи
7. Гольдони Хозяина гостиницы
3. Крагъ. Ночныя тѣни.
2. Ионасъ Ли. Тролль.
1. Шиллеръ. Марія Стюартъ.
1. Метерлинкъ Сіяя птица.
- 2-245. Войничъ. Оводъ.
5. Зудерманъ. Родина.
7. Пшибышевскій. Надъ моремъ.
- 3 Луисъ Человѣкъ въ пурпуръ и др.
2. Гауптманъ. Стрѣлочникъ Гиль.
2. Шоу. Цезарь и Клеопатра
- 1-253. Келлерманъ. Ингеборгъ.
1. Пшибышевскій. Синагога Сатаны
- 3-258. Гамсунъ. Мистеріи.
260. Мирбо. Очагъ.
1. Пленичъ. Делевскію рассказы.
- 2-265. Тетмайеръ. Ангель смерти.
- 3-267. Жулавскій. Эросъ и Психоя.
3. Де Гурмонъ. Цвѣта.
9. Лавертинъ. Роко о.
2. Эркманъ-Шатрианъ. Рейнскіе рассказы.
- 1-4. Лагерлѣфъ. Члоса Антихриста.
5. Лагерлѣфъ. Легенды.
- 3-277. Ньбуевскій. Письма нонормальнаго человѣка.
- 8-280. Мирбо. Голгора.
1. Д'Аннунціо. Перевозчикъ и др.
- 2-285. Уэлльс. Коина въ воздухъ.
6. Батайлъ. Два беззачія.
- 7-290. Д'Аннунціо. Наслажденіе.
1. Г. Манъ. Злы.
- 2-3. Лагерлѣфъ. Легенды о Христв.
4. Твэнъ. Жизнь на Миссиссиппи.
5. Уайлдъ. Женщина, о которой говоритъ не стоить.
- 6-297. Жулавскій. Іюла.
8. Тетмайеръ. Орлицы.
9. Прево. Женскія письма.
2. Уайльдъ. Какъ важно быть серьезнымъ.

- 301-2. Гамсунъ. Въ сказочной странѣ
303. Гауптманъ. Бобровая шуба.
- 304-5. Лоти. Матрость.
306. Ланггюль. Тайфунъ.
307. Лагерлѣфъ. Королевы въ Нунгахэлль.
- 308-9. Стендаль. Ченчи и др. разск.
310. Стриндбергъ. Любовь и хлѣбъ.
- 3 1-13. Стриндбергъ. На шхерахъ.
314. Д'Аннунціо. Двѣстѣнная земля.
315. Ибаньесъ. Двойной выстрѣлъ.
- 316-18. Г. Манъ. Діана.
319. Т. Манъ. Фіоренца.
320. Винничено Купля и др. разск.
- 321-323. Реймонть. Мужики (Осень).
324. Бьернсонъ. Когда цвѣтеть молочное вино
325. Прево. Замужество Жульенны.
326. Бэнъ. Чариканка.
- 327-9. Тетмайеръ. Марина изъ Грубаго.
330. Уайльдъ. Счастливей принцъ.
331. Твэнъ. Похищеніе бѣлаго слона и др. юмористическіе рассказы.
- 332 5. Д'Аннунціо. Туржество смерти.
336. Гординъ. Мирель Эфросъ.
337. Шоу. Ученикъ дьявола.
338. Гауптманъ. Вознесеніе Ганнеле.
339. Реймонть. Встрѣча и др.
340. Уайльдъ. Домъ изъ гранатовыхъ яблокъ.
- 341-344. Гамсунъ. Новь.
345. К. Михаэлисъ. М. мочка.
- 346-348. Де Ренье. Первая страсть.
349. Пшибышевскій. Пиръ жизни.
350. Бомарше. Женитьба Фигаро.
351. Мартовичъ. Вой и др. разск.
- 352-4. Г. Манъ. Минерва.
355. Сетэлъ. Дитя горя.
- 356-7. Франсъ. Тамсъ.
353. Гординъ. Сагава.
- 359-60. Джеромъ. Трое въ одной лодкѣ (кромѣ собаки).

1. Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича. Хозяинъ и работникъ.
2. Л. Н. Толстой. Крейцеровъ соната.
3. Л. Н. Толстой. Власть тьмы.
4. Л. Н. Толстой. Плоды просвѣщенія
5. Л. Н. Толстой. Корней Васильевъ и др. рассказы.

- 506 507. Къ голѣ. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Составилъ Н. Бродскій
- 508-509. Рабство и воля. Крѣпостное право въ русской литературѣ. Составъ. И. Ризановъ и Н. Сидоровъ.
510. Л. Н. Толстой. Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ и др. рассказы.

выписывающіе изъ склада (Москва, Козицкій, 2, тел. 124-24) сумму не менѣе одного рубля за пересылку не платятъ.